

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

3

1968

История
Уральского фронта
Смена подполковника
Смена подполковника
Смена подполковника
Смена подполковника

• Приключения
и фантастика

• Рассказы
бывалых людей

• Мечты
современников

• Занимательное
правосудие

• Следопытские
дела

• Дает адреса
романтикам

• О подвигах,
о доблести, о славе

3
1968

**Голову этого человека
фашисты оценивали
в миллион марок.
Восемь чехословацких городов
назвали его
своим гражданином**

ГРАЖДАНИН ДЕВЯТИ ГОРОДОВ

В. КАШИЦ

«В конце сентября 1944 г. пламя словацкого восстания перенеслось из Словакии на Моравию. Его перенесли отважный сын чехословацкого народа Ян Ушьяк и легендарный советский герой капитан Мурзин».

(Из книги секретаря Коммунистической партии Чехословакии Вацлава Копецкого «КПЧ — ЧССР»).

«...Активно действовали также отряды М. М. Перечинского, В. И. Маргат, Е. П. Волянского, К. К. Попова, А. К. Ляжа, Д. Б. Мурзина и др.».

(История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, стр. 327).

В августе 1944 года два «ИЛа» поднялись с Киевского аэродрома и взяли курс на Словакию, в район города Турчанский Мартин. Старшим на первом самолете был командир отряда десантников надпоручик Ян Ушьяк, на втором — начальник штаба капитан Мурзин, двадцатидвухлетний парень с Урала.

...Неожиданно облачность кончилась, и в иллюминаторах заблестели яркие звезды.

Мурзин прошел в пилотскую рубку, громко спросил:

— Где летим?

Летчик показал пальцем место на карте. Мурзин глянул вниз сквозь стекла пилотской рубки — ни огонька. Вдруг что-то

ослепительно вспыхнуло. Еще, еще!.. Летчик делал знаки рукой:

— Меняю курс!..

— Действуй!

Самолет резко качнуло, и он накренился. Потом крен уменьшился. Разрывы зенитных снарядов остались где-то позади.

Мурзин вернулся на свое место, у двери в пилотскую. Вдоль бортов молча сидели товарищи. Поблескивали кожаные куртки и шлемы. Вот напротив дремлет Павел Морозов, плечистый, всегда подтянутый, немного щеголяющий выправкой кадрового офицера. Рядом с ним клюет носом рыжекудрый, большеголовый вельселек молдаванин Павел Куделя — не-
1

утомимый при переходах, незаменимый балагур на привалах. С ним Мурзин почти год партизанил в Молдавии. А вот Ян Мелик. Выбился светло-русый чуб из-под шлема. Он словак, из армии генерала Свободы; осунулся за последние дни. В полутьме возбужденно блестят большие глаза москвички Саши Тимохиной. Сразу после десятого класса она записалась в школу радистов-разведчиков, и вот — первый рейд в тыл врага... Что-то шепчет во сне прикорнувший рядом с Мурзиным худенький белобрысый паренек в кубанке — Валя Николаев. Ему всего пятнадцать, но на груди у него уже поблескивает орден Красной Звезды. В отряде почти каждый знает его историю. Пробрался тайком на аэродром, где грузился самолет, отправлявшийся к партизанам в Брянские леса, юркнул в грузовой отсек и спрятался среди ящиков с боеприпасами. Обнаружили его уже на партизанском аэродроме, у Ковпака. Отругали, конечно, но — оставили.

Над дверью пилотской рубки замигала лампочка: «Приготовиться!..»

Мурзин последним прыгнул в упругую бездонную тьму, навстречу неизвестности...

Утром на площади перед церковью собралось все население Склабино. Пришли даже и из соседних деревень. На этом митинге был избран первый в Словакии национальный комитет. В отряд влились семнадцать местных жителей и бежавших из немецкого плена военнослужащих разных армий. Дали и название отряду: «Партизанский интернациональный имени Яна Жижки».

Председатель подпольного партийного комитета товарищ Мацура организовал встречу руководителей отряда с майором Величко — командиром партизанской бригады, действовавшей под городом Мартин. Мурзин знал Величко еще по Украине, когда тот был заместителем командира соединения. Встретились тепло, проговорили до вторых петухов. Бригада Величко готовилась к наступлению на Мартин. Было решено, что отряд Ушьяка и Мурзина примет участие в этой операции.

Вечером следующего дня, когда отряд имени Яна Жижки спустился с гор, Ушьяк и Мурзин опять пришли к Величко. Он возвышался над столом, затаенный в серую на «молниях» куртку парашюти-

ста; через плечо на тонком ремешке висел тяжелый маузер. Напротив Величко, поблескивая стеклами пенсне и пуговицами голубого мундира, сидел чех-полковник, начальник жандармерии города Мартин.

— Жандармерия переходит на сторону партизан и готова к операции по освобождению Мартина, — коротко доложил полковник.

За столом сидели также офицеры в чешской армейской форме: командир артиллерийского полка и пятеро офицеров из пехотных подразделений. Части эти также перешли на сторону партизан.

По плану, предложенному майором Величко, отряд имени Яна Жижки должен был действовать на левом фланге.

На рассвете по сигналу красной ракеты отряд Ушьяка и Мурзина устремился к центру города. Несколько десятков немцев засели в кирпичной казарме и поливали наступающих свинцом. Валька Николаев с группой солдат-словаков обошел казарму, пробрался во двор и забросал окна гранатами.

Мартин был первым словацким городом, освобожденным партизанами в тылу врага.

Прошло несколько часов. Отряд наскоро окапывался у железнодорожного моста. Неподалеку, в Жилине, находился большой немецкий гарнизон. Оттуда ждали немцев.

Мурзин обходил позиции второй роты, когда Павел Морозов крикнул:

— Танки!..

Их было два, они вышли из леса, быстро пересекли галечник — дно пересохшей речки — и теперь приближались к позициям второй роты. Морозову вначале показалось, что танки идут прямо на него. Но они забирали чуть правей, туда, где в окопчике сидели, съездившись, Валька Николаев и его новый друг — чешский мальчик Тонда. Когда до первого танка оставалось метров десять, Валька метнул тяжелую гранату. Взрыв. Танк крутнулся на одной гусенице и замер. Морозов бросился к ребятам, но упал, сраженный очередью танкового пулемета.

Все произошло в какие-то считанные секунды, и Мурзин видел все это. Он подполз к Морозову и стал оттаскивать его к окопчику. Одновременно подползли и ребята.

— Назад! — крикнул им Мурзин.

Второй танк был близко. Сухая земля

взрывалась вокруг Мурзина маленькими фонтанчиками.

— В окоп!..

— Сейчас... Сейчас, товарищ командир! — Ребята помогли тащить тяжелого Морозова. Когда они были уже у бруствера окопа, пулеметной очередью ранило обоих — и Вальку, и мальчика-чеха. И в тот же миг под гусеницей второго танка взорвалась брошенная кем-то из бойцов граната.

В тот день партизаны отбили несколько атак. Но для бойцов отряда имени Яна Жижки это была лишь проба сил...

На третий день боев из Украинского штаба партизанского движения пришел по радиации короткий приказ:

«Командиру отряда Ушьяку, начальнику штаба Мурзину. Поздравляем с успешной боевой операцией. Предлагаем с получением данного приказа выступить маршем в Моравию».

Ушьяк вскинул заблестевшие глаза на чернородого начштаба:

— Начинается! — высокий, внешне всегда очень спокойный, сдержанный, на сей раз Ушьяк был явно взволнован.

В то время Моравия была протекторатом Германии. Правил ею ставленник Гитлера генерал Карл Герман Франк. Малейшие попытки сопротивления чеш-

ского народа подавлялись с неслыханной жестокостью. К границам были стянуты воинские части, чтобы не допустить вторжения партизан из Словакии.

Отряд имени Яна Жижки должен был первым из партизанских отрядов развернуть боевые действия непосредственно на территории фашистского рейха.

В эти-то дни в отряд и прибыл Дворжик. Он предъявил партийный билет и сказал, что его направила в отряд Пражская подпольная организация — для связи. Документы были подписаны одним из секретарей ЦК компартии Чехословакии.

Мурзин передал по радиации в Киевский штаб партизанского движения все сведения о новичке и приказал Павлу Куделе вести за ним наблюдение.

— Человек он бойкий, — докладывал вечером Куделя Мурзину. — Умеет быстро завязывать знакомства. Особенно тянет его к русским. Часто просит у них закурить и все нахваливает советские папиросы: «О! У вас их умеют делать!» Предлагает в обмен зажигалки.

— Так. Продолжайте следить.

Несколько раз Дворжик предлагал свои услуги старшему радисту Володе Кучинскому. Станет тот антенну разбрасывать — Дворжик подойдет, чтобы помочь. Но Володя никого не пускал к радиации: не положено. А однажды Дворжик разгово-

рился с поварами на кухне. Все ему интересно: и чем кормят, и сколько продуктов уходит на день, и как питаются командиры — отдельно от бойцов или вместе.

И вот очередная информация: Дворжик попросил одного из десантников познакомить его с устройством советского автомата.

Поведение связного казалось подозрительным. Но и обвинить его серьезно ни в чем нельзя было. Интерес ко всему советскому объяснялся просто, — ведь Дворжик никогда прежде не встречал советских людей. И все-таки было в нем что-тостораживающее.

Вскоре, форсировав реку Ваг, разведывательные группы вышли к пограничному городу протектората — Великие Карловицы. Стали готовиться к переходу границы.

Ушьяк и Мурзин склонились над картой в наскоро сооруженном из веток шалаше. Сведений о противнике явно не хватало.

— Нужен «язык», — сказал Ушьяк своему начштаба.

...Раннее утро. Молочный густой туман поднимается с реки, цепляясь за ветки деревьев, выступы скал. Спрятавшись в росной траве возле тропки, притаилась группа захвата. Вот из-за скалы показался немецкий дозор — два автоматчика. Они обходили свой участок границы. Шагали не спеша, негромко переговариваясь. Отделившись от скалы, дорогу им преградила фигура в сером маскхалате — капитан Грековский. Взмахнув гранатой, он хриплым шепотом произнес:

— Хэндэ хох!

У немцев еще хватило времени оглянуться: нельзя ли бежать? Но за спиной уже стояли два партизана. Еще один, в форме чешского парашютиста, вырос на выступе скалы.

Фашисты подняли руки. Павел Куделя и Владислав Брозко тут же переоделись в немецкую форму и двинулись к заставе. Остальные члены группы последовали за ними на некотором отдалении.

Партизаны легко сняли часового и швырнули в окна заставы гранаты. Серьезное сопротивление оказал только офицер.

Захватив карты пограничного района и офицера, партизаны вернулись в отряд.

4 Теперь, когда они знали систему укреплений, надо было действовать решитель-

но и быстро. Однако утром при переходе через пограничную реку Ваг не удалось все же избежать перестрелки. Фашисты быстро подтянули силы, и партизаны отступили.

Следующей ночью отряд поднялся выше по реке, опять пытался прорваться через границу и опять под сильным огнем, неся потери, вынужден был отступить.

...Уставшие после двух бессонных ночей, бойцы спали в лесу вповалку на хвойном лапнике. Ушьяк и Мурзин в своем шалаше из еловых веток размышляли над картой.

— Да, история... — сокрушенно покачал головой Ушьяк. — Располагать такими завидными сведениями о противнике и не суметь прорваться! Вон ведь на какую глубину известна нам их оборона... — тонкий палец сухощавой руки прочертил линию в глубь Чехии.

— Теперь прорвемся, — сказал, помедлив, Мурзин.

— Что?..

— Теперь прорвемся, — повторил негромко Мурзин.

Ушьяк снова покачал головой:

— Только не теперь. Ведь немцы нас ждут.

— По-твоему, немцы не допускают и мысли, что мы сунемся в третий раз?..

— Вот именно.

Ушьяк задумался. Он знал, что его молодой, хотя и бородатый начштаба три года сражался в партизанских отрядах на Украине и в Молдавии. Три года такого опыта... Да, возможно, что Мурзин прав... И, не спеша, подбирая русские слова, Ушьяк сказал:

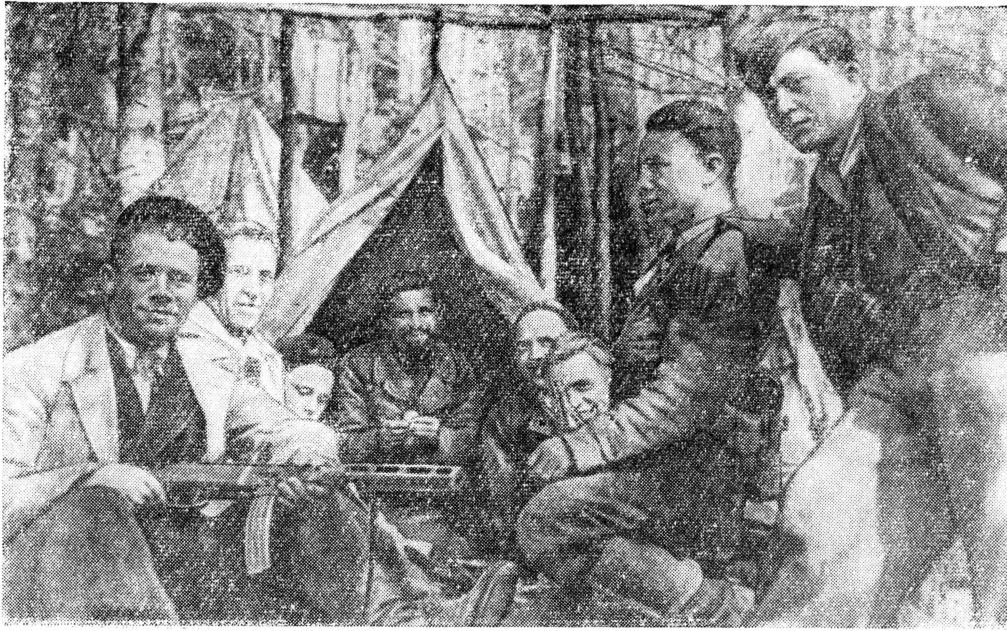
— Сделаем вот что: вначале пойдет не весь отряд, а группа человек в восемьдесят. Ты, Юра¹, и поведешь эту группу.

— Хорошо, — в голосе Мурзина слышалась сдержанная радость. Но мне понадобится связной, хорошо знающий район. Дворжик меня вполне бы устроил.

Ушьяк промолчал. Мурзин не стал настаивать на своем, решив вернуться к этому разговору позднее. Из Киева все еще не поступили сведения о Дворжике, и Мурзин попросту боялся оставлять его с излишне доверчивым Ушьяком. За обедом он опять спросил:

— Так как с Дворжином, Ян?

¹ Мурзина в партизанской бригаде звали Юрой.

Партизанский лагерь под городом Всетин. Март 1945 года.

— Пусть он пока останется в отряде,— ответил Ушьяк.— Дня через два я думаю отправить его в Прагу на связь. За это время, может, и Киев откликнется.

Группа Мурзина благополучно перешла границу. Растянувшись цепочкой, партизаны горными тропами все дальше и дальше углублялись в Моравию.

Утром остановились у деревни Средние Бычвы. Разведчики привели к Мурзину двух чехов. Один из них, Гаша, оказался руководителем местной коммунистической подпольной организации, бывшим подпоручиком.

Гаша сообщил, что для стоянки отряда устроен лагерь на горе Княгине. Местность труднодоступная, высота около двух тысяч метров над уровнем моря. Но немцам удалось напасть на след партизан и теперь сюда идет отряд егерей. От боя с ними лучше воздержаться.

— Мы предложим вам другой маршрут,— убеждал Гаша.— Немцы потеряют след, а мы еще быстрее дойдем до базы и установим связь с бригадой.

Ночью партизаны бесшумно спустились с горы на шоссе, совершили быстрый марш-бросок и опять ушли в горы и леса. И немцы действительно потеряли след партизан.

Отряд разместился на поросшей ле-

сом горе Магурке, в районе села Горные Бычвы. Сразу же занялись оборудованием лагеря.

На склоне противоположного холма возвышался замок чешского феодала. Своды его подвалов, выдолбленных в цельных гранитных глыбах, могли выдержать любую бомбежку. Здесь оборудовали лазарет, продовольственные склады. Недалеко от высоты Троячка, где сходились три горные тропы, вырыли бункер. Здесь разместился штаб отряда.

Через несколько дней вернулись посланные к Ушьяку с донесением разведчики.

Бесшумно вошел в командирский бункер лейтенант Настенко. Если верить тому, что некоторые люди с самого рождения имеют склонность к какой-то определенной профессии, то можно твердо сказать — Василий Настенко был природный разведчик. Отчаянная храбрость, большая физическая сила в сочетании с быстрым умом и находчивостью создали ему репутацию одного из лучших разведчиков отряда. Щелкнув каблучками, Настенко доложил:

— Товарищ начштаба, ваше приказание выполнено — связь установлена, — и протянул Мурзину пакет.

Известие было не из веселых. Ушьяк

сообщал, что на другой день после ухода группы Мурзина, отряд был окружен немцами. Вырвались сто пятьдесят человек...

А фашистское радио уже успело разнести по Чехии весть о том, что целая партизанская часть уничтожена при попытке перейти границу третьего рейха. Между тем партизанский отряд обосновался в самом центре фашистского протектората, на территории гитлеровской империи, и генерал Франк не решился признаться в этом своему фюреру.

Партизаны стали готовиться к широким боевым операциям. А для этого нужно было хорошо изучить район действия, установить связь с местными жителями, боевыми подпольными комитетами.

И вот пасмурным днем отряд из тридцати пяти бойцов, возглавляемый Мурзиным, отправился в поход по горным тропам... Был октябрь, но деревья еще не сбросили листву; выпавший утром первый снег лишь местами прикрывал зеленую траву.

Мурзин шел во главе цепочки, рядом с проводником, местным чехом. За ним двигались испытанные в боях товарищи: Степанов, Настенко, Бутько, Зимин, Журавлев, чехи: Станислав Мика, братья Ян и Иржи Чешковы и другие.

Бесшумно, как тени, петляя по лесным тропам, пересекая бросками большаки, прошли они в первый день километров двадцать. Уже смеркалось, когда отряд вышел на опушку леса. Под сенью вековых дубов чернел бревенчатый дом. В окнах его догорало пламя заката.

— Дом лесника Свачины,— пояснил проводник и ответил на молчаливый вопрос Мурзина: — Свой.

Решили здесь заночевать.

Проснулся Мурзин с рассветом. Прислушался. Издали доносился гул проходивших автомашин. Вышел на порог дома.

Слева, через поляну, примыкая к лесу, возвышался трехэтажный, под красной черепицей, дом. Вправо поляна резко обрывалась, и открывался широкий вид на далекие, поросшие лесом горы, освещенные косыми лучами восходящего солнца. Двумя островками белели домики городов Голешова и Фриштака. Темнели башенки замка.

6

Мурзин прошел к обрыву. Внизу змей-

кой вилась шоссейная дорога Прага — Злин. По ней двигались в сторону фронта автомашины с пехотой.

— Та-ак...— Синие глаза Мурзина прищурились, взгляд стал острее, точно прицеливался, примерял что-то.— Так...

Вернулся к дому лесника. Спросил у хозяина, кивнув на трехэтажный дом:

— Чье имение?

— Пана Папижека, фабриканта. Якшется с немцами. Во дворе — видите длинный барак? — живут рабочие.

— Так...

Подбежал партизан:

— Товарищ капитан, по тропе поднимается какой-то человек в штатском. Велосипед оставил внизу.

— Свой это,— сказал лесник.— Хороший человек. Учитель гимназии из Голешова. За молоком ко мне ездит.

— Пропустите.

Войдя в дом, учитель увидел сидевших за столом вооруженных людей. Чернобородый, с немигающим тяжелым взглядом указал рукой на стул и сказал:

— Садитесь.

— Русский? — удивился чех.

От него Мурзин узнал, что в Голешове стоит полк полевой жандармерии и подразделение полиции. Во Фриштаке — рота немецкой жандармерии.

— Так... Во Фриштаке рота? Где расположены казармы? Вот блокнот — начертите план...

Весь день партизаны дежурили у дороги, регистрируя проходившие войска. Ждали вечера...

Когда стемнело, тихо окружили имение Папижека, ворвались в дом. Самого Папижека, полного, лысеющего мужчину лет пятидесяти, подняли с постели и привели в контору. Туда же позвали и рабочих.

— Как обращается с вами Папижек, товарищи? — спросили рабочих.

— Плохо... Немцев то и дело вызывает.

— Так... Мы тебя,— повернулся Мурзин к Папижеку,— сейчас будем судить и повесим.

Перепуганный пан повалился в ноги.

— Будьте милосердны! Я могу вам верно служить! Помилуйте! Один мой завод находится в Праге, я и там могу быть вам полезен. Есть у меня знакомые и в русском пражском клубе!..

— Встань. Чем можешь еще помочь?

— Всем! Продовольствием, обмунди-

рованием, медикаментами, транспортом!
— Так... А информацию можешь дать?

— Могу! Все могу!

Мурзин положил руку на телефонный аппарат.

— Звони во Фриштак начальнику жандармерии и скажи, что к тебе зашли двое партизан. Они тяжело ранены, идти дальше не могут. Скажи: приезжайте, заберите их. Понял?

— Иисусе Мария... Звонить начальнику жандармерии?!

— Да.— Мурзин не улыбался.— Ты сказал, что готов нам служить.

Трясущейся рукой Папижек поднял телефонную трубку. Послышался голос начальника жандармерии Фриштака. Папижек, глядя в немигающие глаза бородатого «партизанского генерала», сказал все, как тот велел. И вскоре на дороге, ведущей из Фриштака, замелькали фары автомашины.

— По местам!—скомандовал Мурзин.— Когда подойдет машина, рабочие пусть откроют ворота. Машину пропустить, ворота закрыть. Приезжие пусть войдут в контору...

Набросив на себя плащ рабочего, у ворот встал Михаил Журавлев, офицер-морьяк с Черноморского флота, человек медвежьей силы. Когда во двор въехала легковая машина и из нее вышли трое жандармов,— не утерпел моряк: ударом кулака оглушил одного, схватил в охапку начальника, рабочие скрутили третьего. Пленных ввели в контору. Увидев Папижека, начальник жандармерии плюнул ему в лицо:

— Свинья партизанская! Цыган!

Один из жандармов, увидев партизан, метнулся к окну, но его остановила пуля.

— Вас ждет тоже самое,—сказал Мурзин начальнику жандармерии.

Спеси у немца сразу поубавилось.

— Я... не полноценный немец,—залепетал он.— Я—судетский немец. Пощадите...

— Условия такие... Повезете нас в город на своей машине. Проведете в жандармский участок, в казармы. Нам нужно оружие. Сделаете—останётесь жить.

— Хорошо. Я готов...—Немец вытянулся и сжал побелевшие губы.

За руль жандармской машины посадили личного шофера Папижека, переодев его в форму жандарма. В эту машину сели Мурзин, Степанов и начальник

жандармерии. В автобусе из гаража Папижека разместились остальные партизаны.

Автомашины остановились на окраине Фриштака.

— Идем!—приказал Мурзин шефу жандармерии.

Двинулись на слабый свет фонаря у будки постового. Сняли часового бесшумно. Стали подходить к двери участка...

— Achtung!¹—закричал, не выдержав своей роли, шеф жандармов. Степанов наотмашь стукнул его по затылку рукояткой пистолета. На крик выскочил дежурный, его скрутили, ворвались в казарму. Но немцы уже всполошились и позакрывали двери в коридор.

— Бревна сюда! Выбивать двери!—скомандовал Мурзин. Из-за дверей стали стрелять. В ответ партизаны саданули из крупнокалиберного пулемета. Полетели щепки. Выбили двери, ворвались в казармы. Немцы в нижнем белье: кто молится, кто плачет, некоторые еще пытаются сопротивляться...

— Кто стрелял в двери—спроси,—сказал Мурзин переводчику.

— Dieser!.. Und dieser!..²—вытолкнули двоих сами немцы.

— В расход. А остальные пусть быстро одеваются и бегут из города,—Мурзин повернулся к партизанам:— Провода связи перерезать! Оружие грузить на машины!

Вбежал партизан:

— Товарищ капитан, остановили два автобуса! Рабочие едут на завод!

— Скажи, что партизаны конфискуют весь транспорт, а рабочим посоветуй идти домой.

— Ура! Декуем! Спа-си-бо!..— донеслось с улицы и вскоре все стихло.

На этих автобусах оружие доставили к избушке лесника Немчакова. А автобусы потом отогнали подальше по дороге на Злин.

У лесника и переночевали. Утром лесник позвал Мурзина к маленькому приемнику:

— Слушайте... Сейчас еще раз повторят...

Немецкая радиостанция из Праги передавала, что ночью в городе Фриштаке на жандармский участок напали партиза-

¹ Внимание. Берегись!

² Этот. И этот...

ны, что жандармы, во главе с начальником участка, храбро сражались и разгромили партизан, что в этом бою смертью храбрых погиб начальник и все жандармы участка...

— Разгромили, значит, нас? — усмехнулся Мурзин. — А у нас всего двое легкораненых.

Отряд двинулся дальше.

В селе Липталь, недалеко от города Всетин, местный житель сказал партизанам, что в селе скрываются два советских офицера.

Встреча была радостной.

Политрук Макоев и лейтенант Башманов бежали из немецкого плена, прошли сотни километров по лесам, горам, без куска хлеба. На чешской земле они нашли друзей. Здесь они возглавили созданный ими подпольный комитет. Получают из Праги газету «Руде право» — орган ЦК Чехословацкой компартии. Здесь, в Липтале, перепечатывают, размножают газетные листки и распространяют среди населения.

Мурзин поручил им собирать советских людей, бежавших из плена (а их немало бродило в лесах), и направлять в отряд.

Двенадцать дней группа Мурзина колесила по горным тропам Валашского края, пройдя более полутора ста километров, устанавливая связи, мобилизуя людей. На Троячку шли и шли местные жители — чехи и словаки — и военнопленные: русские, французы, англичане, югославы... И когда Мурзин и Ян Ушьяк вновь встретились, в их распоряжении оказалось уже солидное войско. Решили реорганизовать отряд имени Яна Жижки в бригаду и разделить ее на три отряда во главе с Грековским, Степановым и Долиновым. Каждому из отрядов определили свой район действий — за 50—100 километров от штаба. На Троячке при штабе осталось семьдесят человек.

Отряд Степанова вскоре пустил под откос два воинских эшелона в районе города Всетина. Отряд Долинова разоружил триста румынских солдат и офицеров, разгромил жандармский участок в селе Марковицы. Отряд Грековского, установив связь с подпольной организацией Всетинского военного завода, добыл партию пистолетов, винтовок и пулеметов. Трижды взрывали подземный телефонный кабель Прага — Берлин. В центре Всетина, где стояло много немецких

воинских подразделений, была взорвана водонапорная башня, железнодорожный мост...

Популярность бригады росла.

А Киев так и не сообщал ничего о Дворжике. Ушьяк сам предложил еще раз проверить его.

Дворжика послали в ближайшие города, поручив ему установить новые связи с подпольными организациями, договориться о направлении в бригаду добровольцев. Следом за Дворжиком отправили двух партизан.

Первыми вернулись партизаны. Вид у них был виноватый: как только вошли в Брно, Дворжик словно сквозь землю провалился.

Дворжик явился через три дня, доложил:

— Я был в Брно, Остраве и Праге. Подпольные организации готовы прислать людей.

Мурзин спросил имена руководителей этих подпольных организаций. Дворжик назвал и имена, и явочные квартиры. Он сообщил также, что в городе Брно дей-

ствует крупная военная подпольная организация из бывших офицеров чехословацкой республиканской армии и руководит ею генерал Лужа.

— Откуда вам известно, что руководит ею Лужа? — Мурзин внимательно вглядывался в лицо Дворжика.

— Я служил у генерала. Был старшим уполномоченным контрразведки. Лужа — честный офицер, патриот. Мне известно также, что именно он оставлен Центральным Комитетом партии для работы в Брно.

Когда дверь за Дворжиком закрылась, запросили по рации Киев. Оттуда быстро сообщили: «Генерал Лужа оставлен Центральным Комитетом. Фамилии руководителей подполья верны».

В тот же день Дворжик был послан в село Бычвы для встречи с двумя подпольщиками. Следом за ним Мурзин опять отправил партизана, но и на этот раз Дворжик сумел уйти от «хвоста».

Утром, еще до возвращения Дворжика, в штаб бригады пришел учитель Гаша Ташеновский, руководитель подпольной организации в Бычве.

— Дело-то вот какое... — начал он неуверенно. — Вчера наши ребята видели,

как в дом колбасника вместе с немцами заходил один человек. Он был похож на Дворжика,..— и вопросительно глянул на Яна Ушьяка.

— Надеюсь, они проследили за ним потом? — спросил Ушьяк.

— Нет... Не догадалась.

— Нужно быстро связаться с Баженой.

Бажена, молодая подпольщица, работала официанткой в ресторане, который служил партизанам местом явки.

Дворжик вернулся в полдень. Рассказал, что виделся с представителями подполья городов Брно, Остравы и Оломоуца. Договорился о их встрече с командованием бригады. Встреча назначена на завтра, на десять вечера. Место встречи — горелая сторожка.

Бажена подтвердила сообщение Дворжика, и Ушьяк с Мурзиным пошли на эту встречу...

Поздно ночью, усталые, они вернулись в штабной бункер. Встреча была полезной. Товарищи обещали достать динамит.

— По-моему, пора направить Дворжика в Прагу для связи с центром,— сказал Ушьяк.— Эта связь для нас крайне необходима...

— Давай пошлем,— согласился Мурзин.

...Дворжик вернулся из Праги рано утром 25 октября. Он очень торопился.

— Через два часа,— сказал он,— прибудет второй секретарь ЦК из Праги. Придет еще секретарь подпольного комитета Остравы и представитель генерала Лужи из Брно. Я не решился пригласить их сюда. Договорились встретиться на горе Княгине.

— Почему именно там? — спросил Мурзин.

— Я не считал возможным пригласить их сюда, в штаб, без вашего разрешения.

«Правильно поступил, ничего не скажешь...» Дворжик прочел эти мысли на лицах командиров и сказал:

— Если вы против Княгини — давайте переиграем,— и вопросительно посмотрел на Ушьяка. Тот спросил в раздумье у Мурзина:

— Почему ты, Юра, против Княгини? Место вполне подходящее... Возьмем с собой человек десять автоматчиков и пойдем,

Собственно говоря, Мурзин ничего не имел против места встречи. Ему лишь не нравилась поспешность, с какой эта встреча была организована. И, чтобы проверить себя, спросил у Настенко:

— Как ты считаешь?

— Надо идти,— сказал тот.

Ушьяк, Мурзин, Настенко, Коза, Моло, Ковчак, Дворжик и десять автоматчиков спустились по горной тропе к Княгине. Вышли на большую поляну, с трех сторон окруженную лесом. Слева — обрыв, справа, над верхушками деревьев, — синие вершины гор.

Из леса, с противоположной стороны поляны, вышли трое и остановились. Средний — рослый брюнет интеллигентного вида в тирольской зеленой шляпе с пером. Он стоял, широко расставив ноги, обутые в туристские на толстой подошве ботинки. Брюки заправлены в высокие шерстяные носки. Двое других были одеты в черные длинные плащи.

— Идем, Юра! Это наши!.. — радостно крикнул Ушьяк и стал пересекать поляну. За ним двинулись остальные.

Тот, что в тирольской шляпе, сделал полшага навстречу и с приветливой улыбкой протянул руку:

— Я председатель подпольного центра,— и представил стоявших с ним рядом. Мурзин пожал руку одному, второму... Автоматные очереди за спиной взорвали лесную тишину. Мурзин обернулся. Стреляли справа и слева, из леса, отсекая охрану от командиров. Мурзин повернулся к «представителям» ЦК — те уже исчезли.

Он метнулся к лесу. Навстречу в полный рост, уткнув в животы автоматы, шли эсэсовцы. Мурзин рванул из рук адъютанта свой автомат и, выпустив длинную очередь, бросился к обрыву. Рядом, отстреливаясь, бежал Ушьяк. У самого края обрыва он выронил автомат и упал. Мурзин наклонился над ним:

— Жив, Ян?

— Надо предупредить наших...

— Держись, Ян!.. — Мурзин подтащил командира к краю обрыва, и тут его самого, словно дубиной, ударило по ноге. Он толкнул Ушьяка, и тот покатился вниз по крутому склону обрыва. Мурзин прыгнул следом. Попытался удержаться на скользком камне, с которого низвергался ручей. И не удержался, упал в глубокую, заполненную водой яму. Вода смягчила удар.

Огляделся. Никого. Он пошел вниз по дну ручья, оглядываясь, прислушиваясь к выстрелам наверху. Кружилась голова. Порой он едва не терял сознание, ненадолго останавливался передохнуть, а потом опять шел, полз...

Три дня спустя, ранним утром, лесник Ян Ткач — его домик стоял в глухом лесу у ручья, — выйдя из хаты, услышал слабый стон:

— Подь сем! Ранен я... Помогите...

Ткач подошел к мостику. Внизу, почти в самой воде, лежал человек в кожаной куртке, в одном сапоге. Его лицо и борода были в запекшейся крови.

— Цо то е?

— Мурзин я, Мурзин...

— Матка боска!.. Капитан!.. Немцы вчера здесь были... Давай руку... Спрашивали тебя... Так, так... Анна! Анна!.. Воду грей. Обмыть надо капитана!..

— Чаю бы мне... горячего...

Этим замечательным людям — Яну Ткачу и всей его семье — Мурзин обязан жизнью. Ян Ткач вместе с другим лесником, Крыжановским, устроил небольшой бункер под вековым дубом, бросил туда сена, овчину. Ночью выпал снег и скрыл все следы.

На третий день появились признаки гангрены. Неужели конец?.. Мурзин вспомнил родную деревню — Старые Балкы в далекой Башкирии. Там до войны он жил. Потом директорствовал в Тантагуловской школе... Как давно это было... Живы ли мать, отец?.. Отец как-то рассказывал, что в годы гражданской войны раненый чапаевец сделал сам себе ножом операцию, а рану залечил куском свежего сала.

Мурзин вырвал из планшета компас, разбил стекло рукояткой пистолета и резанул осколком по вздувшейся ноге... Потом выжал гной с кровью и перебинтовал ногу лоскутом от рубахи. Стало легче. А ночью пришел Ткач. Он принес хлеб и сало. Мурзин, вырезав два ломтика сала, положил их на раны.

Через неделю Ткач снова пришел и, глянув на рану, сказал:

— Добре, жить будешь.

В конце ноября явился связной Саша Никулин с запиской от Степанова: «Немедленно уходи», и Мурзин ушел в горы. А через час после его ухода явились немцы...

Фашистам не удалось полностью уничтожить бригаду. Пока Мурзин лежал у Ткача, капитан Степанов собрал остатки бригады в окрестностях города Всетин.

Ночью Мурзина провели в лесную избушку, где собрались командиры. Встреча была и радостной, и грустной: многих не досчитались.

— Та-ак... — Мурзин внимательно всматривался в лица товарищей. Спросил, как погиб командир.

И товарищи рассказали, как Ушьяк зацепился за кусты на склоне обрыва, а потом спустился к ручью и побрел вверх по течению. Падал, истекая кровью. Его догнал Дворжик. Он перебинтовал руки командиру и помог добраться до села Горное Челядно. Здесь он оставил Ушьяка в сарае, а сам пошел за «помощью»... Ушьяк верил ему, верил до тех пор, пока не увидел окружавших сарай эсэсовцев. И тогда Ушьяк зубами выдернул чеку из гранаты...

Дворжик оказался опытным немецким разведчиком-профессионалом, ближайшим сподручным Отто Скорцени...¹

— Так... Доложите о боеспособности отрядов...

На этом совещании заново реорганизовали бригаду, выделили людей для связи с подпольными комитетами, назначили двух представителей в подпольную пражскую газету «Руде право», чтобы через нее информировать население о действиях бригады имени Яна Жижки.

И снова в бригаду стали вливаться направляемые подпольными комитетами патриоты, а также военнопленные, бежавшие из концентрационных лагерей.

«Ахтунг! Партизаны!» — появились таблички на столбах перед въездами в деревни и поселки. Такими табличками фашисты предупреждали об опасности.

Обстановка в Чехословакии была в это время сложной. Советские фронты подходили к ее границам, армии противников группировались в районе озера Балатон в Венгрии, где немцы надеялись взять реванш. В Чехословакии были сконцентрированы отборные воинские части — до миллиона солдат. Здесь находились многие очень важные для немцев полигоны — артиллерийские, танковые, — размещались многочисленные диверси-

¹ Дворжик был пойман, судим и расстрелян вскоре после освобождения Чехословакии.

онные школы, работала хорошо организованная агентурная сеть гестапо.

Учитывая все это, командование бригады имени Яна Жижки разбило отряды на более мелкие подразделения, стало придерживаться еще более гибкой, маневренной тактики. Операции, как правило, теперь проводились ночью: непосредственно перед операцией несколько групп объединялись, а после выполнения задания — вновь рассредоточивались.

На дорогах, ведущих из Брно, действовало одно из подразделений интернациональной бригады Мурзина — отряд Ольги Франтишковой. В отряде этом были и русские, и французы, и венгры. Но основную массу бойцов составляли жители города Кромержиж, поэтому и отряд назывался Кромержижским. На счету этого отряда было немало дерзких операций.

...Ночью на станцию Марковицы вполз длинный состав — тридцать две цистерны с авиационным бензином. Шел он из Брно в Венгрию, где сосредоточивались танковые и авиационные части.

Начальник станции, чех, сказал охранявшим состав эсэсовцам:

— Отдыхайте, господа, до утра! Станция наша тихая. За бензин не беспокойтесь!..

Выставив небольшое охранение, эсэсовцы устроились в караульном помещении, где жарко потрескивала чугунная печурка.

Через каких-нибудь два-три часа черные тени заскользили вдоль путей. Партизаны бесшумно сняли часовых и пооткрывали вентили у цистерн.

— Все в порядке! — сказал старший группы начальнику станции.

— Добре, хлопцы! Уходите...

— А ты? Пойдем с нами!

— Нет. Я еще здесь пригожусь.

Но утром прибыли гестаповцы. Они арестовали охрану, а начальника станции повесили.

Об этой дерзкой диверсии партизан было доложено фельдмаршалу Шернеру, командовавшему воинскими частями в Чехословакии. Доложили ему также, что в эти дни партизаны в районе города Визовицы обезоружили батальон румынских солдат. Другая группа партизан ночью совершила налет на штаб власовского батальона под городом Валашские Мезержичи, уничтожила штаб и захвати-

ла большое количество оружия. В районе города Всетин взорван железнодорожный мост, в другом месте спущены под откос два воинских эшелона...

Вскоре в городах и поселках были развешаны приказы-листовки генерала Франка. В них голова «партизанского генерала» Мурзина оценивалась в миллион марок, а голова комиссара капитана Степанова — в 500 тысяч.

О действиях партизан в Валашском крае был информирован Берлин. И по приказу Кальтенбруннера в Моравию был направлен любимец Гитлера Отто Скорцени.

О том, что нацистский диверсант номер один прибыл в Прагу и через двое суток будет в Злине, партизанам сообщил Дурдик, начальник чешской полиции Злина. Но Скорцени торопился: он уже через сутки был в Злине и в тот же день встретился с начальником злинского гестапо Энгельхеном. Гестаповцу за неделю до этого удалось в один из отрядов партизанской бригады, где командиром был Николай Костин, заслать своего агента. Агент выдал себя за партизана Ковача. В картотеке же гестаповских агентов он числился под именем Ольдриха Бати.

Из Злина Скорцени выехал в Визовице и там, в старинном замке немецкого барона, встретился с гестаповскими агентами. На этой встрече присутствовал и высокий брюнет интеллигентного вида — тот, что с помощью Дворжика пытался выдать себя на Княгине за второго секретаря ЦК. Это был один из матерых агентов гестапо — Большой Франт¹.

Однако и партизанская агентура не дремала. Майор Дурдик и руководитель военной подпольной организации города Голишева надпоручик Ролик сообщили партизанам о том, что Скорцени готовит крупную операцию против бригады. Мурзин доложил об этом в Украинский штаб партизанского движения и получил из Киева приказ: отвести отряды ближе к словацкой границе, где действовали крупные партизанские подразделения генерала Асмолова.

Большинство отрядов бригады сумело выполнить приказ и уйти из сетей, которые раскидывал Скорцени. И только группа Николая Костина осталась в кольце эсэсовских войск...

¹ Впоследствии был пойман партизанами бригады и казнен.

...Жирная стрела на карте, лежавшей перед Скорцени, нацелилась на расположенный в стороне от дороги населенный пункт Плоштина. В полдень 13 апреля 1945 года грузовики и вездеходы истребительного батальона «Зюйд-Ост» начали прокладывать путь по занесенным снегом дорогам. Эсэсовцы оцепили Плоштину и ворвались в дома. Но ни партизан, ни оружия не нашли. Неудача привела эсэсовцев в бешенство. Они облили дома бензином и подожгли. В огне погибли десятки жителей села.

Предав огню еще несколько деревень, Скорцени доложил, что партизанская бригада уничтожена, а Мурзин убит.

А бригада вскоре вернулась в старое место и опять взяла под контроль весь Валашский край. Особенно большим сюрпризом было для немцев похищение их генерала...

— ...Есть, командир, интересный объект! — взволнованно начала Ольга Франтишкова прямо с порога.

Мурзин молча глянул на Ольгу и показал рукой на стул, приглашая сесть. Встреча происходила в доме лесника.

— Слушайте! Мои хлопцы установили связь с людьми из замка немецкого барона Дубского, — Ольга достала из кармана кожаной куртки папиросу и стала разминать ее тонкими красивыми пальцами. Мурзин щелкнул зажигалкой. Ольга глубоко затянулась и откинулась на спинку стула. — Замок находится в тринадцати километрах за Кромерижем. У барона большие связи среди офицеров гестапо. Дочь его, баронесса Елена Дубская, замужем за генералом. Он там... на Восточном фронте, а Елена работает в Кромериже в гестапо. Ей двадцать один год и, говорят, она в близких отношениях с гетманом города, полковником СС Коближеком.

Мурзин молчал, взвешивая, прикидывая. Ничего не скажешь, объект интересный. Через Елену Дубскую можно заполучить и Коближека, за которыми давно уже охотятся партизаны, и данные об агентах гестапо, работающих среди партизан...

И Мурзин сказал:

— Проследите, откуда и кто приезжает в замок и в какое время. Подключите телефон к линии, организуйте постоянное подслушивание. Установите надежную связь с людьми замка...

Через несколько дней от Ольги в штаб бригады прибыл связной. Он доложил:

— Наблюдение за замком установлено. Возможно, удастся установить связь с Еленой Дубской.

«Почему вы считаете, что жена немецкого генерала будет работать на партизан?» — спросил Мурзин у Ольги.

И последовал ответ:

«У Дубских прислугой работает Анна, чешка. Елена порой со слезами рассказывает ей о зверствах гестапо. Это она сообщила Анне, что барон ожидает в гости немецкого генерала. Как быть?..»

...В середине апреля 1945 года группа хорошо вооруженных партизан из отряда Франтишковой укрылась недалеко от замка и установила связь с Анной. Связным был долговязый молодой священник по кличке Быстрый. Группой командовал Езеф Альберт.

Вечером священник передал Альберту:

— Рано утром приезжает генерал. Анна ждет вас.

В тот же вечер Анна черным ходом провела партизан в подвал. А когда в замке все заснули, вывела партизан на первый этаж. Они расположились в двух комнатах, где жила прислуга. Сам Альберт переоделся в ливрею и сел у входной двери.

Рано утром, когда в долине еще стоял туман, к воротам замка подкатили черный лимузин и зеленый крытый вездеход. Из лимузина вышел высокий худощавый генерал с седыми висками. В сопровождении двух адъютантов генерал легкой походкой направился к замку. Остальные офицеры из его свиты, а их было еще человек десять, остались возле машин.

Когда генерал и его два адъютанта вошли в вестибюль, на него набросили одеяло. Быстро скрутили и одного офицера, но второй, рослый детина, сшиб головой напавшего на него партизана. Лишь удар ножом утихомирил его. Всех троих партизаны быстро перенесли в комнату.

Привлеченный шумом, на лестницу вышел старый барон. Связали и его.

— Анна! Где Анна?

— Анна, Езеф кличет!

Стройная черноволосяя девушка в парадном переднике сделала легкий реверанс Езефу.

— Оставь шутки, Анна! Скажи, когда Елена должна приехать?

— Пани Елена обещала приехать утром.

— Надо успеть до ее приезда... Ты вот что... Выйди и позови в дом офицеров. Скажи, что барон приглашает их на завтрак.

Анна вышла и передала офицерам «приглашение» барона. Те было стали отказываться, но Анна всплеснула руками и сделала огорченную мину:

— Ах, господа! Но мы так готовились к вашему приезду!..

И офицеры, оставив в машине шоферов, направилась к дому.

Схватка в вестибюле была короткой. На стороне партизан были и внезапность и численное превосходство. Не раздалось ни единого выстрела.

Всех пленных офицеров перетаскали в подвал под кухней. Генерала перевели на второй этаж в кабинет барона. Два партизана, переодевшись в форму немецких офицеров, арестовали и шоферов.

Не успели еще прибраться в вестибюле, как приехала Елена Дубская. Войдя в вестибюль, она вскрикнула и бросилась бежать. Ее догнали, привели в кабинет. Попросили позвонить Коближеку. Елена передала ему приглашение отца приехать в гости. Приглашение подтвердил и сам барон.

Минут через пятьдесят прибыл в замок полковник Коближек с шофером. Суд партизанский был скорым: Коближека той же ночью повесили в лесу.

Тем временем связались с Мурзиным. Тот велел, не мешкая, доставить генерала в штаб бригады.

Вскоре после того, как партизаны покинули замок, там появились немцы. По тревоге был поднят гарнизон Кромержижа — два пехотных полка, отряд владовцев, подошедшие подразделения танковой дивизии. Перекрыли все дороги.

Когда Езеф Альберт понял, что путь к штабу отрезан, он решил идти со своей группой на Чешско-Моравские высоты. Лишь на четвертые сутки партизаны ото-

рвались от преследования и укрылись в лесной чаще.

Мурзин вскоре получил донесение: «Генерал в надежном месте. Доставить его не можем. Как быть?»

Прибывшие к Альберту представители командования бригады долго бились с генералом: он наотрез отказывался давать показания лицам, ниже его по рангу. В конце концов все же согласился расшифровать карту с грифом «совершенно секретно». На этой карте было указано расположение войск в районе озера Балатон. Полученные данные партизаны в тот же день передали по радиации в Киев и в штабы 1-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Третьего мая в районе города Фриштака бригада встретилась с частями 4-го Украинского фронта.

Это был уже конец войны.

Прошло с того памятного дня двадцать три года. Даян Боянович Мурзин живет в Уфе, работает помощником прокурора республики. Он и жена его Надежда Павловна, тоже боец бригады, получают множество писем из Ленинграда, Казани, Москвы, Брно, Праги, Остравы, Варшавы, Кракова, Вены, Осло, Парижа, Нью-Йорка, Лондона. Один из их бывших соратников, Александр Никулин, живет в Свердловске. Бережно хранит Мурзин письма своих боевых друзей, как хранит он огромный альбом, на первой странице которого написано: «Мурзину — герою, оборонителю и приятелю Злинской области, края и народа...», а дальше — на десятках страниц — следуют 36 тысяч подписей от благодарных жителей бывшего Валашского партизанского края...

Мурзин — почетный гражданин восьми чехословацких городов, кавалер семи боевых орденов этой страны...

Почтовая открытка с портретом Мурзина, выпущенная в Чехословакии.

Часто бывшие партизаны собираются вместе, а когда бывают в Чехословакии, то непременно завернут в село Горное Челядно. Там они подолгу молча стоят на площади у памятника Яну Ушьяку — памятника сыновней верности Отчизне, памятника интернациональной борьбы против фашизма.

...Весной чешское село Горное Челядно утопает в бело-розовой кипени цветущих садов...

Рисунки Н. Мооса

РАЗГОВОР

О ВИСИМЕ

В прошлом номере «Уральского следопыта» был напечатан очерк Бориса Рябинина «Висимские раздумья», где рассказывалось о родине Д. Н. Мамина-Сибиряка — поселке Висим. В очерке ставился вопрос о необходимости восстановления закрытый ранее природный Висимский заповедник и, кроме того, создать историко-этнографический и литературно-мемориальный комплекс, посвященный жизни и творчеству знаменитого уральского писателя.

Редакция пригласила на беседу за «круглым столом» группу ученых и представителей общественности, чтобы продолжить этот разговор — обменяться мнениями, выслушать рекомендации.

Итак, нужен ли заповедник? Ведь пожелание — это одно, а необходимость — другое.

Что же говорят ученые?

Доктор биологических наук, профессор Борис Павлович Колесников, ректор Уральского государственного университета, председатель Комиссии УФСН по охране природы Урала отвечает на этот вопрос утвердительно.

— На всем Урале — от Ледовитого океана до Мугодзар — осталось всего три заповедника. Это — известный Ильменский заповедник имени В. И. Ленина, Башкирский заповедник на реке Белой, со знаменитой Каповой пещерой, и Печоро-Ильчский горно-таежный. Есть еще три заказника: Троицкий лесостепной, Кунгурский на реке Сылве и так называемая Ледяная гора с Кунгурской ледяной пещерой.

Но это ничтожно мало для такой огромной физико-географической зоны, очень богатой экологически и чрезвычайно разнообразной в природном отношении, какой является Урал. По подсчетам нашей комиссии охраны природы, необходимо иметь по меньшей мере 8—12 заповедников, которые бы отражали все ландшафтные особенности Урала — от полярных гундр до южных полупустынь. В первую очередь нужно восстановить закрытый заповедник Денежкин Камень — он очень необходим. «Уральский следопыт» правильно ратовал за создание заповедника в районе Конжаковского Камня. Нужен и Висимский заповедник — он характеризует интересную часть территории Урала, и мы должны передать последующим поколениям в сохранном состоянии естественную уральскую природу этого района.

В. Н. Синцов, ответственный секретарь Свердловского областного отделения Общества охраны природы:

— На Среднем Урале, в нашей Свердловской области нет ни одного государственного заповедника. Было два — Денежкин Камень и Висимский, но оба закрыты. И любители природы сейчас справедливо ставят вопрос о восстановлении их и открытии новых.

Мы горячо поддерживаем идею восстановления Висимского заповедника. У нас уже взяты на учет и под охрану некоторые участки этого района.

С тем, что Висимский заповедник необходимо восстановить, согласились и все остальные участники «круглого стола». Но — как это сделать, каким видится новый заповедник, восстановленный с учетом прошлого опыта?

— Да, это не простой вопрос, — говорит Б. П. Колесников. — Какого типа нужен заповедник? Типа ли классического, где территория строго ограничена и куда никого не пускают кроме туристов, где есть штат научных работников. Или это будет народный парк, какие есть, например, в Польше и Чехословакии, то есть в плотно населенных странах, где природу нельзя изолировать от общества, но можно выделять отдельные участки и охранять их.

Проблема народных парков очень важна, и наша комиссия высказалась за создание нескольких таких парков для отдыха жителей Свердловска и Первоуральска, Нижнего Тагила, Качканара и Серова. Территорию бывшего Висимского заповедника также можно рассматривать как большой народный парк, где нужно построить дороги, гостиницы, мотели, всякого рода тропы. Какие-то участки территории изъять из хозяйственного пользования, вести здесь научно-исследовательскую работу. Это охватит, примерно, 15 процентов площади заповедника — не больше, остальные освободить для посещения. Тогда Висим станет частью этого парка.

Если же говорить о восстановлении Висимского заповедника, то нужно восстанавливать его в несколько иных границах. Последние границы охватывали 50 тыс. га, но сейчас нужно ориентироваться на площадь порядка 20—25 тыс. га, потому что изымать на Урале большие площади из хозяйственного пользования — трудно. Нужно выделить участки, наиболее ценные в научном отношении и, может быть, менее ценные в хозяйственном отношении. Причем — не обязательно в одном компактном массиве, а, может быть, взять

три — четыре близко расположенных участка и связать их хорошими дорогами.

Ну, а как сочетаются интересы охраны природы с идеей создания историко-этнографического и литературно-мемориального комплекса в районе Висима?

На это отвечает доцент Уральского университета, председатель ученого совета литературного Музея Д. Н. Мамина-Сибиряка, кандидат филологических наук Иван Алексеевич Дергачев.

— Заповедник природы на Среднем Урале, конечно, должен существовать. Но нужен также и литературно-этнографический заповедник. Вопрос о нем обсуждался на ученом совете Музея Мамина-Сибиряка.

Что нужно? Надо показать посетителям Висимского музея Мамина-Сибиряка типичный уральский пейзаж, хотя бы в границах вдоль реки Мартьяны к верховьям Шайтанки до горы Белой, может быть, в ближайшем отрезке — леса Висима. Надо показать условия труда и быта уральских рабочих в прошлом. В одном из цехов завода восстановить водобойное колесо кричного молота, горн и вообще обстановку старого завода. Здесь же неподалеку можно было бы устроить, скажем, кученок и показать, как выжигался уголь. На реке поставить вашгерт, показать, как добывалось золото. В ряде домов Висима можно устроить уголки быта — раскольничьего, переселенцев — гуляков и украинцев. А в домах, которые прилегают непосредственно к музею, развернуть дополнительную экспозицию по этнографии края.

— Но, говорят, — подает реплику тов. Синцов, — что у нас в стране нет опыта объединения этнографии, истории, туризма и охраны природы — в одном комплексном заповеднике. Поскольку заповедник должен быть ведомственный, то каждое ведомство будет подходить со своей точки зрения. В этом — трудность организации такого заповедника.

— Можно поставить вопрос и так, — говорит Б. П. Колесников, — восстановить Висимский природный заповедник и создать мемориальный музей. Резиденция заповедника может находиться в Висиме и при нем будет существовать литературно-мемориальный музей, расширяющий возможности и исследовательских работ заповедника, и, главное, возможности привлечения туристов. Правда, и здесь будут разные ведомства и разные люди, но у них будет много общего в их целях и они смогут найти общий язык.

Невольно встал вопрос и о будущих посетителях — туристах.

— Туристы будут, — заверил представитель областного совета по туризму Э. Б. Войновский. — В этих краях туристы особенно любят четыре места: гору Шунут, Бардымский Камень, Старик-Камень и гору Белую. На Белой, кстати, скоро будет создана трасса горного слалом. Из Чехословакии уже завезено оборудование канатной дороги. Это трасса союзного значения, при ней будут кемпинг, гостиница. Через 2—3 года район будет людным.

— Когда мы обсуждали вопрос о заповеднике на ученом совете нашего музея, — добавляет И. А. Дергачев, — то решили, что около Висима,

может быть на другой стороне — в бывшем имении Строганова, необходимо создать туристскую базу, которая вела бы экскурсионную работу и в то же время поддерживала бы в постоянной готовности и порядке все экспозиционные точки.

Было бы целесообразно на территории Висима организовать мастерские местных художественных промыслов, которыми славился Тагил, — роспись подносов, железных шкатулок, делать тагильские бураки, сувениры из уральских камней. Можно разработать интересный маршрут: экскурсанты, приехав со стороны Тагила в Висим, отправятся пешком на Усть-Утку, оттуда на моторной барже пройдут до Кыновской базы.

— Что касается нашего общества, — говорит Владимир Иванович Лесных, ответственный секретарь Свердловского областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры, — то мы окажем всяческую поддержку этому делу. Мы даем Нижнему Тагилу ставку, у нас там будет платный работник, который, среди других вопросов, будет заниматься и охраной старины в этом районе, поможет в восстановлении древних художественных промыслов.

— Но странно, — добавляет он, — что у нас сегодня нет оппонентов, представителей тех организаций, у которых могли бы быть возражения, может быть даже и обоснованные.

Да, как ни странно, возможные противники заповедника — работники лесного хозяйства — на обсуждение не явились, хотя были заранее приглашены и дали согласие принять участие в беседе. Пришлось продолжить беседу не за круглым столом редакции, а за служебными столами, в кабинетах лесных работников. Как смотрят они на Висимский проект?

ОБЛПЛАН (начальник сектора леса Н. М. Виноградова):

— Положительно, конечно. Но учтите: лесозаготовители будут сопротивляться. Они там развивают лесозаготовки, район у них обжитый, доступный. Вообще комбинат «Свердлес» у нас каждый год — камень преткновения... Их принуждают двигаться на север, а они не хотят. А область уже истощена... И на север-то некуда! Запасов нет в натуре. Пожары много уничтожили. Вырубили. Положение очень серьезное с лесами. Горная зона вырубается, есть опасность остаться без воды. Каждый год пишем, просим уменьшить заготовки, а вместо сокращения план увеличивают. Есть ведь указание правительства и ЦК партии, что в районах с ограниченными сырьевыми ресурсами надо провести мероприятия по резкому сокращению перерубов расчетных лесосек и сокращению мощностей лесозаготовительных предприятий. Комитет лесного хозяйства при Совете министров СССР нас поддержал — рассмотреть просьбу о сокращении, просьба обоснованная... А министр лесной промышленности говорит: надо рубить... оставить все без изменений до 1971 года. А это значит — истребить все. Хотят легкой жизни! На новом месте надо трудности переживать, организовывать работу... Не хотят. Наступают на горло горной зоне. А Висим — сплошь горная зона, там ни в коем случае нельзя допускать перерубов. Уральские леса надо защищать, если не хотим их

потерять! Думаю, что и облизполком поддержит... А с управлением лесного хозяйства не разговаривали? Поговорите с ними, они фондодержатели...

УПРАВЛЕНИЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА (начальник управления Б. К. Капралов):

— Мамин-Сибиряк — любимейший мой писатель... Впрочем, конечно, не в том суть. Мы уж тут советовались между собой, разговаривали с товарищами. Наше мнение такое: конечно, уголок Мамин-Сибиряка надо создавать. В районе Сулема и вокруг других речек идет беспощадная рубка лесов. Положение, я вам скажу, просто ужасное. Мы уж думали: может, пойти на такой путь — изымать все леса у Висима и в его окрестностях Вытеснять леспромхозы — трудно, прямо сказать, даже невозможно. Может быть, оставить под заповедник одно Висимское лесничество? Это порядка двадцати тысяч гектаров...

А вот еще одно, очень важное высказывание. Дмитрий Иванович Пащенко, управляющий комбинатом «Свердлес» — тем самым комбинатом, который заготавливает лес на территории, предлагаемой под заповедник.

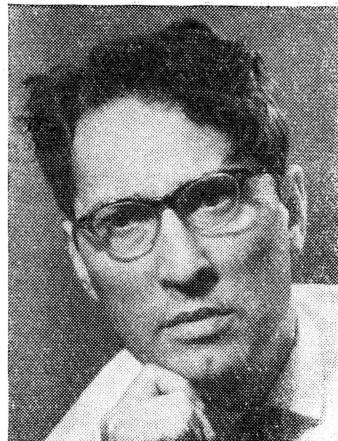
— Я, как человек и гражданин, — тоже за природу. Почитаю я и Мамин-Сибиряка... А вот как при этом, то есть при организации заповедника, затрагиваются производственные интересы, — тут надо посмотреть. Вы застали меня врасплох. Нужны цифры, планы: сколько изымать, какую именно территорию. Может быть, при этом не очень ущемятся интересы лесозаготовителей... Хочу высказать пожелание: надо, чтоб был комплексный заповедник. Надо также, чтобы там звери жили и птицы, а то дустом посыпают леса, спасая их от вредителей, — и все пропало, вся живность... Я — со всем народом.

Как видим, и здесь, со стороны лесозаготовителей, нет оснований ожидать яростного сопротивления организации заповедника. Высказывание товарища Пащенко — доброжелательное, обещающее найти общий язык при решении этого вопроса

Так за чем же дело? Значит — быть Висимскому заповеднику? Значит, удастся нам сохранить «милые, зеленые горы», о которых писал Д. Н. Мамин-Сибиряк?

Дело теперь за свердловским облизполкомом. Мы надеемся в следующих номерах уже сообщить читателям о его решении.

Беседу записали Ю. Курочкин и Б. Рябинин.

Владилен
М А Ш К О В Ц Е В

СТРАНА ИНТЕГРАЛ

Ветер магнитный
чилигу колышет...
Парень на домне
Формулы пишет.
Он мелом выводит
таинственный знак,
а я не пойму
эти знаки никак.
В земле каменной
давно я лежу,
сквозь синее время
на парня гляжу.
Не видел парнишка,
как я умирал,
пишет мальчишка:
— Даешь Интеграл!
А мне не известна
такая страна.
Была ли
на карте комдива она!
Я знаю, где Вятка,
Сибирь и Урал.
Но где же, скажите,
страна Интеграл!
Дайте мне саблю,
дайте коня...
И в то королевство
пошлите меня.
Но глухо у моря
вздыхает земля,
шумят
над могилой моей тополя.
Помню, как с фланга
горнист заиграл,
огнем захлебнулся
турецкий вал.
Под сабельным ветром
кони — в галоп,
грохот и крики:
— Даешь Перекоп!
Как птицы,

ДАРЬЯ

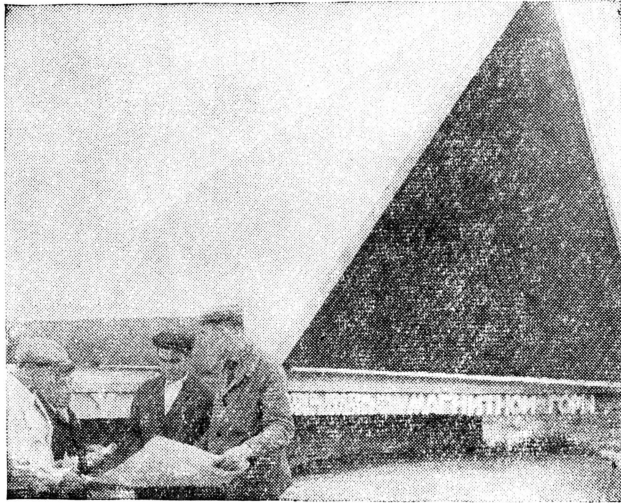
Войну, как в небыль, унесло,
в сирени мирной
тонет улочка.
Но, как и прежде, за село
выходит в белом Дарья-дурочка.
Вселилась в женщину беда,
живет в ней каменными стенами.
Она с ума сошла, когда
пришла на мужа похоронная.
Вздохали деды, говоря
о смерти
и солдатской удали.
А он вернулся... писаря,
должно быть, в штабе поднапутали.
Но почему так! Почему!
Ужели горя было мало!
Жена не бросилась к нему,
солдата Дарья не узнала.
Она в безвыходном бреду
его не признавала мужем:
— Уйди, солдат! Я мужа жду!
Чужой мужик, ты мне не нужен...
Войну, как в небыль, унесло,
на бруствере
бунтует жимолость.
Но, как и прежде, за село
выходит Дарья-одержимая.
Вот люди с поля, газик мчит...
она — как трепетная птица.
Застыла Дарья и молчит,
надрывно вглядываясь в лица.
Хохочет
и рыдает гром
в круговороте жизни вечном.
Она под солнцем и дождем
ждет мужа
в платье подвенечном.

летели и пели сердца...
Но песня оборвана
точкой свинца.
Пуля меня
в той атаке прожгла,
пухом земля
подо мною легла.
Не видел мальчишка,
как я умирал,
пишет мальчишка:
— Даешь Интеграл!
Но где же находится
эта страна!
С каким государством
граничит она!

Рисунки Л. Полстоваловой 19

ПАМЯТНИК ПЕРВОЙ ПАЛАТКЕ

Мы жили в палатке
С зеленым оконцем,
Промытой дождями,
Просушенной солнцем.
Да жгли у дверей
Золотые костры
На рыжих камнях
Магнитной горы.

Эти слова поэт Борис Ручьев может смело поставить эпитафией к своей автобиографии, как первый строитель. Да и не только он — все, кто строил Магнитку в тяжелые тридцатые годы.

Теперь они, эти слова, воплощены навечно в бетоне. Сейчас уже трудно установить, кому принадлежит идея оригинального памятника первой палатке. Известно только, что зачинатели этого дела — комсомольцы нынешнего поколения. Это они в знак благодарности и признания заслуг первых строителей Магнитки воздвигли памятник, отдали дань уважения тем, чьим героическим трудом создан крупнейший в мире Магнитогорский металлургический комбинат.

Памятник стоит на берегу реки Урал. Скоро здесь зашумит большой парк строителей, и каждый входящий в него, взглянув на символическую палатку из бетона, вспомнит былое.

— Мне вспоминается, — рассказывает заслуженный горновой РСФСР А. Парамонов, — очень многое. Я один из тех, кто начинал строить Магнитку. В памяти возникает картина: в степи одиноко стоит железнодорожный вагон с надписью: «Станция Магнитогорск». Вокруг — палатки, шатры, телеги. Повсюду дымят костры...

Был такой трагический эпизод 1 сентября 1931 года. Со-

оружали вторую домну — она была объявлена комсомольской стройкой. В этот день стояла ясная, солнечная погода. Комсомолец Миша Крутиков вел клепку конструкций на 38-метровой высоте. Вдруг поднялся сильный ураган. Тучи пыли надвигались с нарастающей быстротой. Надо было во что бы то ни стало закрепить установленную форму. Клепальщик успел вставить три болта, и сильным порывом ветра его сбросило вниз...

Шел пареньку в ту пору двадцатый год. Он, как и все, жил в палатке. Его имя теперь будет высечено на памятнике первой палатке.

Но никакие трудности не могли сломить волю людей. Первый бетон в тело плотины уложили 20 августа 1930 года. Она была сооружена в рекордно короткий срок — 72 дня. А меньше чем через три года — 26 июня — получен первый чугун, 7 июля — первая сталь и 28 июля 1933 года страна узнала: на Магнитке вступил в строй первый блюминг... Такова летопись стройки.

На всю страну гремела тогда слава о героизме бригад Х. Галиуллина, Е. Смертина, бетонщиков П. Ульфского, монтажников В. Лебедева и многих других. Их имена навечно вошли в историю строительства. Сейчас живут и трудятся еще многие из первопроходцев, чей труд и жизнь — живая история Магнитки.

И. КРИВЦОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ САМСОН

ПОВЕСТЬ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ТАЙ-
НЕ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО БОГАТЫРЯ, КОТО-
РЫЙ БЫЛ РОСТОМ НИЖЕ МНОГИХ ИЗ НАС, А
МОГ ПОЙМАТЬ НА ЛЕТУ И УДЕРЖАТЬ ПУШЕЧ-
НОЕ ЯДРО.

Лондон. Пестрая толпа заседала в цирке, собравшихся посмотреть выступление советских артистов. Гомон в фойе. И вдруг — на чистом русском языке:

— Владимир Григорьевич, можно вас на минуточку? — Как будто и не в Лондоне вовсе, а в Москве, на Цветном бульваре, мимоходом окликнул старый знакомый.

Дуров обернулся. Перед ним стоял небольшого роста пожилой человек. Респектабельная лысина. Аккуратный пиджак. Клерк, вышедший на покой, — таких в Лондоне тысячи. Вот только... плечи, пожалуй, широковаты для клерка.

Тем временем незнакомец заговорил. Голос его звучал глухо.

— Я русский, не удивляйтесь. Старый русский цирковой актер. Работал с вашим дедом. Потом перешел в силовой жанр. Когда вы приехали в Лондон, я долго колебался: подойти к вам или нет? Уж больно много между нами теперь границ... Но ведь душа моя — в России, на родине... А тут еще попала на глаза газетная заметка: «Старый «русский лев» Георг Гакеншмидт в Нью-Йорке напугает молодых русских силачей». Это было, когда советские штанги-

сты приезжали в Америку. А ведь Гакеншмидта называли «Львом» тогда же, когда меня называли «Самсоном». Нам обоим не повезло: последние годы жизни и — далеко от родины. Но ведь если Георг смог поговорить с нашими ребятами, почему же мне нельзя?

«Самсон» заметно волновался.

— Я не отниму у вас много времени. Я знаю, у вас очень напряженная программа. Но уж не откажите старику — я так хочу услышать от вас о сегодняшнем нашем цирке. Пожалуйста, очень прошу...

Вернувшись в Москву, народный артист СССР Владимир Дуров написал об этой встрече:

«...В Лондоне среди наших новых знакомых

оказался артист Самсонов — русский человек, которого превратности первой мировой войны оторвали от родины. Этот очень известный артист восхищенно, с гордостью говорил об успехах советского цирка в Англии, жадно расспрашивал нас о положении артистов в СССР, о системе подготовки кадров в нашем цирке. Узнав о существовании в Ленинграде музея циркового искусства, Самсонов попросил передать туда его красочные афиши и книгу о цирке.

С большим вниманием слушал он рассказы о своей родине».

Это было опубликовано в журнале «Советский цирк» в 1961 году.

С тех пор имя Александра Ивановича Засса (Самсонова) — удивительного русского артиста-силача стало все чаще и чаще мелькать на страницах наших газет и журналов. Его поразительные выступления — эти подлинные подвиги силы, за которые он и получил в цирковых кругах прозвище «Железный Самсон», — не перестают восхищать не только историков цирка, но и всех любителей силовых упражнений. А таких в нашей стране немало.

Однако все статьи об Александре Ивановиче, появившиеся до сих пор, носили несколько одно-сторонний характер. В них подчеркивалась сенсационность номеров «Самсона»: человек поднимает за колесо тяжелогруженный автомобиль; зацепившись ногами за трапецию, висящую под куполом цирка, удерживает в зубах платформу с пианино и играющим музыкантом. И так далее.

Значительно меньше внимания уделялось спортивной стороне дела. А ведь в начале нашего века силовой цирк и тяжелоатлетический спорт практически были неразделимы. Блестящие выступления русских борцов и атлетов-гиревиков на цирковых аренах вошли в золотой фонд истории спорта. Поэтому мы и решили собрать по крупным сведениям о «Железном Самсоне», приподнять завесу тайны, которой были окутаны его тренировки.

Интересным оказалось проследить, как крепла не только сила, но и воля этого удивительного человека, как в тяжелой жизненной школе вырабатывался его характер: ведь многие номера «Самсона» требовали незаурядного мужества.

Повесть эта не претендует на биографическую строгость. Однако в основе ее лежат документы и воспоминания людей, знавших Александра Ивановича Засса.

Серым осенним утром на хуторе, недалеко от Вильно, в доме Ивана Петровича Засса родился сын. Новорожденного назвали Александром. Гордое имя — это почти все, что могла дать большая и вечно голодная семья новому человеку.

Шура был пятым ребенком. Мать со смешанным чувством гордости и горечи смотрела на малыша: еще рот, а чем кормить? Большая семья — единственное богатство бедняка. И хоть разбейся — достатка не прибавится. Земля никудышная, дом на болоте, а за окном дожди и дожди. Пропадет урожай, жди года голодного.

Может, и не пережила бы семья ту зиму, да посоветовал свояк, знающий человек, поехать за Волгу, в имение княгини Юсуповой. Много не обещал, но сытный стол посулил. Зато уж и работа, конечно, до седьмого пота...

Недолго собирались — скарб не богат. За гроши продали соседям то, что можно было продать. А как сели в поезд, поняли, что земля-то большая, можно сказать, бескрайняя: поля, поля, леса да перелески, города, великие и малые. Не торгясь катил паровоз через всю Россию — в соседнем купе бабка твердо была уверена, что уж скоро к Америке подъедут.

К Америке не к Америке, а вот к Саранску действительно приехали. Дальше — на лошадах, по степи, под знойным, несмотря на осеннюю пору, солнцем. Жутковато показалось после привычного лесного, болотного края — степь без конца и края, солнце да ветер.

Наконец и господский дом. Имение громадное, два десятка деревень. Из конца в конец — больше тридцати верст. И везде нужен глаз, чтобы не оскудевала хозяйская казна.

Случилось так, что скоро, очень скоро начал Шура самостоятельную жизнь. Отца почти не видел — он со старшими ребятами в поле от зари до зари, а мать с младшей сестрой то на кухне, то обед несут косарям, то в господском доме уборка, то еще что...

Одиноко крошечному человеку — в пустом доме ни души. Вот разве что щенок — маленький, пузатый, на толстых лапах. Очень велик соблазн дернуть его за пушистый хвост! А когда оба подросли, оказалось, что понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда. Пес, повинувшись мальчику, охотно проделывал всяческие уморительные трюки: ходил на задних и передних лапах, кувыркался и даже «подпевал» своему хозяину заунывным собачьим баритоном. Смотрели на эти бесплатные представления батраки, возвращающиеся с поля, и улыбались. С ними вместе смеялся и мальчик. И даже пес, носивший теперь роскошную кличку «Хан», казался, улыбался.

Но вот пришла пора и маленькому Шуре выходить на работу. Своего любимца Хана он не бросил. Сама работа этому помогла. Взял управляющий мальчика к себе посыльным. То туда сбегай, то туда сходи, то в кузню, то на скотный двор, то в соседнюю деревеньку. Выучился Шура ездить верхом. Так они и служили втроем — Шура, Хан и пожилой мерин Форсун, которого управляющий приказал давать Шуре для дальних оканий.

Тогда-то и встретился Шура с новым в имении человеком, конюхом дядей Гришей. Служил дядя Гриша когда-то в кавалерии, говорят, воевал

даже «с туркой». Оттуда принес Георгиевский крест да пустой рукав. И еще принес с собой новый конюх безудержную, преданнейшую любовь к лошадям. На всю жизнь запомнил маленький Александр, как «беседовал» дядя Гриша со своими подопечными и как понимали его эти большие, добродушные животные.

Кроме лошадей, была у конюха еще одна страсть — любил он рассказывать про свое былое житье, про походы и страны, про родную северную деревню, откуда ушел давным-давно.

— А хлеб у нас пекут из ячменя — во вышиной! — рассказывал он, держа ладонь довольно высоко над землей. — Ей-богу, не вру. И ведь ячменный хлеб — он вкусный, пшеничного вкусней. Да и не растет у нас, на севере, пшеница. А хлеб вкусный... Только когда свежий. Зачерствеет — никуда... — Дядя Гриша негодующе мотал головой и топорщил седые, прокуренные усы.

Однажды услышал мальчик от конюха удивительную историю про большой дом с круглой крышей, про разукрашенных дорогой сбруей лошадей, про смешных клоунов и могучих силачей. Когда он повторил дома рассказ старого солдата, отец усмехнулся: «Ну что же, осенью поедем в город, увидишь цирк».

Осени ждать пришлось долго.

Но вот настал день — отец собрался в город, на ярмарку.

...Базар шумел неумолчно. Полевые работы были закончены, и настали озорные дни торгов и гулянок. После тяжелой срады особенно много охотников было повеселиться, так что цирк, разместившийся в большом балагане на краю рыночной площади, оказался тут как нельзя кстати.

Пока отец торговал у барышников лошадей, Шура с восторгом наблюдал волшебную жизнь балагана.

Готовилось представление. Со стороны, противоположной главному входу, прямо на куче сухого лошадиного помета тренировались акробаты: прыжки, взлеты, невиданные изгибы. А богатырского сложения человек, ухватив зубами табурет, перебрасывал его через голову.

Но вот на небольшой помост перед входом выбежал рыжий детина в красной рубахе и громко заорал, обращаясь к невидимому в глубине балагана слушателю:

— Эй, сынок!..

Давай первый звонок.

Представление начинается!

Сюда! Сюда! Все приглашаются!

Стой, прохожий! Остановись!

На наше чудо подивись.

Барышни-вертушки,

Бабы-болтушки,

Старушки-стряпушки,

Солдаты служивые

И деды ворчливые,

Горбатые, плешивые,

Косопузые и шшивые,

С задних рядов протолкайтесь,

К кассе направляйтесь.

За гривенник билет купите

И в балаган входите.

Толпа густела. У кассы выстраивалась очередь. А закликала продолжал:

— А ну-ка, сынок!

Давай второй звонок.

Купчики-голубчики,

Готовьте рубчики.

Билетом запаситесь,

Вдоволь наглядитесь.

Представление на-ять —

Интересней, чем голубей гонять.

Пять и десять — небольшой расход.

Подходи, народ!

Кто билет возьмет,

В рай попадет...

Увидев в толпе отца, Шура протиснулся к нему, и они вместе стали прокладывать себе дорогу к кассе. А закликала не унимался:

— Сынок!

Давай третий звонок!

Давай, давай! Налетай!

Билеты хватай!

Чудеса узрите —

В Америку не захотите.

Человек без костей,

Гармонист Фадей,

Жонглер с факелами,

На лбу — самовар с углями,

Огонь будем глотать,

Шлаги жрать.

Эй, люди — не дурачки!

Ташите к нам пятакчи!..

Пошли начинать — музыку прошу играть...

И началось волшебство. Лошади танцевали. Люди парили в воздухе. Жонглер балансировал зажженной лампой, пристроив ее на носу. Все это под музыку, крики, смех. И вдруг — тишина.

— На арене — сильнейший человек в мире, Ваня Пуд! — бойко выкрикнул закликала. Все дружно захлопали в ладоши.

Очень толстый и, видимо, очень сильный человек вышел на арену, раскланялся по-медвежьи. Для начала несколько раз подбросил в воздух огромную бочку, наполненную водой. Потом согнул толстенный железный прут. Предложил любому из публики повторить номер — обещал десять рублей тому, кто сумеет. Желающих нашлось множество. Удачников — ни одного.

Потом Ваня Пуд сломал подкову. Потом зубами подбросил табурет. А в конце выступления под аплодисменты взвалил на плечи огромный корабельный якорь и пошел с ним к выходу.

Конец. Народ не спеша покидал балаган. А в это время на площадке перед входом закликала вновь заманивал почтеннейшую публику посмотреть на чудеса: через несколько минут должно было начаться новое представление.

— Да, нелегкий у них хлеб, — сказал отец Шуре, кивнув в сторону цирка. — Каждый рублик потом выходит.

Мальчик слушал и не понимал. Как это — нелегкий хлеб? У кого? У этих вот раззолоченных акробатов, легко порхающих под куполом? У красавицы-наездницы, которая только что со счастливой улыбкой гарцевала на разукрашенной лошадке? Или у Ивана Пуде тяжелая жизнь? Да не может того быть — вон он как легко подкову сломал. Очевидно, отец ошибается. Нет ничего красивее, беззаботнее этой веселой цирковой жизни. Вот у батраков в имении — у тех действительно хлеб не легкий.

Так думал Шура, трясясь вместе с отцом в телеге по пути домой. Тогда-то он и решил непременно стать одним из этих счастливых-циркачей.

Сказано — сделано. Для начала был использован тяжелый табурет, стоявший у матери на кухне: вцепившись в его край зубами, Шура попытался повторить номер циркового атлета. Однако табурет странным образом не хотел не

только взлетать в воздух, но даже хотя бы чуть-чуть оторваться от пола. Во рту надолго остался неприятный привкус старой, просаленной кухонной доски.

Неудача с табуретом потребовала, естественно, поисков нового объекта для демонстрации силы. И Шура принялся за бочки.

Облюбовав в подвале большую деревянную бадью, он мужественно обхватил ее тонкими ручонками и попробовал сдвинуть с места. Бадья стояла, как вкопанная. Опять неудача. Но мальчик был упрям. Снова и снова, меняя приемы и способы захвата, пытался он сдвинуть ненавистную деревянную махину. День за днем, каждый вечер в подвале шел упорный бой. И неудача за неудачей. Было от чего прийти в отчаяние.

Но хотя бадья стояла по-прежнему недвижимо, Шура вдруг стал замечать странные вещи. Тяжелое седло, которое приходилось тащить через всю конюшню, — стало легче. Как будто полегчали и мешки с зерном: раньше, помогая отду грузить их на телегу, мальчик чуть не плакал от непосильной тяжести. А теперь вроде и тяжесть — не тяжесть...

Много лет спустя известный цирковой атлет Александр Засс оценит по достоинству свои детские опыты и создаст целую систему тренировок. Основные принципы этой системы получат признание во всем мире, воплотившись в так называемые «изометрические упражнения», характерная черта которых — напряжение мышц без сокращения, без движения в суставах.

Вдумайтесь в эти слова: «без движения в суставах». Издавна люди привыкли связывать спорт с движением: стрелительные «рывки» и тяжкие «жимы» гиревиков казались наиболее полным воплощением физической силы человека. Естественным представлялось, что тренировка должна быть приближена к реальным условиям соревнований. И вот на тренировках стальной снаряд десятки раз идет вверх-вниз, вверх-вниз. Поклонники силы, в надежде на скорейшее развитие мускулатуры, снова и снова поднимают колоссальные тяжести. Сила и движение кажутся неразделимыми.

И вдруг — сила без движения.

...Попробуйте взять обыкновенную гирю «подхватом», так, чтобы ладонь поддерживала ее снизу. Поднимите эту гирю к плечу. И вы увидите, как укорачиваются, утолщаются мышцы, сгибающие руку в локте. Такой режим работы известен в спортивной литературе под названием динамического.

Если ту же гирю лишь удерживать, согнув руку в локте, но не поднимая снаряд к плечу, напряженные мышцы сокращаться не будут. Это и есть статический или изометрический режим.

Александр Засс одним из первых обнаружил, что изометрические упражнения дают значительный эффект при силовых тренировках. Если человек, напрягая сухожилия и мышцы, будет стараться согнуть стальной прут, — такие попытки, даже и безуспешные, окажутся очень полезными для развития силы. И вовсе не обязательно — вращать во время тренировок с места на место пуды железа! Если же учесть, что оборудование в этом случае чрезвычайно упрощается, а зачастую снаряды и вовсе не нужны, то достоинства изометрии станут особенно явными.

Забегая вперед, отметим: время полностью подтвердило точку зрения Александра Засса. Статическая нагрузка стала в наши дни одним из неизменных элементов тренировки не только

у штангистов, но и у легкоатлетов, гребцов, пловцов¹. Но это — в наши дни...

Пока же Шура безуспешно пытался сдвинуть с места деревянную бадью. За этим занятием и застал его однажды местный бухгалтер, личность весьма интересная и своеобразная.

Мир силы

Звали его Клим Иванович. Старший сын в богатой крестьянской семье, человек обеспеченный и независимый, он тем не менее жестоко страдал. Младшие братья его — богатыри как на подбор, споры в любой работе: и в поле, и в плотницком деле, и в кузнечном мастерстве. А вот Клим «фигурой не вышел». Бледный, худой, с нездоровым цветом лица, он не только поднять большой молот в кузне — мешка с зерном сдвинуть не мог. Старик Иван Фаддеич, глядя на своего старшего, только вздыхал: не работник, нет, не работник.

И пошел Клим Иванович учиться на бухгалтера. Выучился. Жил вроде неплохо, но обиду на судьбу затаил. И надумал этот человек перехитрить свою фортуна. Выписал всяких спортивных книжек и журналов, накупил гирь и станков для развития силы и потихоньку, чтобы никто не видел, тренировался в своей комнатухе. Частенько падал он в изнеможении на пол, случалось — кровь носом шла. Но Клим занятий не бросал, хотя и пользы от них особой не видел.

Вот этот-то человек, богатый по тамошним местам и по тогдашним временам, но несчастный, горько переживающий свою немощь, и обнаружил Шуру в подвале.

На смену первому удивлению вскоре пришло радушеее взаиморасположение. Странная была эта пара — худой, изможденный тридцатилетний мужчина и маленький деднадцатилетний крепыш. По вечерам они теперь почти не расставались. Среди хаоса спортивной литературы, кучей сваленной в комнате бухгалтера, Шура нашел множество журналов и всяческих наставлений «по развитию силы и совершенствованию фигуры». Клим Иванович со смешанным чувством разочарования, зависти и доброго участия помогал своему новому приятелю разобраться в премудростях цирковой и спортивной терминологии, разучивал вместе с мальчиком атлетические упражнения, рассказывал разные истории о силачах, гимнастах, борцах, которые ему приходилось читать и слышать.

Нужно сказать, что увлечение Клима Ивановича отнюдь не было чем-то исключительным в тогдашней России. Борьба, поднятие тяжестей, акробатика в то время пользовались популярностью необычайной. Боролись всюду: в роскошном петербургском цирке «Модерн» и пуританском саду общества «Попечительства о народной грезвости», в городских театрах Одессы и Ставрополя, в парках Пензы и Оренбурга. Причем боролись не только мужчины... Сильная половина рода человеческого относилась к соревнованиям по борьбе среди женщин весьма скептически. Журналы периодически печатали такого рода информационные заметки: «Архангельск. На смену

¹ Читателей мы хотим предупредить: если вы и сами надумаете заняться подобными упражнениями — обязательно посоветуйтесь с врачами, со знающими тренерами,

мужскому чемпионату прибыли борчихи: Эттингер, Сокольская, Морозова, Поддубная и др. Дела — не тае...»; «Кишинев. Скоро приезжает дамский чемпионат в составе 12 борчих. Не так это нам интересно, потому что мы ждали борцов, а не... борчих». Однако, несмотря на столь скептическое отношение к дамской борьбе, она, тем не менее, продолжала существовать. Трудно сказать, велика ли была польза от такого рода «спортивных» мероприятий. Однако сам факт существования женских «борцовых чемпионатов» убедительно свидетельствует, сколь распространен был силовой спорт в России в начале XX века.

В те годы странно переплетались цирк и спорт, популярные зрелища и серьезная, тренировочная работа. Именно цирк был первым пропагандистом спорта сильных. Конечно же, сотни не слишком разборчивых антрепренеров наживались на организации чемпионатов борцов и гиревиков. Конечно же, зрелища эти были далеки от подлинной физической культуры. Но одно они делали с успехом — пропагандировали силу и красоту человеческого тела.

Пропаганда эта была столь успешной, что некоторые просвещенные умы России даже начинали сомневаться в ее целесообразности. А один из сотрудников знаменитого «Сатирикона» Валентин Горянский вопрошал:

Куда идем? Куда? — скажите!
 Направо — спорт, налево — спорт.
 Мне кажется, какой-то черт
 Вмешался в логику событий...
 Иван Иванович до сих пор
 На службе первым был по ревнюю.
 Имел жену, детей, запер,
 Лечился исподволь ревенью...
 Ну, словом, был как человек.
 И вдруг — о, знамение века!
 Недели две назад изрек:
 «Хочу похожим быть на грека,
 На сына Спарты и Афин —
 (Статуи их я видел часто).
 Пускай мой дедушка был финн,
 Я буду Эллином и... баста!!!
 Зашел к Скворцову ввечеру,
 И как же он меня встречает?
 Затылком ездит по ковру, —
 Мосты, бедняга, изучает...
 Иду к Григорьеву... Вот он
 Далекий от спорта — франт бонтонный,
 Но — ужас мой! — двойной нельсон
 В трико Григорьев облаченный
 На шею брата изучал.
 Семья кругом давила «грифы»!¹
 Обезумевши, я удгал
 И проклял «Тройку» все и мифы...
 И, умирая от тоски,
 Следя, как месяц плыл двурогий,
 Я путь направил на Пески,
 Где жил наш экзекутор строгий.
 — Ну, вот, — он радостно вскричал,
 Со мной готовый целоваться, —
 А я почти весь день скучал,
 Что не с кем мне тренироваться...
 «В партер!» — он дико завопил,
 Хвала и слава тур де тету²,
 И тем же мигом прилепил
 Меня к холодному паркету...

¹ Гриф — металлический стержень штанги.

² Тур де тет — борцовский прием.

Потом, задавши «макарон»¹
 И прохрипев: «Все для идеи»,
 Меня встряхнул солидно он
 И занялся массажем шеи...
 Он был своим искусством горд,
 Но я до дому — дай бог ноги!
 Я проклял греков, проклял спорт,
 Гантели, штанги и бульдоги...

Однако смех фельетонистов не мог остановить победоносного шествия культа силы. И на то были свои причины. Россия, страна крестьянская, выходила на путь капиталистического развития с его огромным бюрократическим аппаратом, с чудовищно расплодившимися конторами, банками и другими учреждениями. Множество людей было оторвано от привычного сельского быта, от повседневной работы, требующей физических усилий. Между тем по складу своему, по настроениям и склонностям они по-прежнему тяготели к труду, в котором сила имела первостепенное, если не решающее значение. Вчерашним пахарям и лесорубам не сиделось в душных конторских комнатухах. И как реакция, вспыхнуло повальное увлечение силовыми упражнениями.

Увлечение это подогревалось и иными причинами. Если интеллигенция видела в нем возврат к «золотому веку» античности, то беднейшие слои населения рассматривали спорт с точки зрения практической. По деревням ходили легенды о крестьянских парнях, ставших мировыми чемпионами, вернувшихся в родные села «с большими деньгами», на которые можно и корову купить, и хозяйство поправить. Наивные эти истории гнали деревенских юношей на цирковые подмостки, где они становились добычей прожженных дельцов. Мало, очень мало кто из богатейшей возвращался в родной дом — опутанные контрактами, они до последних дней, до «выхода в тираж», добывали деньги для своих хозяев. И все-таки новые и новые русские Геркулесы шли на цирковые арены: надежда выгодно продать единственное свое достояние, единственное, что выделило их среди других — физическую силу, — была слишком привлекательна.

Всего этого, конечно, не знал Шура, листавший книжки и журналы в комнате Клима Ивановича. Перед его глазами мелькали медали и жетоны, победные призы и кубки силачей.

Любимым его героем стал Евгений Сандов. Этот атлет в те годы, как, впрочем, и много лет спустя, волновал воображение тысяч людей. Изустные и опубликованные рассказы о его удивительно красивой силе составили целую литературу — основу атлетизма. И до сих пор о Сандове спорят, на него нападают, им восхищаются так, будто речь идет о нашем современнике, будто и не было в октябре 1925 года роковой автомобильной катастрофы, погубившей замечательного спортсмена.

Мальчик в далекой заволжской деревеньке боготворил Сандова. Затаив дыхание, следил он за спортивной биографией своего любимца.

Болезненный студент-медик страстно увлечен анатомией. Он решает стать профессиональным борцом, хочет применить свои знания не столько для лечения, сколько для совершенствования человеческого тела. «Вы можете быть лучше, сильнее и красивее», — сказал Сандов людям. И доказал это всей своей жизнью.

¹ «Макароны» — здесь сильный удар с захватом.

Одна за другой — сенсационные победы на ковре. Сенсационные, потому что публика в то время привыкла к атлетам гигантского веса — по полтораста и более килограммов.

Сандов был иным. Средний рост, вес, немного превышающий восемьдесят килограммов, казалось, не оставляли ему никаких шансов на успех в поединках с циклопами, чьи тела напоминали неуклюжие несгораемые шкафы. За Сандовым признавали изящество поз, красоту телосложения. И только.

Но этот атлет умел не только позировать — он побил мировой рекорд в жиме одной рукой; стоя на носовом платке с полуторапудовыми гантелями в руках, он делал сальто назад и точно «приземлялся» на носовой платок; Сандов рисковал бороться даже со львом.

Книга Сандова «Строительство тела» стала для Шуры тем же, что для верующего — библия. Казалось бы, непреодолимая пропасть легла между мировым чемпионом и мальчонкой из глухой деревушки, затерянной в бескрайних просторах России. Но Шура думал иначе. Он решил не только учиться у Сандова, но и стать рядом с ним.

И разгорелся невидимый поединок.

Шура теперь начинал свой день с гимнастики

и пробежки. Каждую свободную минуту он проводил на заднем дворе господского дома, где соорудил своеобразный манеж с трапецией, самодельными каменными гирями, подкидной доской и другими снарядами. Мальчик чувствовал, как крепнет, наливается силой его тело.

А Сандов... Сандов поехал в Америку. Там его добровольно обследовал один из врачей. Атлет попросил служителя Эскулапа встать одной ногой ему на ладонь. Затем Сандов поднял доктора на вытянутой руке и поставил его на стол.

Шура, прочитав эту историю, духом не пал. Кроме книги Сандова он успел уже познакомиться с работами русских атлетов Анохина, Дмитриева-Моро и других. Упрямый подросток совершенствует свой манеж — сооружает два турника для «перелетов» с одной перекладины на другую, мастерит из камней и палок все более тяжелые штанги. И, как награда за упорный труд, приходит первые успехи: Шуре удалось «прокрутить солнце» на перекладине, подтянуться на одной руке, поймать камень, брошенный с подкидной доски.

Последним трюком он особенно гордился. Выглядело это так. Поперек большого бревна укладывали доску. На одном ее конце — полупудовый булыжник. На другой, свободный конец прыгал Клим Иванович — верный друг и помощник Шуры во всех спортивных делах. Камень взлетал, и маленький Засс ловил его на лету.

Смотрел на эти упражнения старый конюх Григорий — единственный человек, разделявший привязанность двух друзей к цирковым номерам, — и неодобрительно качал головой: «Разобьете вы себе лбы, честно говорю — покалечитесь». Не раз и вправду камень срывался, не раз пролетал в миллиметре от Шуриной головы. А однажды и вовсе накликал беду старый солдат — не удержал Шура каменный снаряд, упал, как подкошенный, с поломанной ключицей. Месяц ходил с рукой на перевязи. А потом начал все сначала. И не зря — через много лет на цирковых

аренах многих городов мира Александр Засс будет удивлять публику двумя «смертельными» номерами. Сначала он поймает 90-килограммовое ядро, выпущенное специальной пушкой, а затем еще более усложнит номер, назвав его «человек-снаряд»: партнерша атлета будет вылетать из жерла огромного орудия и, пролетев через весь манеж, окажется в «железных» руках Самсона.

Но это все еще будет, будет... А пока мальчишка заочно состязается с мировым чемпионом. Силы не равны — у чемпиона специальные снаряды, тренеры, врачи, опыт, знания. У Шуры Засса — неуклюжие самодельные штанги, кривые турники да болезненный Клим Иванович — и тренер, и напарник. Но мальчишка упрям, очень упрям.

Вскоре дошла до будущего Самсона новая весть о его кумире. Сандов организовал в Лондоне первый конкурс атлетического сложения. Парад богатырей принимали известнейшие в Англии люди и среди них — популярный писатель Артур Конан Дойль. Зрелище пользовалось большим успехом.

Ну что ж, парад так парад. И Шура решил на предприятие рискованнейшее — добраться до Саранска, а там вызвать на соревнование уж если не Сандова, то по крайней мере местного силача Ваню Пуда. Ведь Ваня сам предлагал любому желающему согнуть железный прут, даже десять рублей обещал удачнику. Никто этого сделать не смог. А он сможет. Он — Александр Засс — не уступит Ивану Пуду. И ему будет аплодировать публика. Как Сандову в далеком туманном Лондоне.

Никого не посвятив в свои планы, Шура стал готовиться к выступлению. Подходящего железного прута не нашлось — пришлось заменить его толстыми ветвями тополя, который рос у дороги при въезде на усадьбу. Теперь, по-прежнему проводя много времени вместе с Климом Ивановичем в тренировках на самодельном манеже, маленький соперник Сандова по вечерам потихоньку убегал к одинокому дереву. По-обезьяньи забравшись к самой его вершине, Шура старался руками покруче изогнуть неподатливые толстые ветви степного великана. Такие упражнения требовали не только силы, но и ловкости, смелости, умения удерживать равновесие. Все это пригодится позже. А пока — упрямая зеленая крона, мозоли на детских ладошках, ссадины на коленях...

Наконец Шура решил, что он готов к выступлению. Почему к нему пришло такое твердое убеждение в своих богатырских возможностях именно в то время, он никогда в будущем объяснить не мог. Видимо, психологический сдвиг стал необратимым — отдав столько сил тренировке, мальчик не мог позволить себе даже подумать о возможной неудаче. Да и в самом деле: разве не подчинился ему тяжелый летающий булыжник, разве не научился он крутить «солнце» на самодельном турнике, разве, наконец, не покорил он неподдающиеся ветви степного дерева? Все это было. Все это говорило о силе, его силе, силе Александра Засса, готового вступить в единоборство с Ваней Пудом. Пока с Пудом. А там и с Сандовым, и со всеми силачами мира...

Вышел Шура пораньше — пятнадцать верст путь не близкий. Никому в имении он, естественно, не сказал ни слова — ни родным, ни Климу Ивановичу, ни дяде Грише: слава должна была опередить его возвращение и поразить всех не только самим фактом героической победы, но и

ее неожиданностью. Мальчик готовил сюрприз.

Он успел к дневному представлению. Купив самый дешевый билет на галерку, Шура с замiranием сердца следил за акробатами, за наездницей-девочкой, своей ровесницей, за уморительным клоуном.

А когда вместо клоуна на арену вышел иллюзионист, к восхищению стало примешиваться чувство изумления и даже боязни: а вдруг этот человек с странным, неулыбающимся лицом накроет его, Шуру Засса, своим звездным плащом и превратит в кролика? Ведь он же только что проделывал такие фокусы.

Иллюзиониста сменили дрессированные собачки, а затем под гром оркестра на манеже появился Иван Пуд.

Шура так и впился в него глазами. Огромный, неуклюжий человек совершенно преобразался, выполняя силовые упражнения. Когда он подбрасывал вверх наполненную водой бочку, пробивал кулаком толстенную доску, рвал стальные цепи, — его руки проделывали все это так быстро, что временами глаз не успевал следить за их движением. Гром аплодисментов непрерывно грохотал в цирке.

Но вот наступила тишина. Великан достал свой знаменитый железный прут и предложил любому желающему попытаться согнуть его. Шпех-штальмейстер вынес на серебряном подносе десятирублевую бумажку и поставил поднос на барьер манежа: тот, кому в этой силовой игре будет сопутствовать удача, получит деньги вместе с подносом — и, заметим, деньги по тем временам немалые.

Цирк замер. Мастерские в партере подталкивали друг друга — поди, мол, попробуй. И вдруг с самого верха, с галерки, раздался детский голос:

— Я попробую!

По рядам прокатился смехок. Однако шпех поднял руку и широким жестом пригласил мальчика на арену.

Зал загудел. Ваня Пуд что-то шептал своему ассистенту. А Шура тем временем пробирался по рядам вниз.

Когда он вышел на арену, цирк грохнул хохотом. И было от чего. Рядом с исполинской фигурой Ивана Пуда тоненький двенадцатилетний мальчик с твердо сжатым ртом и стиснутыми кулаками казался очень, очень забавным.

Штальмейстер поговорил с ассистентом Пуда, потом с самим Пудом и, успокоив поднятой рукой зал, произнес:

— Дамы и господа! Хотя нашему прославленному богатырю Ивану Пуду и неприлично принимать вызов от столь неравного соперника, однако он вынужден согласиться на это соревнование, поскольку у взрослых посетителей нашего представления, видно, колени совсем слабы, слабее, чем у этого мальчонки.

Шум поднялся невообразимый. Со всех концов цирка к арене стали проталкиваться возмущенные, подзадориваемые соседями и соседками мужчины. Намерения их были не совсем ясны: вполне можно было допустить, что их влечет на манеж не стремление померяться силой с Пудом, но желание продемонстрировать свои физические возможности на физиономии штальмейстера.

Назревал скандал. Казалось, про маленького Засса все забыли. Однако штальмейстер не растерялся. Он объявил, что Пуд готов допустить всех желающих к соревнованию, но при одном условии.

В зале вновь воцарилась тишина.

— Наш прославленный богатырь готов соревноваться со всеми желающими,— продолжал штальмейстер.— Однако, в виду большого напыления соревнующихся, дирекция цирка сочла возможным допустить к состязанию лишь публику солидную. А именно: Ваня Пуд станет соревноваться лишь с теми противниками, которые сумеют ответить на его вызов не только силой, а и деньгами — то есть залогом в десять рублей. Делаем мы это для того, чтобы привлечь к арене людей серьезных и не отвлекать почтеннейших зрителей безобразным видом немощных попыток разных недолгодумающих господ.

Ход был безошибочный. Желающие соревноваться стали вытаскивать кошельки, занимать недостающие суммы у соседей и знакомых. Наверяд ли кто-то из них надеялся согнуть прут и тем самым вернуть залог. Наверное, многие понимали, что их червонцы невозвратным ручьем потекут в карман хозяина цирка. Но ведь отказаться-то было совестно. Отказаться — значило спасовать не только перед силачом Пудом, но и перед его добровольным, первоохотным противником, этим загорелым до черноты скуластым чертенком. Позор! Как можно!

На это и рассчитывал штальмейстер. Когда внесенные залогом солидной кучкой разместились на том же самом серебряном подносе, он раскланялся со зрителями и поднял руку, чтобы дать сигнал оркестру.

Но тут взгляд его упал на Шуру. В суматохе штальмейстер совсем забыл об этом маленьком виновнике чуть было не вспыхнувшего скандала. Теперь мальчик явно мешал. Если допустить ребенка к соревнованиям без залога — может рухнуть вся авантюра. Денег же у паренька явно не было.

Штальмейстер попытался незаметно, потихоньку спровадить Шуру с арены. Шепотом обещал рубль, если он исчезнет быстро и без скандала. Но не тут-то было.

Этот человек в потертом фраке не знал, с кем имеет дело. Не знал, что перед ним — великий будущий победитель самого Сандова, — иначе Шура о себе уже давно не думал. Именно так. Будущий победитель Сандова — не больше и не меньше. Мальчишка гордо выпятил грудь и крикнул:

— Нет! Хочу соревноваться!

Голос его был тонок, но зрители все-таки услышали.

— Пусть соревнуется без залога, допусти его! — заорал какой-то бородач в партере.

— Давай, парень! Давай! — кричали ложи.

— Желаем мальчишку! — отозвалась галерка.

Делать было нечего. Штальмейстер взмахнул рукой, заиграл оркестрик. Служитель в униформе поднес Шуре стальной прут.

Он был тоньше тополиных ветвей. Только почему он так жжет ладони, почему так страшно ноет колено, о которое Шура упер середину прута, почему такой тяжелый гул в ушах... Еще чуть-чуть, и поддастся эта проклятая железка... Ну, сгибайся же!

И тут Шура услышал свистки, топанье ног, хохот. Симпатии зала сменились безудержными злыми насмешками:

— Брось, пацан, пойдешь за мамкину юбку поддержишь! — грохотала галерка.

Все было кончено. Провал. Позор.

Но произошло совсем неожиданное. Перешагнув через три кресла и через невысокий барьер манежа, рядом с Шурой очутился тот самый бородач, который первым начал кричать: «Допусти его!» Дорогой костюм, казалось, вот-вот лопнет на его могучих плечах. В руке — трость с золотым набалдашником. Во рту — сигара.

Аккуратно положив трость на барьер, бородач взял у Шуры железный прут и внимательно его осмотрел. Зрители притихли, с нетерпением ожидая, что же новое сообщит им этот представительный господин.

А бородач продолжал рассматривать прут. И лишь когда с галерки раздался крик: «Эй, ты там! В чем дело-то, чо глазеешь!», — он заговорил медленно, почти не повышая голоса.

— Дамы и господа! — зазвучал над ареной его несильный, но звонкий бас. — Мальчик согнул прут. Извольте убедиться.

Он взял стальной стержень за оба конца и поднял над головой. Действительно, изгиб был. Небольшой, но явственно видный изгиб на знаменитом стальном пруте Вани Пуда.

Тут началось нечто невообразимое. Казалось, люди готовы были разнести зал. Аллодисменты, топот, свист, треск скамеек и кресел. Шура снова был героем толпы. Еще бы: ведь ему, подростку, удалось сделать то, что было не по силам этим взрослым людям, разгоряченным ярмарочными торжествами, водкой и подзадориваниями соседей.

Напрасно потерявший всю свою солидность Ваня Пуд пытался перекричать эти сотни глоток и убедить взбудораженных посетителей балагана в том, что не мальчик согнул прут. «Это все он, он сделал! Покрутил, покрутил да и подогнул немного!» — вопил Ваня, тыкая пальцем в невозмутимо улыбающегося бородача. Но его никто не слушал. Человек, еще несколько минут назад бывший воплощением силы, кумиром ярмарки, — больше не существовал: на арече остался просто толстый, светлый, потный да еще смешно выряженный в полосатое трико мужик.

Среди всей этой суматохи только штальмейстер, бородач и Шура сохраняли относительное спокойствие. Шура просто не знал, что делать. Руки вдруг как-то стали ему мешать, он то прятал их за спину, то глубоко засовывал в карманы, то скрепящая на груди, а потом опять тут же прятал за спину. Бородач безмятежно улыбался, опираясь на свою форсистую трость. А штальмейстер, внимательно глядя в бушующий зал, оценивал обстановку. И оценил ее правильно. Теперь, когда мальчик согнул прут, пусть согнул чуть-чуть, пусть даже сомнительно — он ли это сделал или ему помог удивительный бородач, — теперь количество желающих померяться силой с Ваней явно возрастет. Пуд побежден, и немало найдется людей, готовых показать свое превосходство над поверженным кумиром.

Придя к этому выводу, штальмейстер поднял руку и хорошо тренированным голосом прокричал:

— Господа, продолжаем! Желающие принять участие в состязании — прошу на арену!

Толпа стала затихать. Еще несколько человек, держа в руках червонцы залога, перелезли через барьер. Их было немного, меньше, чем думал штальмейстер. Но все-таки добыча. И легкая добыча.

Ассистент принес второй прут, в точности такой же, как первый...

Конца выступления наш герой не видел. Сжимая в руке деньги, он вышел из цирка вместе с бородачом, и их тут же проглотила, впитала в себя плотная, пестрая ярмарка. У какого-то павильона бородач остановился, положил Шуру руку на плечо:

— Ну, прощай. Как-нибудь встретимся. Кучкин я, борец. Не слыхал про такого?

Потом, чуть подумав, добавил:

— Прут-то я, действительно, немного того, подогнул. Ну, чтобы виднее было. Но ты — парень здоровый. Еще не то делать сможешь! — И бородач, добродушно хохотнув, исчез в базарной толкучке.

А Шура стоял растерянный, сгорая от злого стыда и от гордости одновременно. С одной стороны он, вроде бы, проиграл, но в то же время его похвалил, обнадежил этот большой и сильный человек, вдобавок профессиональный борец. Деньги, конечно, он заработал нечестно. Но ведь и штальмейстер тоже жул: знает, что никому из соревнующихся не удастся вернуть свой залог, вот и обирает простаков. А Сандов? О, Сандов — это спортсмен, настоящий спортсмен, честный и гордый...

Шура бродил по ярмарке из одного ее конца в другой. А когда стемнело, снова оказался у дверей цирка.

Начиналось вечернее представление. В толпе у входа только и разговоров было, что о дневных событиях. О том, что какой-то мальчонка показал силу необыкновенную. О том, как понесли

простаки червонцы в залог хитрому шпрыхшаль-мейстеру. О том, как никто потом не смог согнуть этот знаменитый Ванин прут, а Пуд восстал на свое имя сильнее человека. Суждения высказывались разные. Одни говорили, что мальчишка был удивительно силен, другие, — что это все хитрости циркачей: денежки, мол, у простого народа выманяют.

Шура забился в темный край галерки. Он боялся быть узнанным, он стыдился самого себя, он страшился наказания, которое неминуемо ждет его дома за самовольную отлучку. Но он не мог покинуть цирк.

Выступление прошло спокойно. Опять были и дрессированные собачки, и лошади, и клоуны, и фокусник. Только Ваня Пуд казался каким-то насулленным, сердитым. Штальмейстер уже не предлагал никому меряться с богатырем силой: проделав все, что положено, Ваня под редкие хлопки покинул манеж.

Представление окончилось. Люди стали расходиться по домам. И тут только Шура задумался: что же делать?

Он догадывался, что его уже начали искать, видел обеспокоенные лица отца и матери, Клима Ивановича, дяди Гриши. Крутой характер отца был хорошо известен всем соседям, и встреча с ним среди ночи ничего хорошего не сулила. Шура чувствовал себя глубоко несчастным.

И тут ему в голову пришла мысль: а что, если остаться в цирке?

Утро вечера мудренее, да и лучше ночь провести где-нибудь здесь, под скамейками, чем встретиться с городовым, который непременно схватит его на улице чужого города и посадит в ухваток как бродягу.

Однако скамейки были слишком узки, чтобы под ними спрятаться. А между тем зал быстро пустел, следом за толпой шли служители.

Ничего не придумав, Шура стал двигаться к выходу. И тут он заметил какие-то большие деревянные ящики. Подойдя к ним, мальчик остановился и огляделся. В цирке оставалось совсем немного народа, почти все огни уже погашены. Убедившись, что за ним никто не следит, Шура скользнул за ящик...

Проснулся он от голода и сильной жажды. Пополз вдоль края тента, ища место, где можно было бы выбраться из балагана. В одном углу веревки были натянуты не очень туго. Шура приподнял брезент, и в глаза ему ударили лучи восходящего солнца. Несколько минут он стоял в растерянности: холодные сумерки утра преобразили такой привычный днем пейзаж.

Но нужно было что-то делать. Первая мысль — гнев отца. За отлучку без разрешения отец мог не только жестоко избить, но мог и совсем выгнать из дому.

Однако никакого иного выхода, кроме как отправиться домой с повинной, в голову не приходило. Мелькнула, правда, робкая надежда попроситься служить в цирк. Но все перипетии прошедших суток отогнали ее напрочь.

И наш герой зашагал к усадьбе. Шел кружным путем, через овраги и перелески — не хотел встретиться с кем-нибудь из знакомых. Саднили сбитые до крови ноги, нестерпимо хотелось есть. И спать. Хорошо еще, что удалось напиться из ручья...

Около полудня он толкнул дверь отчего дома. Его никто не встретил. На столе нашелся кусок хлеба и луковица. Съев это, Шура тут же, за столом, и заснул, уронив голову на руки.

Вскоре разбудил его старший брат. Беседа братьев была предельно краткой.

— Что случилось, где ты был всю ночь?

— В городе, в цирке. Куда ушел отец?

— Поехал в город, заявить в полицию. Ты его не встретил?

— Нет, я не шел дорогой.

— Худо тебе будет.

— Знаю.

Вскоре пришла мать с остальными детьми,— оказывается, вся семья с раннего утра ушла на поиски в окрестные овраги. Думали, случилось несчастье.

Шура отвечал на расспросы неохотно.

— Седлай лошадь и езжай в поле,— сказала мать.— Отец вернется, узнает, что ты работаешь,— авось смилостивится.

Но случилось иначе.

...Шура возвращался домой после тяжелого трудового дня, которому предшествовали сумбурные цирковые приключения и беспокойная ночь. Он падал с ног от усталости. И тут в дверях дома перед ним вырос отец. Старший Засс уже был, видимо, осведомлен о всех похождениях сына: кнут в руке не давал поводов для толкований его намерений. Позже, вспоминая этот эпизод своего детства, Александр Засс употребил английскую поговорку: «Можете радоваться, что вам не пришлось носить мои ботинки». Поговорка эта идентична русской: «Хорошо, что ты не побывал в его шкуре». А «шкура» Шуры в тот вечер, надо сказать, трещала по всем швам.

Потом отец втолкнул сына в чулан. Сырой земляной пол. Хлеб и вода.

Тюремный режим продолжался три дня. На четвертый день Шуре было объявлено, что он уезжает на год в дальнюю деревню подпаском. Отец договорился с управляющим об этой черной и неблагодарной работе для своего младшего сына с целями чисто педагогическими: самоволие должно быть жестоко наказано.

В «ИЗГНАНИИ»

И Шура уехал. Обнялся с Климом Ивановичем, с дядей Гришей, бросил на дно брички две самодельные штанги и, как писали тогда в романах, отправился навстречу своей судьбе.

Судьба эта оказалась не слишком милостивой к подростку. В далекой деревне он должен был помогать пастухам пасти огромное стадо — двести верблюдов, почти четыреста коров и больше трехсот лошадей. Такая работа и для мужчины тяжела, не то что для двенадцатилетнего мальчугана. С раннего утра до поздней ночи в седле, с раннего утра до поздней ночи под жгучим солнцем. Следить, чтобы животные не дрались. Следить, чтобы не разбрелись. Следить, чтобы не залезали в чужие владения. Утомительный, однообразный труд.

Но самое тяжелое — Шура лишился Клима Ивановича, лишился книг и журналов. Очень не хватало ему и ворчливой мудрости старого Григория. С пастухами в новой своей роли он, как говорится, не ужился. Эти люди без церемоний, не щадя самолюбия мальчика, всячески издевались над его злоключениями, насмешничали, обсуждая Шурина привязанность к цирку.

Выручали Шуру тренировки. Сначала, правда, сил едва хватало, чтобы после работы добраться до постели. Но потом все чаще и чаще удавалось выкроить часок-другой для занятий с самодельными гириями. Снова начал Шура тренироваться с толстыми зелеными ветвями деревьев — пытался гнуть их одними руками, без упора. Добавил и новые упражнения — стал перетаскивать большие камни, удерживая их только пальцами рук, совершал дальние пробежки с тельном на плечах.

Здесь, в «изгнании», он научился отлично ездить верхом, отлично стрелять. Не раз в течение долгой зимы приходилось ему отбиваться от волков. Словом, ссылка для будущего Самсона проходила не бесплодно.

Зима сменилась весной, весна — летом. Пошла и осень, а вместе с ней — конец наказания. Однажды за Шурой приехала бричка, и он вернулся домой, где ждало его совершенно неожиданное.

Стальной галстук

В деревне Волчановке, недалеко от Саранска, жил в то время очень сильный человек — крестьянин по фамилии Петров. О нем ходили легенды. Говорили, будто однажды он зашел в соседнюю деревню в кузню и заказал подкову. Когда кузнец обернулся к горну, чтобы достать заготовку, Петров поднял тяжелейшую наковальню и незаметно спрятал ее под полую своего тулупа. Удивленный кузнец бросился искать пропажу: «Вот же только сию минуту тут стояла наковальня, не черт же ее унес, в самом деле!». А Петров с самым невинным выражением лица стоял, как ни в чем не бывало, и удерживал под полую огромную тяжесть.

Что было правдой, а что сказкой в этой истории — сказать трудно. Но Петрова считали самым сильным человеком в округе. А со временем он и сам в это поверил.

Неудержимо хвастался богатырь своей силой. На том и поспорили они однажды с Зассом-отцом: тот объявил Петрову, что готов поставить лошадь, если его сын, Александр, будущей весной не сделает всего, что умеет делать Петров. Надо сказать, что до отца-Засса доходили слухи о занятиях сына, и спор этот имел под собой основу довольно прочную.

Ударили по рукам. Поэтому-то, когда Шура вернулся в родной дом, отец встретил его очень ласково, обещал освободить от всякой крестьянской работы на целую зиму: «Будешь только ходить в приходскую школу и тренироваться». Спросил даже, какие снаряды нужны сыну для упражнений, чтобы побить весной богатыря Петрова.

Шуру такой оборот дела удивил и обрадовал. Еще бы! Отец не только поверил в него, но и готов помочь ему стать самым сильным человеком в округе. Он попросил отца купить настоящие гантели, гири, заказать кузнецу стальные пруты и цепи. Вместе с Климом Ивановичем Шура внимательно проштудировал системы развития силы, которые предлагали своим ученикам признанные авторитеты. Всю зиму шли напряженнейшие занятия.

И вот настал первый день масленицы, день схватки Александра Засса и Дмитрия Петрова.

Поглядеть на диковинное зрелище собрались жители ближайших деревень. Принаряженный Клим Иванович единогласно был избран судьей состязания. Однорукий Григорий помогал Шуре.

Петров вышел в круг уверенно, окинул своего противника презрительным взглядом — щупл да молод — и начал первое упражнение. Металлический прут длиной полметра и толщиной сантиметра в полтора он согнул чуть не в колесо.

Шура то же самое легко повторил.

Затем настала очередь длинного железного прута, который был вдвое толще первого. Петров согнул его вокруг своего тела и снова разогнул. Этот трюк дался Шуре с трудом. Он наново пережил свое неудачное выступление полтора года назад, когда пытался одолеть Пуда. Опять не поддавался проклятый прут, хоть тресни. Но Шура не отступал. Под ногтями у него появилась кровь, в глазах потемнело. И все-таки... все-таки он догнул это железо, снова повторил то, что сделал Петров.

Теперь в круг вынесли специальные подставки. Соревнующиеся встали на них. На равном расстоянии от опор был положен камень, обвязанный толстой проволокой. Его следовало оторвать от земли, уцепившись за проволоку одной рукой.

Первый начал Петров. Мертвой хваткой впились его пальцы в проволоку, и камень взлетел вверх. Шура повторил.

Единодушный вздох удивления пронесся над толпой. Зрители дружно аплодировали молодому силачу.

И тут он преподнес сюрприз своему противнику.

— Ну, а теперь попробуй сделать то, что сделаю я, — сказал Александр, беря в руки толстую стальную цепь.

Петров следил за ним исподлобья.

А Александр свернул цепь и резко дернул. Одно звено сломалось.

Его противник был явно озабочен, взял цепь, с сомнением повертел ее и бросил наземь.

— Победил Александр Засс! — ликующе прокричал Клим Иванович и обнял Шуру.

— Стой! — внезапно сказал Петров. — Я еще не побежден. Я хочу померяться не только силой, но и храбростью. Пусть он сделает то, что я покажу.

Шура насторожился.

Клим Иванович объявил, что по условиям соревнования Засс победил. Толпа ответила согласным гулом. Но Шура решил иначе. Он шагнул вперед и протянул Петрову руку.

— Давай, показывай, что еще можешь!

И тогда-то появилась эта страшная, усеянная острыми зубьями железная полоса. Петров немного согнул ее вокруг своей шеи. По его плечам и рукам потекла кровь. Затем он согнул полосу больше и наконец завязал узлом, похожим на галстук. Обливаясь кровью, поддерживаемый криками односельчан, он немного отдохнул с этим железным галстуком на шее, а затем без видимых усилий развязал узел.

— Вот теперь я жду Засса, — прохрипел Петров. — Если он развяжет галстук, какой я ему завяжу, — что ж, его победа!

Отказаться было невозможно. Петров велел Шуре стать на колени, а сам стал закручивать полосу вокруг его шеи. Стянул так, что противник еле дышал. А напоследок повернул узел «галстук» — на спину.

Кровь теплыми вязкими струйками побежала по пальцам Шуры, когда он попытался повернуть

узел со спины на грудь. Дыхание перехватывало. Первая попытка — неудача. Дышать совсем нечем. Еще попытка. Осталось чуть-чуть... Шура повернул узел вперед, а потом, почти уже теряя сознание, развязал его.

Победа была полной. Победителя обнимал Клим Иванович, отец прижал его к груди и дружески хлопал по спине. Григорий приговаривал только: «Герой, чисто герой».

Изрезанный острым железом, Шура был счастлив. Победа, первая победа!

Дело или цирк?

Немногое изменилось в жизни Шуры после победы над Петровым. Правда, слух о его необыкновенном мужестве быстро распространился по окрестным деревням и селам. Стали его часто звать на всякие празднества и гулянки, где люди не прочь были померяться силою. Управляющий, показавший себя большим поклонником спорта, подарил на счастье золотую монету. А в остальном все осталось по-старому.

Так же рано утром выходил молодой чемпион в поле с другими батраками на нелегкую крестьянскую работу. До гулянок охот не был — не нравилось, что они кончались часто пьянками и мордобитием. При всей своей незаурядной силе Шура был человеком удивительно тихим, не драчливым. По-прежнему манили его успехи Сандова, по-прежнему старался он подражать своему божеству во всем — от спорта до знаменитого сандовского джентльменства. По-прежнему каждую свободную минуту Шура отдавал своему самодельному манежу.

Но время шло, и наступил период, которому суждено было изменить всю его жизнь.

Дело в том, что отец Шуры никак не хотел смириться с крестьянской долей для своего младшего сына. Мечтал он увидеть сына инженером. Ну, а если уж нельзя инженером — откуда деньги-то взять на учебу! — так хотя бы паровозным машинистом! В форменной фуражке, управляющим могучей машиной.

В те годы профессия паровозного машиниста была не только почетной и «хлебной», но и романтической. «Железный зверь» с длинным хвостом вагонов только-только еще оглаивал бескрайние российские просторы, сев почтительное смятение в патриархальных крестьянских душах. Стальные рельсы казались в то время такими же загадочными и манящими, как кажутся нашему поколению трассы космических кораблей.

Словом, Иван Засс, не видевший в жизни ничего, кроме клочка земли да работы до седьмого пота, хотел, чтобы сын стал повелителем «чугунки». Хотел — и точка.

Отец умел настоять на своем.

В Оренбурге, по словам одного знающего земляка, в паровозном депо принимали подростков учиться на кочегара, а если повезет, то и на помощника машиниста. Шуру отправили в Оренбург.

Город встретил тоскливым осенним небом и грязью — уже вторую неделю непрерывно шли дожди. Пасмурно было и на душе у нашего героя.

Не то, чтобы Засс-младший не разделял мнения Засса-старшего. И дальние дороги, и мощные машины — это все здорово. Но цирк... Блестящий калейдоскоп номеров, сильные, ловкие люди, добродушные морды дрессированных лошадей — отказаться от этого было выше Шуриных сил. Ну, а если отказаться все-таки приходится, так почему бы не взглянуть на это великолепие еще хотя бы раз? Тем более, вот и афиша на стене вокзала: «Гастроли цирка Андишевского!!!»

Превосходно, подумал Шура. В конце концов ведь вовсе не обязательно являться в депо тут же, немедленно по приезде. А цирк Андишевского — знаменитый цирк, совсем не то, что балаган в Саранске. Нечасто повезет его встретить.

Размышляя подобным образом, он не спеша

двигался по адресу, указанному в афише. С небольшой дорожной котомкой за плечами он и перешагнул порог цирка: навряд ли кто из добрых прихожан с большим волнением перешагивал порог храма.

И снова представление захватило его, закружило, унесло ввысь, рассыгалось золотым каскадом.

Одно было плохо: слишком быстро кончилось это волшебство. Когда народ встал, чтобы освободить места для пришедших на вечернее представление, Шура, стремясь отдалить момент прощания со сказочным миром, нарочно задержался у дверей конюшни. Тут его и увидел директор манежа, лицо в цирке немаловажное. Решив, что мальчишка хочет бесплатно посмотреть вечернее выступление артистов, он схватил Шуру за рукав и поволок к выходу.

Обида, гнев, злость переполнили Шуру. Он рванул руку с такой силой, что директор манежа, не ожидавший столь яростного сопротивления, оказался на полу. На его крик прибежали служители. Однако Шура был уже во всеоружии: в руках у него был кошелек с деньгами, данными ему на дорогу и обустройство. Вид денег странно успокаивающе подействовал на директора манежа. Получив с Шуры плату за право сидеть в первом ряду партера, он счел инцидент исчерпанным и даже сам провел «почтенного посетителя» в зал.

Второе представление отличалось от первого — добавились выступления дрессированных собачек и силача. И велико же было удивление Шуры, когда в раскланивающемся перед публикой гиганте он узнал того самого бородача, который выручил его два года назад в Саранске. И фамилия была та же — Кучкин. Но в каком виде был старый знакомый! Обвисший живот, дряблые жилистые руки, дрожащие колени. С тяжелой одышкой Кучкин проделывал обычные трюки цирковых силачей. Чувствовалось, что он давно уже, выражаясь современным языком, вышел из формы.

После представления Шура бросился разыскивать давнего знакомого. Нашел он его в буфете, в компании каких-то странных растрепанных людей. Гигант держал в руке штоф водки и что-то несвязно кричал прямо в ухо совершенно пьяному господину в форменном сюртуке. Шуру Кучкин долго не мог узнать, а когда узнал — заплакал пьяными, бессильными слезами, уткнув голову ему в грудь. Потом вдруг выпрямился, одернул кургузый пиджачок и голосом совершенно трезвым объявил:

— Идем к хозяину, ты будешь служить у нас в цирке.

Хозяин цирка Андишевский оказался хрупким седеющим блондином с тонким, нервным лицом. Осмотрев Шуру с головы до ног, он похрустел длинными пальцами и спросил безразличным тоном:

— Хотите служить в цирке?

Шура от волнения ничего не мог сказать, только кивнул.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Андишевский. — Вы можете поступить к нам чернорабочим. Будете выполнять любую, обратите внимание — любую работу, которая от вас потребует. Жизнь вам покажется трудной, могу уверить, путь ваш не будет усыпан розами. Возможно, вы часто будете голодать, работать по многу часов в день. Подумайте хорошенько, прежде чем свя-

зять свою судьбу с цирком, прежде чем стать бродягой и артистом. А может быть, и только бродягой,— добавил хозяин цирка, улыбувшись.— Вернуться с этого пути вы не сможете никогда. Не захотите.

Шура был поражен. Слова Андишевского паразитично точно совпадали со словами отца, когда тот накануне отъезда убеждал его держаться подальше от цирка, заняться делом серьезным.

Заметив замешательство Шуры, Андишевский внезапно переменил тон.

— Ну, что же ты задумался, парень? — сказал он, хлопая Шуру по плечу.

— Я остаюсь! — выпалил тот.

Цирк Андишевского гастролировал в Оренбурге долго. И хотя путь молодого циркача действительно не был усеян розами, хотя работать приходилось много, тем не менее Шура был счастлив. И особенно потому, что кроме всякого рода «черного» труда — от уборки манежа до чистки животных — он еще помогал Кучкину во время выступлений.

Они подружились, несмотря на разницу в возрасте. Шура рассказывал своему «крестному отцу» все: и про Сандова, и про Клима Ивановича, и про зверскую стальную полосу Петрова. Не утаил и историю с поездкой на учебу в депо. Кучкин очень привязался к Шуре, учил его разным премудростям цирковых силачей. Особенно старательно учил он своего молодого помощника балансировать тяжелыми предметами. Тогда большим успехом пользовался такой номер: на глазах публики заливался горячей водой и засыпался горящим углем огромный самовар. Затем, когда из-под крышки начинал валить пар, силач-жонглер водружал это кипящее сооружение себе на лоб и таким образом разгуливал по манежу. Номер требовал сочетания силы, ловкости и смелости. Трюк был смертельно опасен, но зато всегда собирал множество зрителей. Самому Кучкину он был уже непосилен — заповсе чаще и чаще выбивали его из колеи. Он стал репетировать этот номер с Шурой.

За собой же Кучкин сохранил другой номер, менее эффектный, но зато безопасный и, глав-

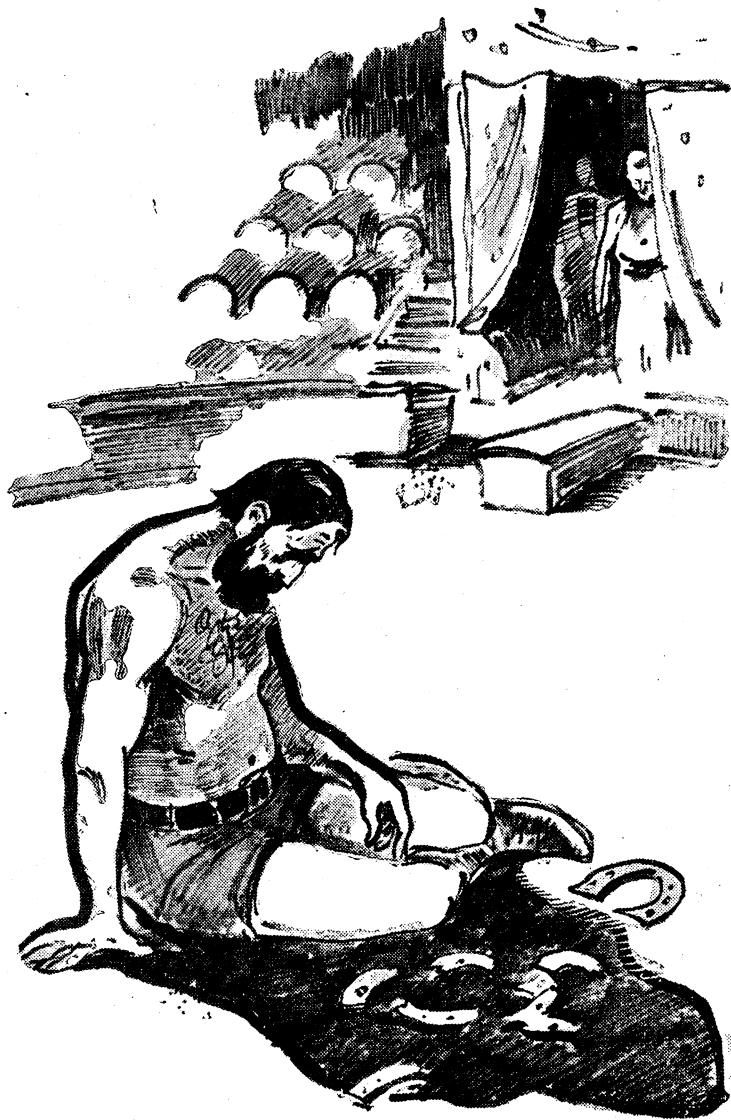
ное, близкий сердцам крестьянских зрителей. Он ломал подковы. По десятку за вечер. Ломал на пари по две подковы, сложенных вместе. Словом, это был «король подков».

Однажды, когда дела цирка шли из рук вон плохо, Андишевский приказал расклеить по городу новые афиши. В них сообщалось, что он лично вручит кошелек с золотом тому, кто принесет в цирк подкову, которую знаменитый силач Кучкин сломать не сможет. Такие же афиши были разосланы по близлежащим деревням.

И началось столпотворение. За сто верст приезжали знаменитые «упцы», чтобы попытать счастья, увести золотой кошелек.

Сборы стали полными, настроение в труппе улучшилось. И тут Михаил Кучкин запил. Да так, что еле-еле вышел на вечернее выступление.

Перед выходом обозленный хозяин объявил силачу свою волю: или он сегодня ломает поло-

женное количество подков, или завтра получит расчет. Да так получит, что работы нигде не найдется.

Шура никогда не видел своего друга в таком состоянии. Огромного роста человечище стал похож на мяч, из которого выпустили воздух: руки бессильно повисли, Михаил стал как будто ниже ростом, плаксиво молил хозяина разрешить ему пропустить выступление. Но Андишевский был неумолим.

Кучкин вышел на манеж. Публика встретила его аплодисментами, приветственными криками. Особенно неистовствовал худенький, явно пьяный мужичонка в третьем ряду.

— Давай, давай! — кричал он Кучкину. — Выходи, выходи — ура! Вот уж я тебе кой-чего приготовил! Видал такую подкову? — и мужичонка помахал над головой куском железа. — Мой кошель, мой! — кричал он, поддерживаемый залом.

Обладателей подков пригласили на манеж. Их было много — кроме крикливого мужика набралось еще человек тридцать. К ним вышел сам Андишевский и объявил, что нужно бросить жребий.

— Наш силач сломает только шесть подков, как он делает это каждый вечер, — закончил свою речь хозяин и пригласил претендентов к розыгрышу. Как нередко случается, владелец удивительной подковы в число шестерых удачников не попал. Возмущенный, он поднял крик, Кучкина величал не иначе, как трусом, а хозяина — жуликом. Во избежание скандала Андишевский объявил, что седьмая, именно эта, подкова тоже будет сломана. Цирк разразился аплодисментами.

И вот Кучкин начал свою богатырскую работу. Первой он взял подкову шумного мужичонки. Рывок, еще рывок! Неудача — подкова целехонька. Новые попытки — никакого результата, к вящему удивлению зала и к радости крестьянина. Замерли на арене и остальные шестеро претендентов: реальной стала надежда, что и их подковы не будут сломаны. А коли так, значит, и они получат вознаграждение.

Запахло скандалом. Нужно было спасти престиж цирка и хозяйские деньги. Сам Андишевский второй раз в этот вечер появился перед публикой. Безмятежно улыбнувшись, он объявил, что Кучкин сначала сломает все шесть подков, а потом уже эту, седьмую.

Кучкин понимал, чем грозит ему неудача. Пот градом катился с его тела, мышцы напряглись. Шура протянул ему подкову, первую из

кучи сваленных на арене. Михаил ее легко разломил. Тут к нему вернулась былая уверенность, и он уверенно сломал еще пять других. Шура только успевал подавать их. Настала очередь «заколдованной» подковы. Шура протянул ее Михаилу. Тот взял, секунду повертел в руках, как бы примеряясь, и потом мощным рывком разорвал подкову на две половинки.

Ее хозяин опешил. Он внимательно осмотрел место излома, бросил обе половинки на манеж, махнул рукой и пошел к выходу под густой шум зала.

Престиж цирка был спасен. Хозяйские денежки — тоже. После выступления Андишевский обнял Михаила и подарил ему три золотых монеты. Однако тот от подарка откасался. Разыскав Шуру, он привел его к хозяину.

— Победил Засс, а не я, — прерывающимся голосом сказал Кучкин, еще не отдышавшийся после выступления.

Хозяин потребовал объяснений.

Запинаясь, с трудом выдавливая слова, Шура рассказал, что во время номера он незаметно подменил подкову. Знали об этом только он да Кучкин.

— А настоящая вот она, целая, — закончил Шура, протягивая подкову хозяину.

Андишевский рассмеялся. Внимательно осмотрев железо, он сказал, что Михаилу просто повезло: действительно, это было уникальное кузнечное изделие.

— И не будь Засс таким расторопным, худо бы нам всем пришлось, — раздумчиво сказал Андишевский.

Тремя золотыми монетами был награжден Засс. Это был его второй цирковой гонорар. И снова он был получен путем нечестным.

Снова в его душе боролись отвращение к жульничеству и любовь к цирку. Цирк оказался сильнее.

С тех пор Александр Засс стал цирковым актером. Хозяин в благодарность за оказанную услугу, дал ему собственный небольшой номер: демонстрируя силу, Шура перебрасывал из руки в руку через голову здоровенный камень. Подготовка «баланса с самоваром» шла успешно, и это сулило шумный успех. Отцу он написал, что старательно учится и вкладывает в свое дело всю душу. Это была ложь. Но это было и правдой: Александр Засс действительно вкладывал всю душу в тяжелую работу. Работу цирка.

Рисунки Ю. Ефимова

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ИДЕМ В ГОД ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

В 1918 году, отрезанная от Советской России, армия Блюхера, почти не имевшая патронов и продовольствия, вела героические бои в тылах врага. Она прошла за три месяца полторы тысячи километров по горам Южного Урала и Башкирии и влилась в ряды Красной Армии.

— Приветствую вас, родной. Весь пролетарский Урал сердечно радуется вашему появлению. Искренне говорю вам, что все это время мы думали, гадали, где вы, и ждали чуда вашего появления,— сказал при встрече, обнимая Блюхера, секретарь Уральского обкома партии Голощекин.

...А сегодня мы идем по местам легендарного рейда южноуральских партизан. Мы — это челябинский комсомольский поисковый отряд «Разведчик» имени Василия Константиновича Блюхера — сто восемьдесят учащихся профессионально-технических училищ. Одновременно с челябинским отрядом вышли в поход следопыты Магнитогорска, Златоуста и Нязепетровска. Наш девиз: «Традициям отцов всегда верны».

Первые встречи

Выгрузились из поезда в час ночи и сделали марш-бросок километров в шесть. Быстро построили палаточный городок. Шестьдесят палаток выросло в степи под Иглино...

Иглино — большое село, районный центр. Сейчас здесь весовой завод союзного значения. Он отправляет свою продукцию в тридцать пять зарубежных стран.

...В конце августа 1918 года армия Блюхера, начавшая свой героический рейд под Верхне-Уральском, вышла к железной дороге в двенадцати

километрах восточнее Уфы. Город находился в глубоком тылу и был местом сбора различных контрреволюционных охвостов. Неожиданное появление под Уфой крупных партизанских сил привело его в смятение. Для обороны города была объявлена срочная мобилизация, в город шло свежее подкрепление. Белогвардейцы ликовали: наконец-то блохеровцы попались в крепкую ловушку и будут уничтожены... Перед Иглино — равнина, полная зловещей, предгрозовой тишины. Но как только партизаны пошли в атаку, казавшееся безлюдным поле заговорило длинными пулеметными очередями и винтовочными выстрелами. Напряженно, тяжело проходило сражение у станции Иглино. Внезапно по левому флангу белых ударил Николай Томир. Кавалерийский полк имени Степана Разина развернулся лавой, и две сотни клинков взметнулись над покрытыми пеной храпящими конями. На протяжении сорока километров железная дорога занята партизанами. Пять суток не было связи между Уфой и Златоустом. В Уфе паника. Генеральный консул США в Иркутске телеграфировал в Вашингтон: «Положение на Волжском фронте критическое. Новые трудности из-за большевистских войск, состоящих приблизительно из 6000 пехоты и 3000 кавалерии с 30 пулеметами».

Войска эти хорошо организованы и способны прекрасно маневрировать...»

...К нам подошел один из жителей села, узнав, кто мы, сказал, что километрах в пяти, на хуторе, живет Егор Иванович Кочетов, участник партизанского рейда. Мы встретились с ним. Как глубоко был взволнован Егор Иванович, когда ребята вручили ему уральский сувенир с дарственной надписью.

Еще встреча. С Кузьмой Христофоровичем Шкурихиным, членом партии с 1919 года. Он уста-

навливал здесь, в районе, Советскую власть. Нам Кузьма Христофорович сказал:

— Советская власть, большевики сделали рабочего и крестьянина человеком. На всю жизнь запомнились нам черные дни белогвардейщины. Мы, старые люди, очень рады, что вы, молодые, готовы приумножить наши завоевания.

Андрей Андреевич Тептеев — самый старый участник нашего похода. Когда он шел рейдом от Верхне-Уральска до Кунгура, ему было чуть больше, чем некоторым ребятам из нашего отряда. За плечами гражданская война, строительство Магнитогорска, снова война и снова труд.

В селе Тюино-Озерное, где партизаны, наконец, повстречались с Красной Армией, Андрей Андреевич Тептеев рассказал:

— Вон с тех высот появились мы, а здесь держали оборону две роты Бирского полка Второй Армии. Нас обстреляли. Мы махали знаменами, радостно кричали, но ничего не помогало. Тогда Блюхер приказал атаковать. Выступили две сотни кавалерийского полка и взяли своих «в плен». Долго они не могли поверить, кто мы такие и откуда взялись... Это историческое место. Здесь мы открыли ворота Красной Армии.

Но в песне смелых и сильных духом...

В поле, за селом, там, где вольготно гуляют степные ветры, — могила. Скромный обелиск со звездой. Надпись: «Разведчик Красной Армии Федоров Сергей Иванович. Расстрелян в июне 1918 года».

Когда в селе Байгильдино появился отряд Красной Армии, Сергей старался хоть чем-то по-

мочь бойцам. Однажды его вызвал командир и сказал: «Мы бы взяли тебя в отряд, но ты будешь полезней здесь. Задача такая: знать, куда двинется противник, какова его сила». Но недолго помогал Сергей красноармейцам: его выдали кулаки. Долго пытали парня, но ничего не добились. Повели на расстрел. По дороге били плетьюми, рубашка на нем висела ключьями. Тело окровавлено. У оврага приказали встать на колени. Сергей отказался. Тогда один из бандитов ударил его по голове. Разведчик упал. Солдаты дали залп. Промажулись. Сергей повернулся к врагам: «Убив меня, вы не сможете убить то дело, за которое борется весь на...» Но не закончил фразу.

На могилу Сергея пришел поисковый взвод нашего отряда. Ребята покрасили обелиск и ограду, возложили живые цветы. Торжественным минутным молчанием почтили память героя.

Село Новокулево — одно из старейших в Башкирии. В нем живет двоюродный брат Багау Нуриманова — видного революционера Башкирии, замечательного партийного работника, умелого организатора, любимца народных масс. Именем героя, расстрелянного врагами в 1918 году, назван район Башкирии. О Багау Нуриманове слагают стихи и песни.

Как беркут, летящий с Урала,
В высокой лазури паря,
Ты встал, Багау Нуриманов,
В шеренги борцов Октября.

В 1905 году, когда Багау было 12 лет, семья переехала из Новокулево в Челябинск. Здесь мальчик работал в железнодорожных мастерских и познакомился с русскими рабочими, сосланными за подпольную деятельность из Петербурга. Отсюда и начался путь Багау Нуриманова в революцию.

ГОРЬКИЙ И МАМИН В «ДЕЛЕ

Не раз сближались и даже пересекались пути-дороги основоположника литературы социалистического реализма М. Горького и выдающегося демократического писателя Д. Мамина-Сибиряка, открывшего читателям Урал и его трудовых людей.

Сотрудничали они часто в одних и тех же изданиях. Рассказ М. Горького «Тоска» был напечатан журналом «Новое слово», когда Мамин-Сибиряк входил в его руководящую редакционную группу. Имена этих писателей встречались и в «Русском богатстве», и в «Русской мысли», оба они выступали в газете «Русские ведомости».

Были они и лично знакомы, хотя их знакомство по многим причинам и не переросло в

устойчивую писательскую дружбу. Горький всегда очень высоко ценил Мамина-Сибиряка. Он говорил, что «талант его всюду крупен и ярок», называл его «писателем воистину русским», что в устах Алексея Максимовича было высшей похвалой.

Личные встречи их были нечастыми. Встречались писатели лишь в Ялте в 1900 году и во время редких приездов Горького в Петербург. Об их совместном участии в общественных делах до сих пор известно не было. Между тем, в 1901 году оба писателя принимали самое активное участие в событиях, сообщения о которых ряд зарубежных газет поместил под заголовком: «Революция в России». Речь идет об известной студенческой демон-

страции у Казанского собора 4 марта 1901 года и протесте русских писателей против действий полиции и правительства.

Мы много знаем о самой демонстрации и о выступлении писателей в связи с нею. Но, как недавно выяснилось, не все. Некоторые уточнения и новое освещение участия Горького и Мамин в действиях литераторов 4 марта дает дело, хранящееся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве, под шифром: Департамент полиции, 4, делопроизводство, 3 ч. 125, т. 1, л. Б.

События, предшествовавшие самой демонстрации, развивались так. Стремясь обуздать растущую политическую активность студентов, правительство

Мост победы

Наш отряд у реки Уфы. Здесь пятьдесят лет назад в районе Красной Горки переправлялась армия Блюхера. Белые взорвали переправу. Надо было строить мост. Через него должны были пройти партизаны, беженцы, несколько сотен обозов с ранеными.

— Постарайся за двадцать часов построить мост. Постарайся, Миша,— просил Блюхер своего адъютанта.

Крепили бревна вожжами, гвоздей не было, работали в студеной воде. А вокруг шел бой. Белые хотели сбросить партизан в реку. И, пожалуй, не справились бы блюхеровцы, если б не жители Красной Горки. Комиссар финансов партизанской армии Сандырев, конфискуя на нужды партизан имущество бежавших кулаков, в одном из домов нашел множество долговых расписок бедняков. Он собрал сход и на глазах у притихших, настрожившихся башкир сжег их все до одной:

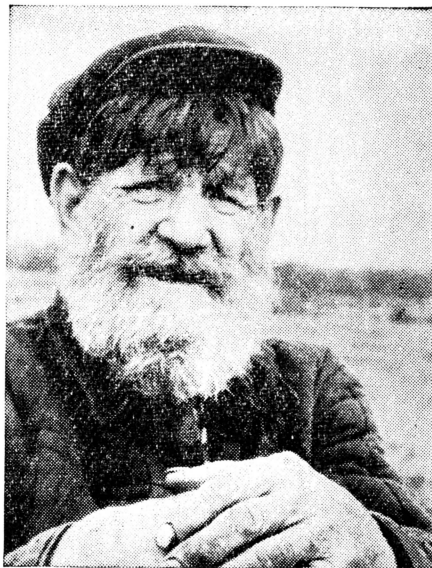
— Мы, большевики, рассчитались за вас с кулаками. Вы им больше ничего не должны. Можете расходиться по домам. А если хочет кто помочь строить мост, оставайтесь.

И крестьяне несли бревна, разбирали сарай, срубы, избы. Мост был построен. А из Красной Горки с партизанами ушли триста добровольцев.

Следовыты осмотрели место переправы, побывали в школьном музее, встретились с теми, кто помогал строить мост.

Могутный старик с роскошной бородой, год рождения 1879, рассказывает:

— Ребят командир не обижал. Вот ты работаешь в поле на лошади — он тебя не сымет. Хочешь — прими участие, строй мост, не хочешь — не надо. Принуждений не было. Но люди сами понимали, где правда.

Ивану Федоровичу Шкутуеву 88 лет. Он строил мост через Уфу.

Пока бьется сердце

Село наше Зилим белогвардейцы называли «осным гнездом красных», — вспоминает Валерьян Порфирьевич Барышев. — Вернувшись с империалистической, мы организовали небольшой, человек в 150, отряд. Одно время потеснили нас кулаки. Недели две в лесу жили. Затем объединились с кавалерийским отрядом латы-

4-ГО МАРТА»

К 100-летию со дня рождения
А. М. Горького.

издало так называемые «временные правила», по которым «воспитанники высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков» могли быть «сданы в солдаты». М. Горький в письме к В. Брюсову называл эти «правила» идиотской мерой обожравшихся властью прохвостов».

В Киевском университете по этим «правилам» 140 студентов были отданы в солдаты. Волнение охватило студентов ряда университетов и институтов страны. В Петербургском университете оно было особенно сильным. Сходки устраивались одна за другой. А 12 января 1900 года, как доносило охранное отделение, в студенческой столовой была брошена пачка гектографированных листовок с обращением

к широкому слою интеллигенции. Открывалась листовка стихотворным эпиграфом:

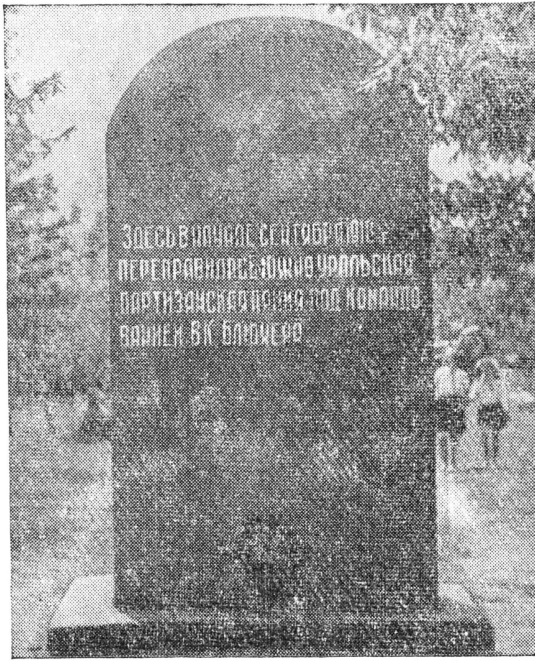
Сила тирании, мысль угнетенная
И векового рабства следы.
Ты ль это, родина, в сон погруженная,
Скоро ль пробудишься ты!

Авторы листовки обличали царизм и либеральную интеллигенцию, пресмыкающуюся перед антинародным правительством. Они указывали на необходимость соединить усилия революционной интеллигенции с рабочим классом. «Пора, пора, русские интеллигенты, пора соединиться с все растущей, могучей силой — рабочим движением, пора, идя рука об руку с ним, поднять

свой голос за права гражданина и уничтожить обязанности рабов, пора проснуться от долгого сна! Пора! Начало XX столетия будет ознаменовано борьбой, жестокой, упорной борьбой с царем».

Решено было провести студенческую политическую демонстрацию с участием рабочих. Первоначально она намечалась на 19 февраля, годовщину «освобождения» крестьян, но накануне полиция арестовала 26 студентов, и выступление было сорвано: собралось только 400 человек.

К 4 марта все же удалось подготовить внушительную демонстрацию, в которой участвовало свыше трех тысяч человек, а вместе с публикой, собравшейся на площади Казанского собора, — до 12 ты-

Здесь в начале сентября 1918 года переправилась Южноуральская армия под командованием В. К. Блюхера.

шей Данберга. Рисковый он был мужик. Вместе с ним пробился к Блюхеру. Тогда я и стал разведчиком. В бою много всякого случалось. Когда под Василием Константиновичем коня убило, я рядом был. Соскочил со своего, отдал ему.

В девятнадцатом вернулся после госпиталя

домой. Избрали меня председателем сельсовета. В 1920 году в Бирском районе свирепствовала кулацкая банда «Черный орел». Тогда я стал военным комиссаром волостного исполкома, а с двадцать первого по двадцать пятый — в уфимском ЧК работал. Ночами не спали. Контрреволюция шипела вовсю. Немало нашего брата из-за угла хлопнули...

Сабир Усманов, пенсионер из села Красный Урюш, свято хранит свой первый комсомольский билет. Эта дорогая книжечка придавала силы, когда искали хлеб в кулацких подвалах, когда отправляли в Уфу красный караван с лесом для ностроек первой пятилетки.

Глухая деревушка Лидовка, что в Пермской области, — была партизанской от мала до велика. Много жило здесь тех, кто решал судьбу Советской власти. Среди них — Норин Семен Ефремович. Следопыты нашли его, накололи старику дров, окучили картошку.

Ефиму Карповичу Сумачеву — 80 лет. После первой мировой возвращался в родную Лидовку с твердой уверенностью: нет ни бога, ни черта. Вместе с другими рассказывал сельчанам, что творится на свете. Что делать? Объединяться надо миром и брать землю силой. Когда эхо революции докатилось до Лидовки, собрал Ефим Сумачев вместе с Семеном Нориним своих товарищей и влились они в партизанский отряд Шорохова, бывшего фельдшера из Тюинска. Потом вернулись к заждавшейся хозяина земле. Пахать-сеять нужно было. Организовал Ефим Карпович сельскохозяйственную мастерскую, вручную ладили всякую технику. Кем только не приходилось работать?! Даже учителем в двадцатых годах, хотя имел Ефим Карпович пять классов образования...

Нелегкая жизнь выпала на долю Марии Максимовны Седловой. Родилась в семье крестьянина-бедняка. Во время гражданской войны отец Марии с шестнадцатилетним сыном ушел в Бир-

сая. С окраин столицы двинулись в центр толпы рабочих, но полиция не пропустила их. Испуганный царь, не уверенный в исходе событий, ускакал с семьей в Царское Село.

Когда на площади стало многолюдно, полиция ринулась на демонстрантов и началось дикое избиение мирных людей. Были убитые, много раненых, 1050 человек арестовано.

Эти события особенно сблизили Горького с Маминим-Сибиряком.

Горький приехал из Нижнего в столицу еще в феврале. 19 февраля Союз взаимопомощи русских писателей, членом правления которого был Мамин-Сибиряк, специальным собранием отметил годовщину падения крепостного права. Горький присутствовал на нем. По свидетельству М. Н. Слепцовой, близкой приятельницы Мамина, тогда же произошла встреча с Горьким в редакции журнала «Жизнь», где прохо-

дило чествование только что приехавшего писателя.

«Обстановка самая скромная и чествование товарищеское. Редактор-издатель «Жизни» Вл. Ал. Поссе, личный приятель Горького. Присутствуют Баранцевич, Мамин-Сибиряк, Короленко, Михайловский, из женщин Пименова и я», — писала Слепцова в воспоминаниях (они еще не появлялись в печати и хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства — фонд 462, опись 2, ед. хр. 63).

Четвертого марта, во время демонстрации, в Союзе взаимопомощи русских писателей собралась значительная группа литераторов, многие из которых сами были свидетелями событий у Казанского собора. Собравшиеся составили письмо в газеты, где клеймили правительство за «заранее предрешиенное и обдуманное избиение беззащитных людей».

Это письмо известно, оно

опубликовано в сборнике документов «Революционный путь Горького», но не по подлиннику, а по копии. Подлинник же, попавший в руки полиции, как теперь выяснилось, написан рукой М. Н. Слепцовой. Все подписи, идущие строго по алфавиту, сделаны в одно время, тут же, на собрании. Среди них подписи Горького и Мамина-Сибиряка. Очень важно, что Мамин не просто присоединил свой голос к протесту, но и присутствовал при выработке самого текста, возможно, участвовал и в его редактировании.

После события развивались следующим образом. В тот же день, как говорит М. Н. Слепцова, обращение писателей было размножено на гектографе. В ближайшие дни оно появилось на страницах зарубежных газет, стало известно и в России. Затем к письму-протесту присоединили свои подписи еще 34 литератора.

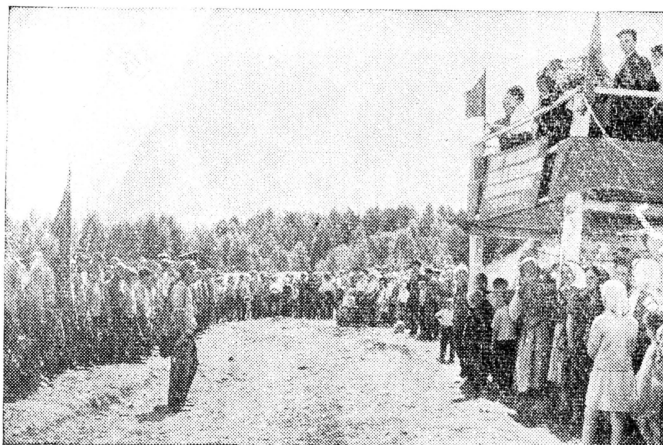
ский партизанский отряд. Девушка тоже разыскала красных. Была санитаркой. Военные дороги свели ее с отцом. Вместе воевали, вместе вернулись домой. Дома сердце сжалось от известия: младшего братишку истерзали белые. А в 24-м кулаки убили отца. «В один день с Лениным схоронили. Вот так нам досталась Советская власть. Она нам очень дорога».

Большой салам, друзья!

Если откровенно, то мы не ожидали, что окажемся в центре внимания населения тех сел и деревень, через которые лежал наш путь. Митинги, концерты самодеятельности, спортивные состязания — сколько таких дружеских встреч было на трехсоткилометровом пути. После них возбужденные, с песнями возвращались в лагерь.

— Желаю отряду «Разведчик» попутного ветра и солнечной погоды в вашем замечательном походе. А бодрого настроения и энтузиазма вам не занимать, — напутствовала нас Галя Леднева из Аскинского райкома комсомола.

Мы узнавали о прошлом и настоящем сел и деревень, через которые проходили, и видели, что дала им Советская власть. Так, в Караидельском районе Башкирии до революции было всего четыре учителя. Сейчас здесь 1200 учителей и 90 школ. Врач был один, а сейчас — 22 специалиста с высшим образованием.

Митинг в Новокулево.

— Вы уходите, оставляя большую память в сердцах наших колхозников. От братского башкирского народа большой вам салам, друзья, — так попрощались мы в селе Артакуль, где, кроме поисковой работы, гвардейцы нашего отряда пропололи 30 гектаров колхозных хлебов!

...Как приятно на привале вытянуться на терпком, душистом ковре трав. Но вот отрядный трубач сигналил: «Подъем!» — и снова в путь.

Косари на лугах глядели с любопытством на нас и спрашивали:

— Кто вы, куда путь держите?

Мы называли себя и отвечали, что идем за счастьем...

Следопыты Челябинска

Департамент полиции «коллекционировал» вырезки из иностранных газет, оценивая «резонанс», который получило письмо. Закрутилась машина политического сыска и жандармских репрессий. Полицией был составлен список подписавших письмо. Около каждой фамилии появилась резолюция, по-видимому, самого директора Департамента полиции Зволянского. На листе 39-м дела, о котором идет речь, имеется запись: «Пешков Алексей Максимов [литературный псевдоним Максим Горький]». Затем идет помета: «Сп. № 1» и резолюция: «Обыск и арест». Вот об этом-то распоряжении — арестовать Горького в связи с протестом русских литераторов — в биографической литературе о писателе ничего нет.

Арестовать Горького тогда не удалось, так как он уехал в Нижний Новгород.

Среди получивших копию

протеста был известный реакционер С. А. Рачинский. В Рукописном отделении Библиотеки им. В. И. Ленина сохранилась его переписка с К. П. Победоносцевым, столпом всего самого реакционного в России. Мамин-Сибиряк называл его «богом проклятым человеком», который «наделал много зла России». По поводу полученного документа Рачинский писал: «Опять получил от бунтарей длинный бюллетень. Это рассказ, гиперболический, безграмотный [!!] и совершенно бессвязный, о побойце 4 марта. Любопытны в этом письме только подписи». И он перечисляет некоторые из них, начиная с имен Горького и Мамин-Сибиряка. В заключение этот чиновник писал столпу реакции: «Так как подписи неподлинны, заинтересованные лица ничем не рискуют...»

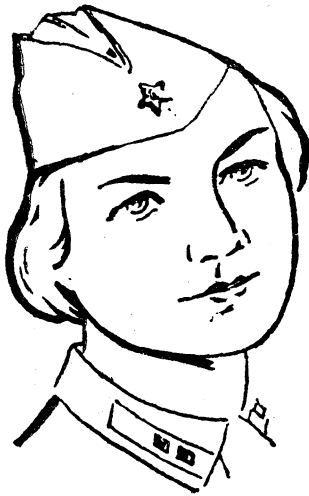
Нет, подписи были подлинные и стараниями какого-то провокатора они попали в руки

полиции, которая и расправилась со многими подписавшими протест.

Как видно из этого, Мамин-Сибиряк не был политически безразличным писателем, он участвовал в таких политических событиях, которые сводили его с Горьким непосредственно и очень тесно. Департамент полиции именно после марта 1901 года завел особое досье на Мамину.

Небольшие уточнения и дополнения, на основе неизвестных архивных материалов, биографий двух писателей хотя и по-разному, но связанных с судьбами пролетариата в России, будут интересны каждому, кто в истории видит не склад мертвых вещей, а живую жизнь живых людей, предысторию нашего сегодня.

И. ДЕРГАЧЕВ

ШКОЛА И УЛИЦА ФЕНИ ПУШИНОЙ

Она училась в Больших Ошворцах. Правда, здание школы было совсем другое. Старое. А вот эту березку высадила она. Так и говорят теперь все: «Береза Фени Пушиной»...

И школа уже два года носит имя бывшей ученицы. А в 9-м «А», в уголке боевой славы, висит портрет Фени Пушиной. Здесь окончила она семилетку. Потом училась в Ижевском медицинском училище. В Якшур-Бодьинский район вернулась уже фельдшером. Работала в Кекоране. И — фронт.

Много солдатских писем пришло тогда в родную деревню. Много раз рассказывала Федора о своих боевых друзьях, о раненых, которым спасала жизнь. Последнее письмо почтальон принес в дни октябрьских праздников 1943 года.

«Мама! — сообщала Федора, — мы совсем близко от Киева. Октябрьскую будем встречать в столице Украины...»

В ноябре на деревню Светошино, совсем рядом с Киевом, посыпались бомбы. Шестьдесят фашистских стервятников затмили небо. В деревне вспыхнул пожар.

Федора Пушина вместе со своими товарищами оперировала раненых. И вдруг — бомба. Она врезалась в здание госпиталя. Дом заполыхал.

Федора Андреевна схватила раненого и быстро вынесла его на улицу. Потом другого, третьего...

Тридцать раз вбегала лейтенант медицинской службы в объятый пламенем дом. Наконец силы

иссякли. Федора, раненая и обгоревшая, упала в пылающем госпитале...

На Светошинском кладбище Киевский исполком городского Совета депутатов трудящихся поставил памятник отважной санитарке из Удмуртии — лейтенанту медицинской службы Федоре Андреевне Пушиной.

За право поехать в столицу Украины соревнуются следопыты Больше-Ошворцинской школы. Они стали победителями во Всесоюзной игре «Зарница». Получили диплом за участие в соревнованиях на приз «Пионерской правды», оказали большую помощь совхозу в уборке картофеля.

Ребята мечтают поставить в Ошворцах своей героине — Герою Советского Союза Фене Пушиной памятник. Помогают им все комсомольцы Якшур-Бодьинского района.

Бережно хранится в семье брата Федоры — участника Отечественной войны Григория Андреевича Пушина — грамота о присвоении сестре звания Героя Советского Союза и письмо бывшего Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Михайловича Шверника.

На здании Ижевского медучилища — мемориальная доска.

А в Якшур-Бодье, в родном селе героини, самая главная улица носит теперь имя Фени Пушиной.

В БУДУЩЕЙ АФРИКЕ

М. ФОМИНА

Рисунки Г. Метелева

Первого сентября, придя в школу, Павлик Гаврилов столкнулся с Катей Соколовой. Он искренне обрадовался: ведь Катя была первым знакомым человеком, с которым Павлик встретился после долгих летних каникул.

— Павлик, что с тобой? Ты поседел! У тебя беда? — не поздоровавшись, заохала она и, подперев остреньким кулачком свой подбородок, по-старушечьи жалостливо покачала головой. Павлик от неожиданности растерялся, но потом понял, в чем дело, и объяснил, что за лето он загорел до черноты, а волосы побелели и теперь казались совсем седыми.

— Седеют старики, — закончил он. — А это от солнца.

— А я думала — от горя! — разочарованно протянула Катя, показала Павлику язык и убежала. А о том, как Павлик вырос и загорел, — ни слова.

Размышляя над Катиной усмешкой, Павлик не сразу услышал звонок. Но когда в коридоре стало тихо и пустынно, он, спохватившись, ускорил шаги. Вот и его класс, с табличкой 2 «а».

Павлик заглянул в дверь. Ребята уже сидели за партами.

— Заходи, заходи, Павлик! — разрешила учительница, старенькая и сухонькая Софья Федоровна.

Не успел Павлик закрыть за собой дверь, как в классе закричали:

— Ой, он совсем белый!

— Совсем черный!

И оттого, что кричали все вместе, получилось что-то смешное и не совсем понятное:

— Он белый-черный, черный-белый!

И Софья Федоровна посмеялась вместе с ребятами, а потом сказала то, что так хотелось услышать Павлику:

— Ты очень вырос и возмужал! Где же ты так загорел?

— В Африке! — радостно выпалил Павлик.

Ребята засмеялись. А Катя Соколова спросила:

— А ты не поймал в Африке жуку, как Петя Котельников?

Петя Котельников славился своими выдумками, и никто ему всерьез не верил. От этого сравнения и оттого, что все смеялись, даже Софья Федоровна, Павлик рассердился:

— Не жуку, а медузу! Она еще мне руки обстрекала. Волдыри вздулись во какие!

— А бегемота ты не поймал? Вот такого — от окна и до двери? — развеселился Петя Котельников.

— Тише, тише, ребята! — серьезно сказала Софья Федоровна. — Пошутили и хватит. Садись, африканец, пора начинать урок.

На перемене в классе было особенно шумно: перебивая друг друга, все взахлеб рассказывали про лето.

— Эй, Павлик, свисти дальше про свою Африку, — проталкиваясь к Павлику, закричал Петька. — У тебя здорово получается! Слушай, а медуза большая была? С царь-колокол, да? — он заговорщически подмигнул.

— Не с колокол, а с твою глупую голову! — в сердцах сказал Павлик и хотел отойти от Петьки.

Но не так-то легко было избавиться от него.

— А живого крокодила ты видел?

Ну, как тут было удержаться?

— Конечно, видел! И даже верхом на нем катался.

— Во, дает! — восхищенно завопил Петька. — И где это ты, Пашка, заливать научился? Мало ему Африки, так он еще крокодила придумал. Да еще ручного! Да еще с седлом! А уздечку ты на него надевал?

Петька и на самом деле был уверен, что Павлик заливает.

О других ребятах и говорить нечего:

они стояли вокруг, посмеивались, перемигивались.

Из-за Павлика никто не заметил сразу, как подошла вожатая Валя.

— Ребята, сегодня после уроков не расходиться. Я расскажу, как наш пионерлагерь встречал космонавтов, а вы — о своих летних приключениях.

Ребята бросились к Вале и оставили Павлика в покое. Только Петька не мог простить Павлику, что из-за Африки все перестали интересоваться щукой, которую он поймал, и продолжал ехидничать:

— Пусть Пашка расскажет, как он верхом на крокодиле скакал! Смех!

— Очень-то нужно его вранье, — пренебрежительно хмыкнула Катя.

— Может, он какого-нибудь другого зверя за крокодила принял? — заступился кто-то из ребят.

Ничего себе, заступился!

— Не понимаю, чему вы смеетесь! — нахмурилась Валя. — Ты с мамой, Павлик, ездил?

— С мамой.

— По туристической путевке?

— Не знаю. Просто в гости. К моему другу Нти.

— И долго вы летели?

— Мы поездом. Два дня.

Павлик с радостной готовностью отвечал на вопросы. Вот сейчас Валя все объяснит, ребята перестанут смеяться, и тогда он подробно расскажет о своем необычайном лете.

Только почему она так удивленно смотрит?

— Ты что-то выдумываешь, Павлик. До Африки за два дня, да еще поездом...

— Конечно, выдумывает! — подхватил Петька. — И про ручного крокодила — выдумал! Смех.

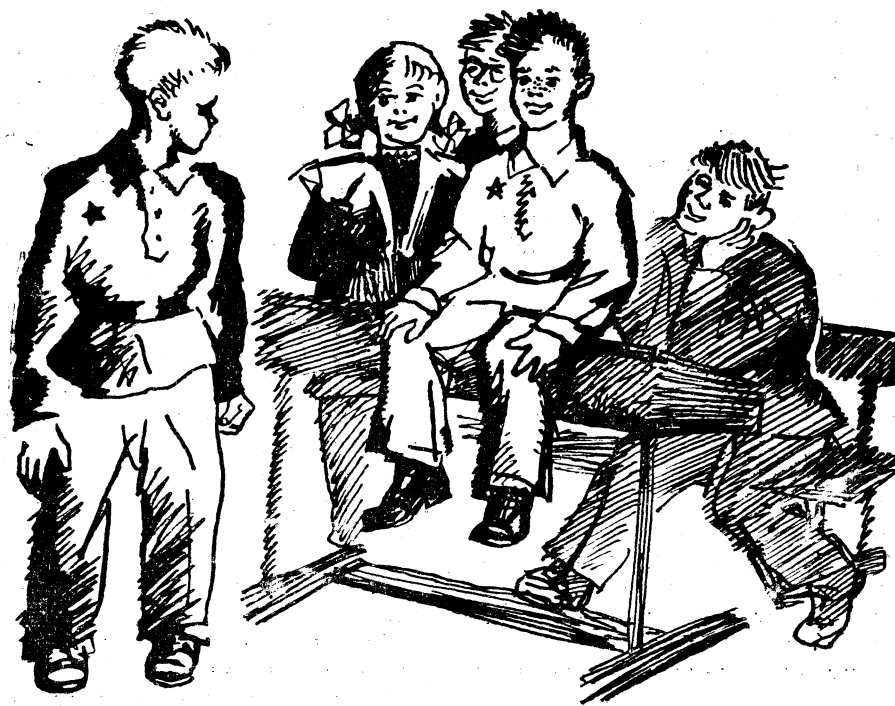
Валя улыбнулась, в глазах ее заискрился тот же недоверчивый огонек, что и у ребят. Павлик смутился:

— Ручной крокодил был, только резиновый, дутый.

— Вот-вот, сейчас и Африка окажется дутой! — завопил Петька. — Эх ты, фантазер! Ври, ври, да не завирайся!

Это было уже слишком. Павлик растолкал ребят и, чтоб уйти от насмешек, прорвался в класс, несмотря на сопротивление дежурной, которая проветривала помещение.

На следующую перемену Павлик ушел во двор и с мрачным видом стал прогуливаться вокруг увядающих клумб. Ему было очень обидно. Ведь он и правда был в Африке и дружил с неграми. По-русски

они говорили плохо, с Павликом объяснялись с помощью жестов, но он их хорошо понимал. Особенно негра Нти. С ним он купался в море. Море было такое ласковое и прозрачное. Зайдешь в него по шею, а сквозь воду все видно: и золотой песок, и серебряных рыбок, и разноцветные камешки. Как голубое стекло, сверкало и светилось на солнце это море.

Однажды Нти получил от родных письмо, долго читал его, а потом показал Павлику снимок и сказал:

— Африка. Камерун.

На фотографии были сняты негры и среди них — Нти. Павлик сразу узнал его. Нти поочередно указывал пальцем и называл имена своих друзей. А двух назвал по-русски:

— Мама. Папа.

Павлик закивал: понял, понял! Да и как не понять? У Павлика тоже была такая фотография: мама, папа и Павлик на руках у папы, а позади березовая роща и поле. Это Белоруссия, где Павлик родился. А у Нти на фотографии — пальмы, такие же шелковистые, как здесь, и море такое же, и песок.

— Хорошо! — похвалил фотографию Павлик.

— Плохо! — Нти сокрушенно pokrutil головой и показал на своих родных.

Вгляделся Павлик — и верно, плохо: лица грустные, от худобы ребра видны.

— Плохо! — повторил Нти, глядя на фотографию, и, проведя рукой вокруг себя, улыбнулся: — Хорошо!

Павлик так и понял: Нти родился в Камеруне. Но в Камеруне плохо живется народу, вот и переехал Нти в другую, свободную африканскую страну — сюда.

Хорошо иметь друга, которого можно понять без слов!..

Вдруг кто-то обнял Павлика за плечи. Оглянулся Павлик, а это Валя. Передернул плечами, чтобы Валину руку сбросить, да не тут-то было: рука у нее крепкая.

— Что же ты на меня сердишься? Я тебе верю. Расскажи мне о своем друге. Забыла, как его зовут?

Морщит Валя лоб — не может вспомнить. Ну, как ей не помочь?

— Нти...

Не заметил Павлик, как все Вале выложил — и про море, и про фотографию, и про то, как с Нти подружился. Даже про институт имени Патриса Лумумбы рассказал, в котором Павликова мама русскому языку Нти учит. Павлик разгово-

рился, а Валя так внимательно слушала, что оба чуть звонок не прозевали. И хотя на следующих переменах ребята по-прежнему донимали Павлика насмешками, он уже не так переживал: раз Валя поверила, значит, и другие поверят. Валя им объяснит. Главное, что Валя поверила.

После уроков ребята остались в классе — всем было интересно послушать о космонавтах. Но Валя почему-то задержалась, и ребята в ожидании развлекались, кто во что горазд. Девочки пели, а мальчишки понарошку дрались — соревновались, кто за лето сильнее стал. Павлик тоже засучил рукава.

— Ого! — воскликнул самый маленький в классе Митя Холмогоров, щупая мускулы Павлика. — Небось, на турнике крутил?

— В Африке. В море плавал, — пояснил Павлик. — А еще на деревья лазил, когда апельсины собирали...

— Давай, давай, — загоготал Петька. — Давай ври, африканец!

Зачесались кулаки у Павлика — бросился было на Петьку, да остановился: что это так тихо стало в классе? И Петька, который минуту назад кулаки сжимал, стоит с открытым ртом и смотрит поверх головы Павлика. Куда это он смотрит?

Оглянулся Павлик, а в дверях Нти стоит, огромный, широкоплечий. Даже высокая Валя рядом с ним кажется маленькой.

Откуда и как мог Нти оказаться здесь?

А Нти шагнул в класс, обнял Павлика, сказал просто:

— Здравствуй, друг.

— Нти, как вы попали к нам в школу? — радостно закричал Павлик.

А Валя громко объявила:

— Итак, у нас сегодня воспоминания о лете. Давайте попросим нашего дорогого гостя Нти первым рассказать о том, как он провел свое лето.

Все захлопали, а Нти, сверкая белоснежной улыбкой и белками глаз, закивал, соглашаясь. Он говорил по-французски, потому что русский знал недостаточно. Переводить взялась Валя: она уже третий год учила французский.

И еще Нти показал фотографии. На них качались высокие пальмы с верхушками-веерами, и море поглаживало берег пенистым прибоем. Под жарким солнцем вызревали золотые, похожие на елочные шары, апельсины. И на всех фотографиях рядом с Нти был Павлик.

— А почему тебя здесь нет? — спро-

сил Павлика притихший Петька, показывая на камерунскую фотографию.

— Очень просто, почему,— ответила за Павлика Валя.— Потому что этот снимок сделан в Африке, а Павлик в Африке не был. Он был у нас на юге, на берегу Черного моря.

— Я говорил, я говорил! — обрадовался Петька.— Заливал Павлик! Ну, сознайся, теперь уже не отвертись!

— Тише, ребята! — замахала Валя.— Нти говорит, что Павлик сказал правду. Он был в Африке! Только не в настоящей, а в будущей. Ясно?

— Не ясно, не ясно! — загалдели ребята, а всех громче Петька:

— Как это — в будущей? Так только в сказках бывает!

— А вот наберитесь терпения и послушайте, что Нти рассказал,

Валя начала переводить, а Нти слушал и кивал: верно, мол, так оно и было. Узнали ребята, что в Институте дружбы народов учатся девушки и юноши из угнетенных и зависимых стран. Эти юноши и девушки не могут получить образование на родине и поэтому приехали к нам. Нти проучился в Советском Союзе год и очень соскучился по родине. Хотелось ему в летние каникулы съездить в Африку, но она далеко — не успеешь доехать, как уже пора возвращаться. Вот и отправились студенты-негры на Черноморское побережье, которое по климату и природе похоже на родину Нти. Приехал Нти на Кавказ — и словно в Камерун попал. Сияет жаркое солнышко. Качаются на теплом ветру пальмы, бьется море о берег. А на самом берегу — красивые дворцы, только отдыхают в них не капиталисты, а рабочие. Сначала не поверил Нти, подошел к одному важному на вид человеку, спросил его, кем он работает: «Шахтер, уголек добываю». Подошел к другому: «Бульдозерист, канал в степи рою». Третий каменщиком назвался... Поверил, наконец, Нти, обрадовался. И сказал Павлику: «Хорошо здесь. Как в Африке, только в новой, свободной. За которую Патрис Лумумба жизнь отдал, за которую тысячи африканских патриотов сейчас борются».

Конечно, все это Нти сказал по-французски. А Павлик решил, что приехал в Африку; ведь Павлику всего восемь лет, географии он еще не учил, море и пальмы видел впервые, и не знал, что Советский Союз очень большой и что в нем есть и холодные края, и очень теплые, почти как в Африке.

Тихо в классе, слушают Валю ребята. Слушает и Нти. И вдруг, улыбнувшись, говорит по-русски — медленно, будто по складам читает:

— Павлик не заливает. Я не заливаю.

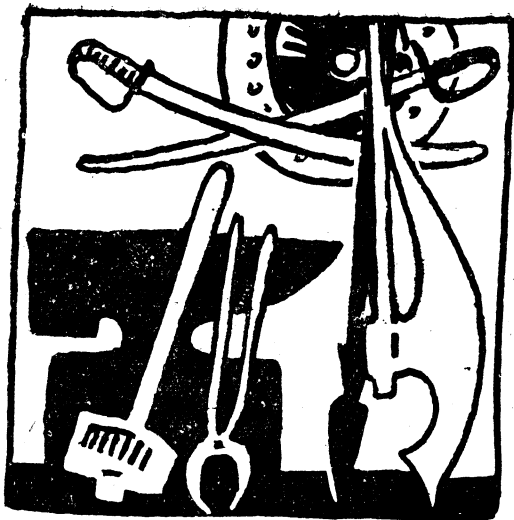
Вот так Нти! Значит, он совсем не плохо понимает по-русски! Улыбаются ребята. И Павлик улыбается.

А на другой день в перемену Петька первый подошел к Павлику.

— Расскажи, как ты в Африке побывал. В этой, в будущей.

И Павлик рассказывает. Не спеша, со всеми подробностями. И все слушают, не перебивают. Еще бы! Ведь никому на свете еще не удалось побывать в будущей Африке.

А Павлик побывал.

СЕКРЕТЫ ДРЕВНИХ МАСТЕРОВ

Однажды придворный мастер принес императору Тиберию корону из необычного металла. По виду он напоминал серебро, но был значительно легче. Случайно император уронил корону на пол — она заметно погнулась.

— Откуда ты добыл этот металл? — спросил Тиберий.

— Из глины, — ответил мастер.

Император повелел обезглавить мастера, а его мастерскую разрушить. Он боялся, что новый металл обесценит серебро его сокровищницы.

Об этом рассказал римский ученый Плиний Старший, живший в первом веке нашей эры.

История техники знает еще немало секретов древних мастеров, но они потеряны для нас.

Вот платина. Ее практическим применением заинтересовались лишь в XIX веке. Чтобы расплавить ее, требовалось поднять температуру до очень высокой точки — 1774 градуса, а как это сделать, тогда еще не знали. Однако древние обитатели Америки — ацтеки — еще до Колумба умели изготовить из этого металла изделия. Монтесума, последний властитель государства, послал в подарок испанскому королю прекрасные платиновые зеркала. Как удавалось справиться древним металлургам с этим тугоплавким металлом — и поныне тайна.

В 1845 году немецкий химик Фридрих Вёлер впервые получил куски чистого алюминия величиною с... булавочную головку. Сотню лет назад он считался очень дорогим металлом, стоил немногим меньше золота — так трудно было его получать. Только почти полвека спустя удалось получить алюминий более доступным, но все же сложным способом.

Однако древнегреческий мыслитель Платон, описывая 2300 лет назад Атлантиду, рассказывал, что жители этой легендарной страны знали, кроме золота и серебра, еще какой-то драгоценный металл. Он был легкий, белый и мягкий.

Похоже на алюминий? Да. Но если это был действительно алюминий, то как смогли получить его в столь далекие времена при тогдашней технике? А может, это только легенды?

Но вот несколько лет назад при раскопках древнего кургана в Китае археологи обнаружили гробницу известного полководца Чжау-Чжу, жившего 1700 лет назад. Орнамент гробницы был сделан из какого-то неизвестного сплава. Анализ показал его состав: 10 процентов меди, 5 процентов магния и 85 процентов алюминия. Последнее для археологов было самым невероятным. Такая находка — важное событие в истории техники. Это уже не легенда, а вполне осязаемые вещи, которые люди держали в руках.

Сохранилась еще одна загадка древних металлургов — знаменитая железная колонна в Дели, славящаяся чистотой металла. Не ржавея во влажном тропическом климате Индии, стоит она многие столетия. До сих пор специалисты недоумевают: как сделали колонну из такого чистого железа более пятнадцати веков назад?

Некоторые считают, что дельская колонна — давно прошедший этап в истории техники, далеко уже превзойденный в наши дни. Да, сейчас получают железо во много раз более чистое. Однако ценою каких усилий и затрат, путем каких сложнейших технологических процессов!

Вот почему и в наши дни было бы заманчиво разгадать секреты древних умельцев: как они могли при бедной технике своего времени получать такие изумительные результаты? А вдруг разгадка утраченных секретов приведет к освоению процессов во много раз более простых и экономичных, чем те, какими мы сейчас пользуемся?

Этими вопросами заинтересовались археологи и историки техники, металлурги и металловеды.

II

Наука археология, как известно, занимается раскопками и изучением первобытных, древних и средневековых вещественных памятников, т. е. орудий труда, оружия, утвари, жилищ, поселений, мастерских и т. п. При этом археологи должны дать ответы на вопросы: что произошло, где произошло, когда и почему.

Источниками сведений о развитии металлургии ученым служат древние рукописи, «блуждающие свидетели» (находки орудий, оружия, украшений) и «непосредственные свидетели» (сле-

ды выемки руд, остатки древних печей, шлаков). Так археологи совместно с историками техники восстанавливают картину постепенного знакомства человека с металлами. И вот что они узнали.

Золото было первым металлом, с которым человек познакомился и начал обрабатывать его. И это, пожалуй, понятно: блеск золотых самородков мог в первую очередь привлечь внимание человека. Самые древние золотые вещи, найденные археологами в Египте, изготовлены 8 000 лет назад.

Археологи узнали и о раннем использовании самородного серебра и меди. В первобытную эпоху употреблялось и самородное метеоритное железо. Все эти металлы человек обрабатывал только в холодном состоянии с помощью каменного молота. Возможно, и куски металла считали камнем, но только мягким, поддающимся обработке с помощью ударов. Недаром ирокезы называли медь «красным камнем».

Однако начало века металлов наступило, когда человек освоил процессы плавки рудного металла, горячейковки его и литья.

Первые находки предметов из рудного металла — медные трубочки в качестве украшений, завязки для одежды — относятся к шестому тысячелетию до нашей эры и найдены на Ближнем Востоке в Читайль-Ньюок (Турция, 1962 год). Из меди были изготовлены первые металлические предметы для хозяйства, но все-таки чаще делали из нее украшения.

Позже появилась бронза — сплав меди с оловом или сурьмой. Сплав оказался много тверже меди. Поэтому бронзовые изделия — оружие, орудия труда, домашняя утварь, украшения — были совершеннее каменных.

Железом овладел человек на несколько тысячелетий позднее, чем медью. Причина в том, что медь хорошо поддается холодной ковке, а железо можно ковать только в раскаленном состоянии.

Но однажды кузнец случайно бросил в горн, где он плавил медь, комок железной руды. Полученный кусок нового металла он пытался ковать молотом в холодном состоянии, как это не раз делал с медью и бронзой. К его удивлению металл не ковался. Много раз он повторял свою попытку, и лишь когда случайно ударил по полустывшему металлу, то понял — этот металл надо ковать в раскаленном докрасна состоянии.

На вопросы — КАК, ГДЕ и КОГДА возникла металлургия железа — удалось ответить опять-таки с помощью археологов.

Самым древним предметом из железа, известным археологам, считаются бусы из полых трубочек, найденные английским археологом Петри при раскопках египетских могил конца IV тысячелетия до нашей эры. Бусы сделаны из ковкого железа, в котором обнаружено до 7,5 процента никеля, что характерно для железа метеоритного происхождения.

Впервые железо земного происхождения в форме комков было обнаружено на Ближнем Востоке (Чегер-Бозер, Ирак). Оно датируется 3 000 годом до нашей эры. К наиболее древним железным поделкам можно отнести также два предмета, найденные при раскопках в Египте: один в великой пирамиде, построенной 2900 лет до нашей эры, и другой — в могильнике в Абидосе, сооруженном лет на 300 позднее.

По мнению советских археологов, металлур-

гия возникла самостоятельно в ряде мест земного шара. Различные народы осваивали ее в разное время. Так, в странах Малой Азии, Индии и Южной Европы металлургия железа получила широкое распространение уже около трех тысяч лет назад. У племен Северной Европы и в странах Дальнего Востока переход к железнному веку начался лет на пятьсот позже. На территории нашей страны обработкой этого металла овладели в начале первого тысячелетия до нашей эры в Закавказье и в Средней Азии, т. е. немногим меньше трех тысяч лет назад. На несколько сот лет позже овладели процессом добычи железа уральские племена. Наиболее ранние находки железных вещей, возможно привозных, встречаются на Урале уже на поселении эпохи поздней бронзы — например, на стоянке Ерзовка на реке Каме.

III

Но в чем тут заслуга археологов? И так все ясно, как человек осваивал металлы: сначала — более легкие для добычи и обработки (самородное золото, блестящую медь), затем — железо.

Однако, чтобы доказать такую очередность в освоении металлов, потребовалось решить много неясных вопросов. Например, в XIX веке многие ученые утверждали, будто железо появилось одновременно или почти одновременно с бронзой. При этом они ссылались на тот факт, что железо в земле сохраняется хуже, чем бронза. Отсюда делали вывод: поэтому-то железо и не дошло до нас от древнейших времен. Это мнение трудно опровергнуть — ведь в то время не знали еще современных точных методов определения возраста находок, да и железных находок было мало у археологов.

Из-за плохой сохранности находки из железа оставались без внимания при раскопках и впоследствии разрушались. Тем более, что ранние раскопки зачастую велись в погоне за редкостями и драгоценностями, и многие железные изделия не попадали даже в описи. Это небрежное отношение к некрасивым ржавым вещам явилось одной из причин малого числа их в археологических коллекциях.

Позже было установлено, что сохранность древних железных изделий зависит не столько от времени пребывания их в земле, сколько от почвенных условий. Недавно сообщалось, что крестьяне села Звечки в Югославии случайно обнаружили в земле пару железных шпор. Ученые определили, что они принадлежали воину одного из кельтских племен. Но самое интересное в том, что шпоры, несмотря на 2200-летний возраст, хорошо сохранились. Они находились в сухом песке.

Со временем археологи поняли огромную важность редких железных находок среди груды любых красивых вещиц. Например, при раскопках в Долине царей (Египет, 1922—1927 годы), когда английский археолог Картер обнаружил гробницу фараона Тутанхамона, сенсацию

среди ученых вызвало не огромное количество золотых украшений, а маленький кусочек черного металла.

Сначала размотали бинты мумии фараона и там нашли много амулетов из гематита — кусочков железной руды (в коллекции египетского отдела Эрмитажа имеются подобные экспонаты). Но самое неожиданное открытие было сделано позже. Под валиком, напминающим по своей форме корону, нашли амулет из железа. Немецкий журналист К. Керам, автор известной книги «Боги, гробницы, ученые», с волнением писал об этой находке: «Амулет относился к числу наиболее ранних железных изделий Египта, и не без иронии следует заметить, что в гробнице, наполненной чуть ли не до отказа золотом, именно эта скромная находка имела наибольшую с точки зрения истории культуры ценность».

К настоящему времени богатые коллекции железных находок накопились уже в археологических музеях всех стран мира. А во Франции, в городе Нанси, существует даже единственный в мире Музей истории железа. В нем экспонируются орудия производства и готовые изделия, характеризующие ту или иную эпоху. В музее имеются отделы первобытного производства железа, науглероженного железа, булата и другие.

Нередко археологам попадаются не единичные находки железных изделий, а целые комплексы, связанные с металлургией и горячим делом.

На Днепре, близ Никополя, археологи открыли поселение металлургов и кузнецов скифского времени. Это известное Каменское городище, по всей территории которого обнаружено большое количество медных и железных шлаков. Там же обнаружили следы плавильных и кузнечных горнов, куски кричного железа, инструменты. Среди готовых изделий из бронзы и железа нашли оружие, предметы конского снаряжения, украшения, домашнюю утварь.

Во время одной из последних крупных раскопок нашли домницы для плавки железа в славянском поселении Алчедар. На рубеже IX—X веков здесь, на территории Прутско-Днестровского междуречья, появились города, образовались славянско-тиверской племенной союз. Вокруг городских крепостей среди других ремесленников обитали и металлурги-плавильщики железа. На одном только Алчедарском поселении район ремесленников-металлургов занимал площадь более ста га. Неожиданный для того времени размах металлургического производства!

Здесь обнаружили множество остатков железной руды, угля, шлака, сотни воздуходушных керамических сопел, десятки домниц и печи для предварительного обжига руды. Тут же находились многочисленные продукты этого производства: плужные лемехи, косы, серпы, железные блесны для ловли рыбы, остроги, стрелы с тупым концом (чтобы не портить шкуру зверя) и прочие вещи.

Все эти находки и открытия археологов помогли расширить наши представления о ранних этапах истории металлургии. С помощью новейших средств исследования ученые попытались проникнуть и в технологические секреты древних металлургов.

В конце XIX века французский химик Пьер Бертло, используя химический анализ, доказал, что древнейшие металлические орудия сделаны

не из бронзы, как полагали в то время, а из меди. Химик помог археологам открыть новую, не известную до него в истории человечества эпоху — медный век, предшествовавший бронзовому.

Археологи и позже прибегали в своих исследованиях к помощи химического анализа. Применяв метод оптической спектроскопии, недавно обнаружили, что металл, из которого изготовлены относящиеся к бронзовому веку ножи, топоры и алебарды, найденные в Англии и Ирландии, был выплавлен из руды, добытой в Центральной Европе.

Проводятся не только химические анализы. Например, в Польше в 1955—1962 годах были проведены металлургические исследования древних изделий из железа. Исследовали более 920 предметов, обнаруженных в 170 археологических раскопках в Польше, относящихся к периоду VIII век до нашей эры — XIV век нашей эры. Изучение 141 пробы железных шлаков дало возможность определить свойства сыродутного железа и судить о ряде технологических процессов древности: выплавка железа и стали, науглероживание металла, изготовление клинков по образцу дамасских и прочих.

А вот, например, подробное исследование обычного ножа помогло установить этапы развития металлообрабатывающего ремесла на Руси. Выяснилось, что в изготовлении ножей существовало три исторических периода.

В X—XI веках ножи делали многослойные: между двумя полосками железа вваривалась стальная полоска. В самом начале XII века технология меняется — стальное острие наваривается на железную основу лезвия. Это упрощение технологии стало возможным с накоплением технического опыта. Оно позволило обеспечить более массовый выпуск продукции.

На рубеже XIII и XIV веков торцевая сварка стального лезвия заменяется косой, более прочной из-за большей площади контакта сваренных полос.

Так на примере ножа археологи рассказали о поисках древними мастерами наиболее дешевой и удобной конструкции и технологии изделия.

С развитием науки археологи вооружаются все более новыми методами исследований находок, и это помогает им уточнять веки исторического развития материальной культуры, разгадывать секреты древних мастеров.

IV

Два года назад группа датчан под наблюдением археологов решила провести лето в условиях жизни наших доисторических предков. С помощью самых примитивных орудий, которые были временно взяты из музея, они срубали и обрабатывали деревья, тесали камни, делали глиняные сосуды, ткали грубые ткани.

Новые люди «железного века» построили себе крытые дерном жилища «своих» участков обрабатываемой земли. Здесь использовались такие орудия труда, как лемехи сохи, вы-

кованные тысячу лет назад, лодки времен викингов, печи для получения бронзы и железа.

Необычный археологический эксперимент весьма любопытен: люди пытались воспроизвести условия жизни и труда наших далеких предков. А нельзя ли таким же образом восстановить условия технологических процессов металлургов древности? Такие работы также были проведены в ряде стран.

Австрийские и немецкие археологи и металлурги в 1964 году сообщили о результатах совместных исследований о первобытных методах получения железа в Карантии — местечке Магдаленсберг в Австрии. Территория эта в древности населялась кельтскими племенами.

В Магдаленсберге нашли готовые изделия — иглы, крюки, лезвия ножиц. Провели химические и металлографические исследования проб камня, шлаков, тигельного боя, железных предметов. Это помогло выяснить, что здесь производилась довольно чистая сварочная сталь. Уже была известна закалка изделий. Местное повышение твердости металла достигалось нагревом и частичным погружением изделия в воду или масло.

Но исследователи на этот раз не ограничились только анализами и описанием найденных изделий. Они провели восстановительные опыты с местной рудой с соблюдением тех условий, которые существовали здесь в те далекие времена.

Построили две шахтные печи в том виде, в каком они были распространены когда-то давно в королевстве Норикем и провели опытные плавки. Они помогли установить следующее. Общая продолжительность плавки составляла 22—24 часа. После 10-часового прогрета (до 700-800 градусов) присаживали руду и подавали дутье от 8 до 22 кубических метров в час. Максимальная температура в плавке достигала 1420 градусов. Полученные цифры уточнили теоретические представления о процессе.

В Польше подобные опыты провели еще в более широком масштабе. С 1955 года специальная группа ученых начала археологические и технологические исследования древней металлургии в районе Свентокшиских гор.

Территория исследования занимала около 800 квадратных километров. К концу 1964 года в этом районе было открыто 3878 сыродутных напольных печей. Каждую печь, оказывается, использовали один раз, затем верхнюю ее часть разбирали и рядом выкладывали новую печь.

В печах обнаружили древесный уголь, шлак, порожковатые обожженные руды, кирпичную кладку. Некоторые печи относятся к 1000 году. Но общая продолжительность существования металлургии в районе Свентокшиских гор определяется в 12 столетий — от последнего века до нашей эры и включая X век нашей эры.

В древних печах провели опытные плавки на древесном угле и получили образцы железных криц — почти в точности таких, какие находили при раскопках.

Был испробован и другой вариант опытов — сразу в двух горнах. Один из них сложили из старых кирпичей, оставшихся на месте раскопок от предыдущих плавков, другой — из новых, специально изготовленных по заказу исследователей. При этом проводились подробные исследования процесса, металлографические анализы, математическая обработка материалов. Наблюдения велись с помощью современных приборов.

Эти опыты продолжают и сейчас. Но первые результаты исследований демонстрировались в августе 1965 года на XI Международном конгрессе историков науки и техники в Варшаве. Исследователи ставят задачу — использовать достижения древних мастеров для получения высококачественного железа прямым способом с помощью современной техники.

V

Уже в течение нескольких лет научные сотрудники краеведческого музея Нижнего Тагила совместно с энтузиастами-краеведами ведут раскопки в районе города и прилегающих к нему поселков. Руководит работами опытный археолог Амалия Иосифовна Россадович. У нее есть хорошие помощники — преподаватель горно-металлургического

техникума, выпускник МГУ В. Ф. Старков, краеведы-любители Е. Сокиро и И. А. Орлоз.

Раскопки А. И. Россадович уже дали много материалов по раннему железнному веку. Установлены места, где в древности велась плавка меди и железа, — Лая, Мурино, Медведка, вершины гор Пихтовой, Синей и Голого камня. Обнаружены комплексы плавильных печей, обломки тигельков с прилипевшим шлаком. На Лайском мысу нашли грунтовые печи, остатки глинобитных печей и небольшие каменные печи.

Во время раскопки мансийских поселений были открыты стоянки Лебяжинская, Ольховская и Ново-Кушвинская. А на левом берегу реки Малая Медведка помогавшие археологам школьники самостоятельно открыли новое селище, относящееся к эпохе раннего железного века. Они дали ему название Уралочка. Ребятам надолго запомнится это их первое археологическое открытие.

Самая любопытная находка тагильских археологов — железный, изъеденный ржавчиной кинжал. Он попал в руки археологов, пролежав в земле с шестого века. Чтобы лучше изучить интересную находку, ее отдали на анализ в центральную лабораторию металлургического комбината. Химики-металловеды Щеткина и Дамаскина внимательно изучили кинжал. Очистив его от ржавчины, увидели узор — результат слоистости, полосчатой структуры металла. Оказалось, клинок состоит из чередующихся слоев науглероженной и ненауглероженной стали. Химический анализ металла выявил, что в нем содержится кремний, марганец, фосфор — те же элементы, что входят и сейчас в состав стали.

Однако у археологов имеется еще немало вопросов и загадок, которые им предстоит решить.

Будем надеяться, что исследования археологов приведут к результатам, имеющим практическое значение и сегодня.

Н. МЕЗЕНИН,
член Советского национального
объединения историков науки и техники

Рисунки Ю. Ефимова

В. КАБАНОВ (*Москва*).

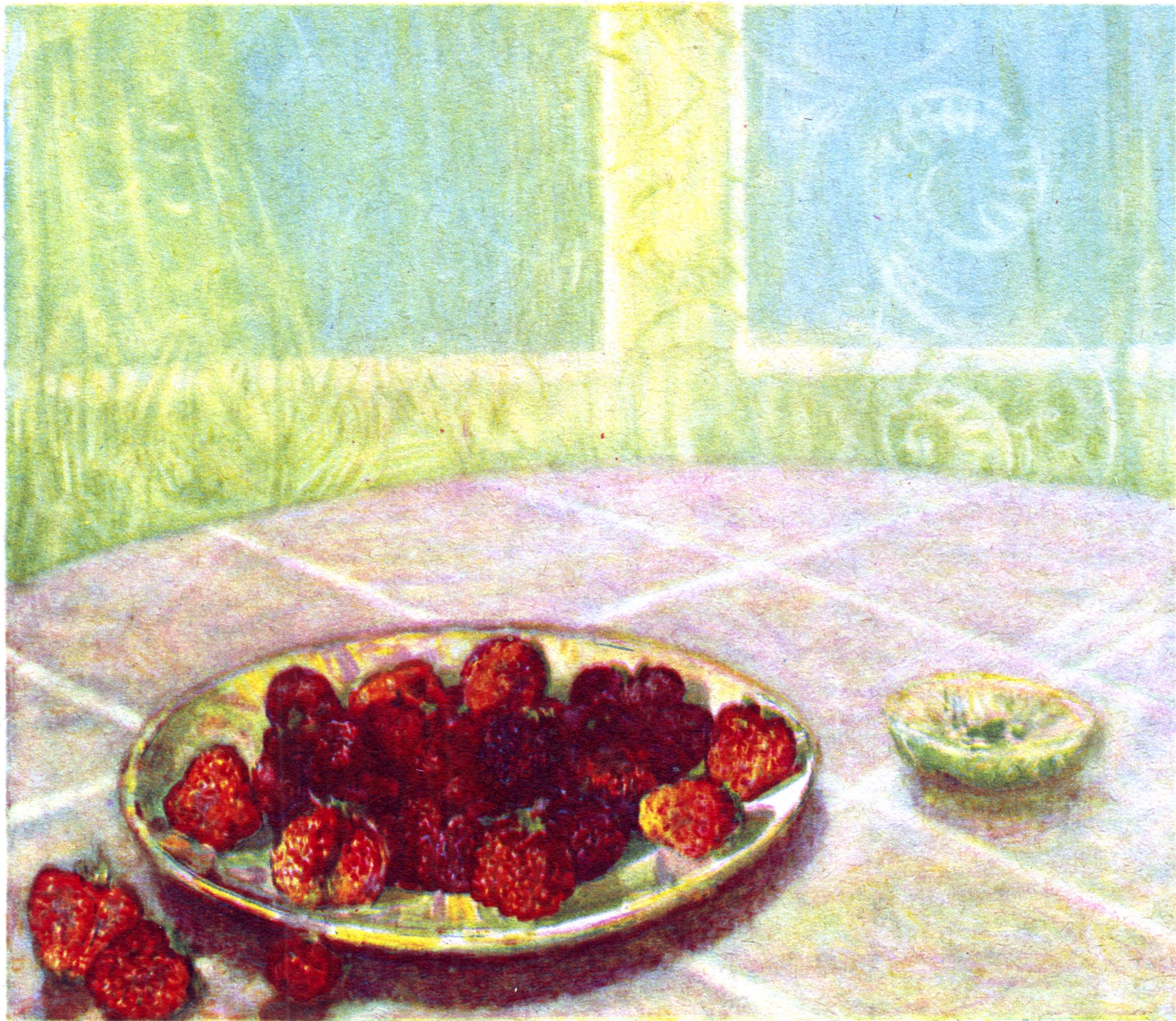
МАТЕРЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Б. ЛЕБЕДИНСКИЙ (Иркутск).

ИРКУТСК ГОРОД ДРЕВНИЙ

Н. ЗАСЫПКИН (Свердловск).

НАТЮРМОРТ

Бригантина — наша!

В. ОСИПОВ

Завоева. Тянь-Шань

— Приехали, ребята! — крикнул шофер.

Машина стояла посреди поляны, окруженной густым барбарисом. Вот и кончились наши мучения! От полуторачасовой езды по наклонному горному треку ныли бока. Неказистые ящики с продуктами превращались на ухабах в грозные снаряды, и не всем удавалось увернуться от них.

— Ну и дорожка! Десять баллов, — отряхиваясь от пыли, ворчит Саша Рябухин.

Но превратности дороги нас уже не волнуют. Сейчас вокруг яркие цветы. Кучки голубоватых елей на склонах, а в десяти метрах бьется о камни зеленой волной шумная река. Воздух чист необыкновенно.

— Парни, внимание!

Мы оглянулись. По крутой тропе, скрытой дикой смородиной, спускался небольшой караван: пять лошадей, связанных длинными уздечками. На первой — наш старый знакомый.

— Привет, Камал! — кричим мы.

— Салам! Как доехали! — спрашивает он, спешиваясь, и степенно здоровается со всеми за руку.

— Отлично! — отвечаем хором.

— Где думаете остановиться!

— Наверное, у Икичита, как в шестьдесят втором, — за всех ответил Володя Самохвалов.

— Соседями будем. Моя юрта чуть выше: в ущелье Телеты. Приходите в гости.

— Обязательно! — говорит Володя, хотя мы понимаем, что идти в гости у нас времени нет. Но до места стоянки часов шесть-семь хода. Чтобы успеть добраться туда засветло, надо спешить.

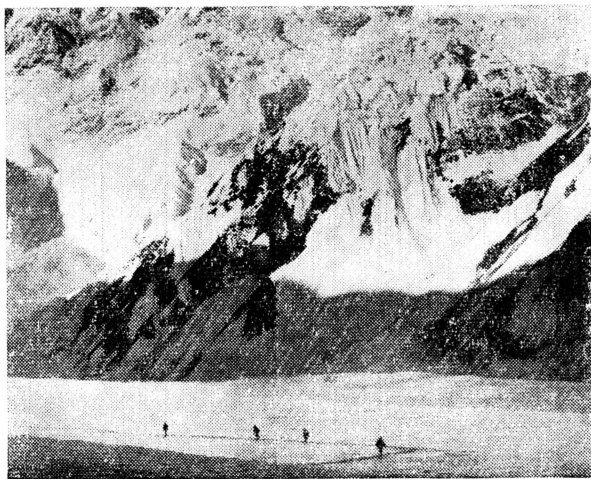
Не более чем через час наш караван двинулся вверх, к каракольским сыртам. Вьючная тропа петляет то по альпийским лугам, то по каменистым склонам, то прячется в тень елей. Иногда на нее надвигаются причудливые скалы и так прижимают к реке, что до нас долетают холодные брызги. От яркого солнца и тяжелых рюкзаков гудит голова. Но уже к вечеру начинается акклиматизация. Ее симптомы мы знаем хорошо: это повышенный аппетит и отвращение к рюкзаку...

Горы прячут солнце рано. Едва прибываем в базовый лагерь, наступает ночь. Палатки ставим уже при свете костра. Из-за каменного гребня выкатила большая, яркая луна, залила горы серебристым сиянием.

А в ущелье Телеты мы все-таки сбежали.

За душистым чаем, заваренным Камалом, слушали рассказы о снежных барсах, обитающих у снеговой кромки ущелья Телеты, о разбоях голодных волков в зимние бураны...

Тянь-Шань.

На ледник перед Бригантиной вышли в полдень.

2 августа. Нас двадцать два

Утро. Поеживаясь, вылезаем из спальных мешков. Ночной холод сковал все вокруг. Берущая начало от ледника, река, бурная днем, превратилась за ночь в ручеек. Высота — 2400 метров.

После завтрака общий сбор. Смотрю на серьезные лица ребят. Они в эту минуту немного суровы.

Нас двадцать два здесь — уральцы и москвичи, за плечами у каждого не один десяток восхождений, мы хорошо знаем друг друга и верим в себя...

Саша Рябухин, наш капитан, по-военному зачитал приказ по экспедиции. Завтра наша четверка уходит на штурм пика в верховья ущелья Кокбор. Группа наблюдения — днем позже.

Начинаем подготовку. Подгоняем снаряжение, обсуждаем каждую мелочь. Что брать наверх! Какие сюрпризы готовит нам загадочная вершина!

У меня свои обязанности: в штурмовой четверке я... домохозяйка. Этот «талант» открыли во мне как-то неожиданно. Парни и не мыслят теперь передать эту должность кому-то другому. А должность, прямо скажу, нелегкая: на маршруте всегда возникает противоречие между желанием хорошо поесть и возможностью все донести на себе. Ведь на своих плечах надо тащить и теплые вещи, и снаряжение. Поэтому вес дневного рациона не должен превышать восемьсот граммов... на четверых.

Все-таки иду к завхозу экспедиции Валерию Макшанцеву. Мои доводы в пользу дополнительных пачек бананов он парирует дежурной фразой:

— Витенька, не делай из еды культа. Главное — эмоции!

К вечеру рюкзаки упакованы. Ребята сидят у костра. Саша, перебирая струны гитары, тихо поет, и этот вечер напоминает мне другие вечера, те, что проводим мы весной и осенью на родном Урале. Каждый раз, после альпинистского лета, когда начинают желтеть клены, мы заветными тропками пробираемся к любимому месту у зеленых бастионов Таганая. В такой вот прошлогдний вечер мы и решили покорить безымянную тянь-шаньскую вершину, фотографию которой привез из джеты-огузской экспедиции Саша Рябухин. Тогда же заочно и дали ей имя любимой песни «Бригантина»...

3 августа. В Царство

Вечных льдов

После завтрака пастушья тропа повела нас в верховья ущелья Кокбор. За двенадцать часов успели дойти до последнего «ревуна». Вода, зажатая скалами, с грохотом падает сверху, бьется о каменные стены, клокочет, покрываясь пеной. В воздухе стоит неоседающая водяная пыль.

В сумерках поставили палатку у ледника пика Джигит.

Вскоре закипела вода. Горячая кружка с чаем обжигает пальцы. Луна спряталась за могучую спину «пятитысячника». Горы, залитые зеленым светом, вздыбились над нами фантастическими бастионами. Звезды, усеявшие небо, кажутся совсем близкими. Как зачарованные, сидим мы в скованном тишиной царстве вечных льдов...

В рассветных сумерках двинулись дальше. Ночь пронеслась небольшая гроза, поэтому склоны гор припудрены снегом.

На ледник перед Бригантиной вышли в полдень. Голубые гроты ледопадов и зер-

Вершина будто нарочно расставляет нам ловушки.

кала натечного льда на темных скалах вершины выглядят приветливо и мирно. Пока варим обед, Саша разглядывает северо-западное ребро пика — наш завтрашний маршрут.

— Ну как, Саня! — интересуемся мы.

— Красиво, высоко, круто! Не подойдет! — отшучивается он.

Саша — боец. Настоящий! Центральный Тянь-Шань он осваивает уже двенадцать лет, имеет даже свои фотографические схемы малоисследованных районов. Это он нас, еще зеленых юнцов, привез в пятьдесят восьмом году в ущелье Малый Джиргалчак. Целый год мы готовились к той заманчивой экспедиции: откладывали от стипендии, ходили разгружать вагоны. Из альпинистского снаряжения в то время у нас были только старенькие капроновые веревки да карабины. На восхождения отправлялись с одними ледорубами и засстренными палками. Спали, завернувшись в хлопчатобумажные одеяла. До сих пор, подшучивая, вспоминаем, как «гремели костями» на горных склонах, а по утрам, выскakiвая из палаток, слепли от выпавшего за ночь снега...

Громоподобный удар, потрясший ледник, выбросил нас из палатки. Осматриваемся. У подножья Джигита расплзлось снежное облако. Обвал! Потом еще, еще и еще...

Склон грохотал весь день. Ледяные громады, срываясь с высоты, расширялись в мелкие брызги, взрываясь фангастическими фейерверками. Мелкая снежная пыль, клубясь, добиралась до нас, обдавая холодным дыханием. Слушая раскаты, мы невольно вздрагивали: нам казалось, что и наш ледник движется, дышит, ходит. Но потом мы к обвалам привыкли, и ледник под ногами шататься перестал.

Спать легли рано.

Завтра штурм.

5 августа.

Штурм

Меня разбудил Саша. Два часа ночи.

— Ты хвастался, что здорово варишь кофе. Как ты его называешь?

— Кофе «Мудрец», — отвечаю я и безо всякого желания расстаюсь со спальным мешком. В углу палатки возле примуса возится Валентин.

Через час мы уже в пути. Над гребнем вершины висит холодная луна. Связанные веревкой, шагаем вверх, проваливаясь по пояс в снег. Впереди мы с Валентином — «тяжеловесы». Попадают небольшие трещины, и Валентину все чаще приходится страховать меня. Потом мы меняемся местами.

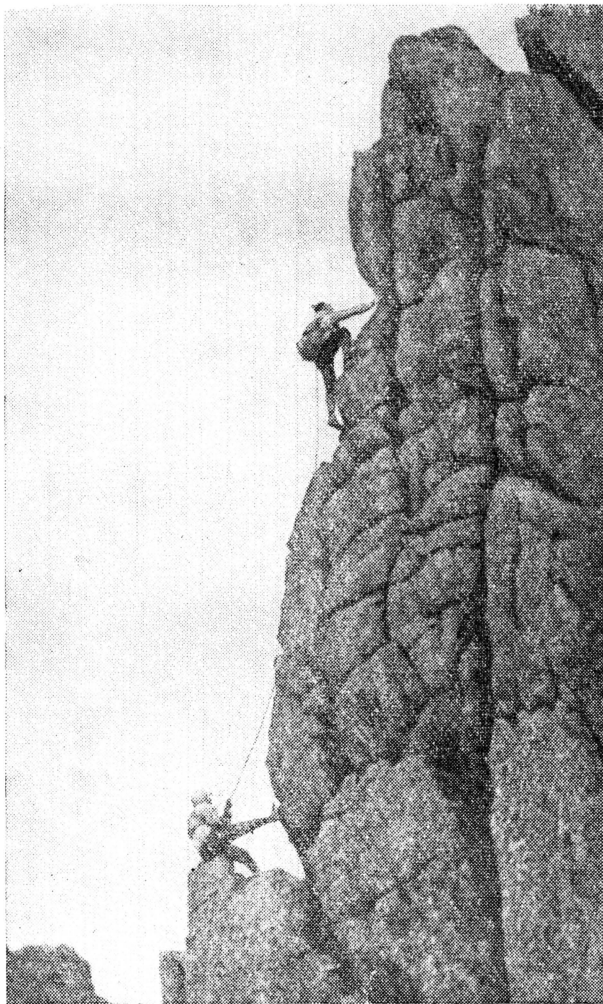
До темнеющей впереди стены остается не более ста метров, когда под моим ледорубом обваливается пласт снега и с шумом летит вниз.

— Пострахуй, Валя!

Заглядываю в зияющую трещину. Даже в сумерках видно, что она широка. Не перепрыгнуть.

— Ищите обход влево! — предложил я второй «связке» ребят и двинулся вдоль трещины. Трещина не сужалась. Через полчаса собираемся вместе. Решаем трещину переползти — другого выхода нет.

Ребята вбили ледорубы, туго натянули веревку. Ложусь на снег и по-пластунски осторожно ползу вперед. Зыбкий снежный панцирь подо мной готов в любую минуту

Нападающий идет Саша,

сорваться вниз. То и дело под локтями проседает снег и я слышу, как в черной глубине ледовой трещины шуршат обвалившиеся куски. Выбрасываю вперед руку и загоняю лопаточку ледоруба в податливый наст. Не помогает: лопаточка лишь бороздит по снегу. Втыкаю в снег пальцы и осторожно подтягиваюсь. Наконец чувствую край трещины. Загоняю ледоруб до самой головки и начинаю медленно выползать. Попробовал упереться ногами, но в ту же секунду снежный мост тяжело осел и рухнул вниз. Как-то успеваю рывком податься вперед и с силой наваливаюсь на ледоруб. Потом встаю на ноги.

— Все в порядке! — кричу, переводя дыхание.

— ...рядке... рядке... тке... тке... — множит эхо и замолкает где-то в извилинах ледовой бездны.

— Уходи вправо, организуй страховку! — слышу приказ Саши.

Через двадцать минут все ребята на моей стороне.

Вершина будто нарочно расставляет нам ловушки. Только с рассветом, преодолев еще четыре трещины, подошли мы под черную каменную стену и уселись на рюкзаках перед подъемом.

— По глотку кофе! — предлагаю я.

К фляге тянутся все.

7 часов утра

Нападающим идет Саша. Он поправил висевшие на лямках рюкзака крючья с карабинами и, кивнув Володе, молча шагнул к стене. Подтянулся на руках, забросил ногу на едва заметный приступ. Осторожно перебирая пальцами зацепки, встал во весь рост. Под ударами молотка «запел» титановый крюк, уходя все глубже в каменную расселину. Восхождение началось...

11 часов утра

Стена, покрытая тонкой корочкой льда, заблестела, как отполированная: взойшло солнце. Ледник, с которого начался подъем, лежит глубоко внизу. Тишина нарушается лишь короткими командами:

— Выбери!

— Закрепи!

— Страховка готова!..

2 часа дня

Прошли половину стены. Вдруг из соседнего ущелья пополз туман. Где-то сбоку прогремел гром. Гроза!

«Положеньице, — думаю я. — Если попадем во фронт, спасенья не будет: молния обожает железные вещи».

Сквозь нарастающий порыв ветра слышится команда Саши:

— Забить страховые крючья! Навесить дополнительные петли! «Железо» сложить в рюкзаки и повесить в стороне на карабины...

Туман рваными кусками бьется о стену, уносится вверх. Мы с Валентином закрепляемся на узкой скальной полке. На наше счастье, гроза идет стороной, обдавая нас холодом, пронизывающим ветром да твердой, как галька, снежной крупой. Крупа, падая сверху, шуршит по стене, собирается в каменных желобах, вылетает оттуда снежными зарядами. Накрывшись полиэтиленовыми пленками, неподвижные, пережидаем ненастье. В голову лезет всякая предательская чепуха: «А где-то рядом, над Иссык-Кулем, висит тридцатиградусное марево, люди ходят в легкой одежде...»

2 часа 40 минут

52

Холод забрался под шерстяные носки. Пальцы ног начинают замерзать. Осторожно постукиваем ботинками о стену.

Наконец появляются голубые окна. Понемногу стихает. Небо быстро очистилось.

Туман опустился вниз. Вершины гор торчат, как острова в молочном море. С удвоенной осторожностью продолжаем подъем.

3 часа 30 минут доль

«Нападающей» пошла наша связка. Валентин выпустил меня вперед. Дальше помню каждую секунду пути...

3 часа 35 минут

С помощью крючьев и веревки поднялся в узкую трещину, которая вывела меня к нависающему камину. Под снегом нащупал зацепку и оперся на обе ноги. Рукавицей смел снег и отыскал трещину.

3 часа 42 минуты

Крюк вошел до самого ушка. Сидит прочно. Через навешанный карабин продернул веревку и шагнул в щель.

3 часа 45 минут

На выступ скалы накинул кольцо веревки, начинаю медленно подтягиваться. Выжался и попытался закинуть на уступ левую ногу.

3 часа 51 минут

Похолодел от ужаса. Каменная громада шевельнулась под рукой. Нарастающая тревога парализовала дыхание. В ту же секунду перебрасываю руку вправо и... закрываю глаза... Веревка резко дернула за нагрудный ремень. Что есть силы прилепил пальцы к холодным выступам скалы. Громадная плита с ревом унеслась вниз... «Пронесло!..»

3 часа 52 минуты

Когда каменная пыль осела, осторожно оглянулся и увидел под собой зияющую бездну. Стиснув зубы, выжался и ничком лег на заснеженную площадку. Нервная дрожь постепенно утихла.

3 часа 55 минут

Выбрался наверх. Подстраховавшись веревкой, заглянул вниз, и ледяной озноб снова пробежал по спине... Там, раскачиваясь на ветру, бился о стену конец перебитой веревки.

— Валька! — закричал. — Валька!..

Подполз к краю площадки.

— Ва-а-алька-а!..

Со мной кричало все ущелье. Глаза застлали слезы.

Но что это! Так и есть: спокойный голос

Саши:

— Витя! Ты что соришь на ледник!

Темные трещины разбежались по снежным карнизам готовым в любую минуту сорваться вниз.

Присматриваюсь и вижу, что к его поясу привязан разломаченный конец нашей веревки. «Жив Валька!» — пронеслось в голове. А Саша связывает концы перебитой веревки и поднимается ко мне.

— Ты отдохни немного, — советует он и достает плитку шоколада. Половину отдает мне.

Шоколад горький.

3 часа 59 минут

Когда поднялся, почувствовал, что рюкзак и ботинки налились свинцовой тяжестью...

6 часов вечера

Вышли под гладкое «зеркало» стены. Она с семиэтажный дом. Подниматься «в лоб» не имело смысла: слишком долго придется сверлить стену шлямбурами. Обойти препятствие невозможно. Остаться под стеной опасно. Посоветались. Решили подняться метров на девять-десять и, раскачавшись, «маятником» переброситься через расщелину на небольшое снежное плечо гребня.

Володя снял рюкзак, встал на плечи моему напарнику и осмотрел стену. Ни малейшей трещины!

— Валя, если можешь, подвинься чуть вправо, — просит он.

Я поддерживаю Валентина, Саша осторожно травит веревку. Теперь всего один шаг отделяет нас от пропасти. Володя, вытянув шею, ищет глазами, шарит по зеркальной поверхности стены.

— Стоп, кажется есть! Чуть-чуть повыше бы...

Я нашел два плоских камня и положил их у ног Валентина. Он, упираясь руками в стену, медленно поднялся выше.

— Есть, нашел! — обернулся ко мне Володя. Вижу, как радостно блестят его глаза. Через минуту, загнав в стену лепестковый крюк, он надежно закрепляется и облегченно кивает:

— Полный порядок!

— Если не найдешь трещины выше, давай шлямбуром, — советует ему Саша. Володя внимательно изучает стену.

— Парни, что-то есть!..

Ему удается забить большой горизонтальный крюк и навесить дюралевую лестницу...

6 часов 50 минут

— Нужно еще пару крючьев, Володя. Бей правее.

— Хорошо.

В узкую расщелину загоняется новый стальной клин...

7 часов 20 минут

— Первым пойдешь ты, Валя, — говорит Саша и протягивает молоток репшура. — Вытяните с Виктором рюкзаки.

Привязавшись к навешенной веревке, Валентин прыгает, стараясь ухватиться за выступающий угол стены. Это ему удается. Мы дружно подтягиваем его веревкой. Видим, как он добрался до небольшой наклонной полочки, забил крюк и осторожно перебрался за снежный гребень, скрывшись из вида.

— Ребята-а-а! Отличное место!.. — донеслось до нас.

— Закрепись! — кричим мы. — Кида-а-ай веревку!..

Получаю конец. Привязываюсь. Вытянув вперед руки, прыгаю в бездну. Ухватился кончиками пальцев за какой-то выступ. Вижу, как Валентин изо всех сил подтягивает меня. Натянутые веревки сдавили грудь. Медленно ползу вверх. Наконец, схватившись за карабин, выбираюсь на скальную полку и, прижимаясь к холодной стене, раскинув руки, двигаюсь к Валентину. На отвесной стене тысяча метров пустоты за спиной чувствуется хорошо...

— Как прыжок без парашюта, — смеется Валентин, протягивая мне руку.

— Как в сказке, — отвечаю ему, переводя дыхание.
...Через час все вместе утаптываем на снежной подушке площадку.

9 часов 30 минут.

В палатке весело шумит примус. Каждый занимается своим делом. Я понуро сижу в углу, выбираю концентраты для бульона. Опасаюсь шуточек: «Витенька! Ходить-то надо головой, а не ногами. Лучше пять минут подумать, чем всю жизнь быть мертвым...» А разве я виноват! Попробуй разгляди под снегом, что плита-то «живая»!.. Чутья не хватило — это верно...

Но за весь вечер никто не обмолвился о случившемся.

— Альпинист работает чуть-чуть больше, чем грузчик, — шутит Саша, уплетая бутерброд.

Чай совсем разморил нас. Восемнадцать часов непрерывной работы — не пустяк.

6 августа. Над бездной

Спали без сновидений.

Утро. Подкрепившись мясным бульоном, связались и вышли на гребень. Валентин уходит по фирну вперед, а я страхую его. Скоро фирн переходит в лед, Валентин надевает на ботинки кошки и начинает рубить ступеньки. Несколько раз небольшие куски льда бьют по моей дюралевой каске, но веревка медленно и упорно уползает вверх, к скалам. Острый гребень круто уходит в небо. На тысячеметровые ледовые сбросы не хочется смотреть...

В пять вечера начался снегопад.

— Эх, братцы, перезимует лето! — кричит кто-то сверху.

Усилившийся ветер бросает снегом в лицо. Прошли с трудом еще метров сорок и решили поставить палатку. Два часа таскаем на гребень камни площадки, забиваем промежутки плотным снегом. Наконец тонкие стены перкалевой палатки укрыли нас от ветра и снега. Площадка так мала, что один край палатки под напором ветра раскачивается над бездной.

— В десять вечера отсалютуем, — улыбаясь, говорит за ужином Володя.

Наша связь с группой наблюдения — ракета. Зеленые означают «Все в порядке!», красные — «Беда!»

Беру ракетницу, салютую. Напряженно всматриваемся вниз. Наконец увидели на леднике призрачное зеленое пламя. Сигнал принят!

Я почему-то становлюсь очень добрым: все получают по две лимонных вафли и пачке сухеных бананов. Согреваемся в спальных мешках. Тесно. Пальцы ног, обмороженные на Талгаре, побаливают. Под вой пурги раскачивается палатка. А мне вспоминаются дальневосточные сопки из детства, покрытые бледно-розовыми пионами, выброшенные на берег медузы, разлапистая макушка великана-кедрача, с которого я смотрю на море...

7 августа. Рядом с орлом

Весь день ледовые отвесы чередуются с крутыми скальными сбросами. Когда я поднимался по веревке на верх рыжей стены, руки вдруг пересекла быстрая тень. Я резко обернулся. Орел! Раскинув крылья, громадная птица парила в нескольких метрах и рассматривала неожиданных пришельцев. Я спрыгнул на гребень, выхватил кинокамеру, кое-как навел объектив. Орел сделал круг. Чуть приблизившись, глядел на блестящие линзы.

Когда в касете кончилась пленка, я приветливо помахал ему вслед и... тут же сильный удар бросил меня на гребень, холодная кошма накрыла меня с головой, забило снегом рот. «Лавина!» — пронеслось в голове. Сжался в комок, боясь пошевелиться. Стихло. Начал осторожно расшатывать снежный сугроб. Чьи-то сильные руки поставили меня на ноги. Отряхиваюсь. Вижу испуганное лицо Валентина.

— Смотри!..

Закинул голову: на огромной высоте обнажился многослойный снежный навес. — Кажется, повезло, — бормочу я. Мы вместе перебежали под стену, выгребли из одежды снег, а потом торопливо поднялись наверх. А еще через несколько минут мы наблюдали, как снежная лавина, сорвавшаяся вниз, увлекая за собой камни и многотонные куски льда, обрушилась на ледник, с которого началось наше восхождение.

К вечеру достигли снежной подушки вершинного гребня. Темные трещины разбежались по белым карнизам, готовым в любую минуту сорваться вниз. Палатку поставили в ста метрах от пика: слишком опасные остались метры.

Перед нами полыхал весь горизонт. На вершинах причудливо корчились громадные гени. На фоне огромного диска восходящей луны проявился контур остроконечного пика «Властелина гор» — Хан-Тенгри.

Горы засыпали, уткнувшись в необъятный небосвод.

8 августа. Бригантина!

Утренний туман тает где-то далеко внизу. На небе ни облачка. Отогрели на примусе замерзшие за ночь ботинки и вышли. Нас уже не пугают ни сверкающая опасность карнизов, ни крутой лед предвершинного взлета. Остаются последние метры.

Салютуем зеленой ракетой. Все! Вершина!

С нее хорошо виден Иссык-Куль: огромная голубая чаша, окруженная такими же голубыми хребтами.

— Ого-го-го-оо! — разносят горы радостный крик.

Сидя на рюкзаке, Саша пишет записку: «5 августа 1965 года, в 10 ч. 30 м. группа челябинских альпинистов в составе А. Рябухина, В. Маковецкого, В. Осипова и С. Самохвалова совершила восхождение на безымянный пик высотой 4850 метров. По желанию первовосходителей вершина будет носить имя «Пик Бригантина». Погода ясная. Спуск предполагается по западному гребню. Уральский привет последующим восходителям!»

Складываем большой тур из камней.

Итак, паруса нашей Бригантины подняты! Путь к вершине проложен! Пять дней навстречу солнцу!..

К вечеру спустились в живописную снежную мульду. В палатку залезать не хочется. Смотрим, как догорает закат. Кружева снежных карнизов меняют свои краски: становятся то оранжевыми, то ярко-красными, то фиолетовыми.

9 августа Эстафету принимаем!

Нам навстречу бегут по леднику наши «наблюдатели» и вернувшаяся с штурма другой вершины группа Валерия Мокшанцева.

— Ура-а-а!.. Бригантина покорена! Бригантина — наша!.. — кричат они, увидев нас целыми и невредимыми.

Обнявшись, идем к палаткам. Чай, рассказы, смех...

Валерий осторожно достает из нагрудного кармана штурмовки завернутую в газету пожелтевшую картонку.

— Ну-ка, Саня, — протягивает ее и улыбается Валерий, — прочитай. Пока вы ползали по Бригантине, мы тоже кое-что нашли.

Саша пробежал записку взглядом и растерянно смотрит на нас.

— Ну, что там! — хором негодуем мы.

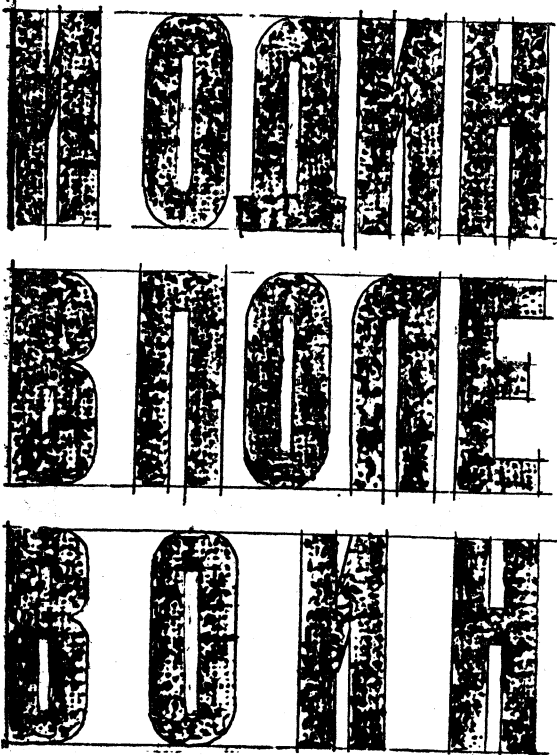
— Тамм, Делоне. 1938 г. — читает вслух Саша.

Автографу, который пролежал в каменном туре безымянной вершины, покоренной группой Мокшанцева, двадцать семь лет и принадлежит он пионерам советского альпинизма — ныне физику и академику Игорю Евгеньевичу Тамму и члену-корреспонденту Академии наук СССР, математику Борису Николаевичу Делоне.

Вот кто, оказывается, передал нам эстафету романтики и мужества.

Мы принимаем ее!

г. Челябинск, 1967 г.

ровки и содержание требовали денег и денег. Из дому стали исчезать картины, фарфор, фамильные драгоценности, полученные матерью в приданое.

Иозеф, по семейной традиции ставший военным и приезжавший домой на короткое время, все больше ощущал распад родного гнезда. Дом мог теперь похвастаться лишь безукоризненной чистотой, и хотя утром, днем и вечером семья собиралась за отлично сервированным столом, еда стала простая и мало чем отличалась от той, которую подавали на «черной половине», где размещались жокеи и очень немногочисленная челядь. Соответственно, с каждым разом уменьшались и суммы, которые отец присылал Иозефу, чтобы тот чувствовал себя на равной ноге с другими офицерами. С деньгами было очень туго. Молодой Кронне ограничивал себя во всем: шил у второразрядных портных, покупал дешевый материал, в то время как его товарищи красовались в мундирах тонкого сукна, посещали театры, рестораны, казино, посылали дамам сердца роскошные букеты и ювелирные безделушки. Иозеф любил и одновременно не уважал отца, считал его неудачником, человеком, который ради своих капризов пренебрег интересами семьи и всего рода фон Кронне, когда-то богатого и прославленного. Как хорошо, что дети самого Иозефа никогда не испытают унижений, выпавших в молодости на долю их отца.

Опустившись по грудь в теплую зеленоватую воду, Иозеф Кронне, он же Нунке, мысленно перенесся в свою уютную берлинскую квартиру, где все дышало достатком, не бьющим в глаза, не рассчитанным на дешевый эффект, но весьма убедительно свидетельствовавшим о благосостоянии, основа которого не быстро проходящий успех, а солидный вклад в банке. Лошади отца так и не вышли в фавориты, а вот конь, на которого поставил Иозеф, вынес его из безвестности провинциального существования на ровную дорожку, неуклонно взбирающуюся вверх. Да, дети Иозефа не будут бедствовать, как бедствовал в молодости он сам... Какими они стали, Гертруда и Ганс? В который уже раз Нунке задумывается над тем, что совершенно не знает своих детей. Да и Берта до неизвестности изменилась. Ее письма становятся все суше и по сути дела сводятся к коротенькому отчету о том, как чувствуют и как ведут себя Ганс и Гертруда. О себе она почти ничего не пишет, даже не упрекает мужа за длительное отсутствие.

Вода в ванне остыла. Нунке долго растирает тело жестким купальным полотенцем. В превосходном настроении он входит в комнату, насвистывая песенку из репертуара Артура Шрёдера. При воспоминании о том, с какой ловкостью контрабандные пластинки были переправлены в Россию с помощью его ансамбля, Нунке довольно улыбается. Что ни говорите, а эту операцию Шульц провел отлично.

С минуты на минуту должен явиться Фред, так они условились на аэродроме. А пока можно полистать газеты. Неторопливым движением Нунке берет верхнюю из пачки, купленной в вестибюле гостиницы. Дебаты! Снова у них дебаты и назревающий правительственный кризис. Скучающим взглядом Нунке выхватывает из текста отдельные абзацы. Боже мой, какой высокопарный стиль! Речи все время прерываются выкриками с мест, свистом, бурными аплодисментами и снова свистом. Безумие, подлинное безумие. Вот-вот депутаты схлестнутся не в сло-

Приключенческий роман

Ю. ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

Глава десятая

ЗАРЕЗАТЬ КУРИЦУ, ЧТОБЫ ДОСТАТЬ ЯЙЦО

Над ванной клубился легкий пар, росой оседающая на вмонтированное в стену четырехугольное зеркало. Нунке плеснул в воду двойную порцию густого темно-зеленого экстракта, и в комнате запахло разогретой на солнце хвоей.

Этот запах напомнил родное жилище, имение, где поселилась их семья после того, как отец в чине майора вышел в отставку. Отставной майор Герман фон Кронне любил лошадей, и при усадьбе была неплохая конюшня. Но все остальное хозяйство пребывало в полном забвении, и постепенно уголья в имении все уменьшались, пока не стали совсем куцыми. Вскоре остался только кусок поля, который засевали исключительно овсом и викой, достаточно запущенный дом, левым жилым крылом примыкавший к бору, и с десятком лошадей — будущих фаворитов, которых готовили для скачек и дерби. Их трени-

Окончание первой части. Начало см. № 9 за 1967 год.

весном турнире, а прибегнут к таким весомым аргументам, как кулаки. А чем все кончится? Ничем! Поднимется вверх еще один мыльный пузырь, на миг сверкнет всеми цветами радуги и... лопнет. Лопнет, не оставив и следа. Потому что судьбы стран всего мира решаются сейчас не на заседаниях парламентов, а за кулисами.

Перевернув газетный лист, Нунке вынул из деревянной коробочки сигару с красной этикеткой, ножичком старательно обрезал кончик и нажал на крышку зажигалки. Крышка отскочила, вспыхнул язычок пламени. Но Нунке так и не успел прикурить. Рука его замерла, сжимая зажигалку, а глаза буквально впились в большое, на две колонки фото. Вайс! Безусловно, это лицо Вайса. Мертвое лицо...

Швырнув на стол сигару, а зажигалку просто уронив на пол, Нунке поспешно проглатывал строчки репортажа, не останавливаясь на подробностях, не вникая в смысл написанного. Он искал имя убитого, хотя бы намек на его национальную принадлежность. Ничего! Кажется, ничего, везде он фигурирует, как «неизвестный».

Может быть, Нунке ошибся, и это совсем не Вайс, а кто-то другой, поразительно на него похожий? И с какой стати Вайс мог оказаться на севере Италии?

С минуту Нунке сидит неподвижно, собираясь с мыслями, потом снова придвигает к себе газету. Теперь он читает медленно, начиная от заголовка и подзаголовка, взвешивая содержание каждой строчки.

Над репортажем, занимающим три колонки,— шапка, набранная крупными буквами.

«Таинственное убийство. Привидения снова бродят вокруг виллы Кларетты. Убийцы задержаны, но кто убитый? Общественность спрашивает, где архивы дуче?»

А дальше текст с несколькими вмонтированными в него снимками. На первом, узком и длинном, заснят труп на месте происшествия. Убитый лежит ничком, уткнувшись в землю, чуть согнув колени, с неестественно вытянутой в сторону рукой. На втором, занимающем две колонки, крупным планом лицо убитого, очевидно для опознания. В трех овальных рамках, друг под другом, небольшие портреты молодчиков, задержанных по подозрению в убийстве: Паоло Петруччо, Эрнесто Скарпа, Пьетро Корви.

Репортаж начинался в лирическом тоне. Автор описывал сказочные красоты озера Комо, нерушимое спокойствие гор, самой природой призванных сторожить этот идиллический уголок, величие темного звездного неба, миллиардами глаз глядящего на спящую землю и, быть может, видевшего все акты трагедии, разыгравшейся в саду заброшенной виллы, покойной Кларетты Петаччи. Дальше тон повествования резко менялся, становился динамичным. Несколько жителей Донго, которые по разным причинам поздно легли в ту ночь, слышали после двенадцати выстрел, прозвучавший на вилле. При обычных обстоятельствах это, возможно, не привлекло бы столь пристального внимания, но жителей городка давно угнетало предчувствие: на вилле обязательно случится беда. Слишком уж много подозрительного народу крутилось вокруг этого опустевшего жилья. Ночью никто из слышавших выстрел не отважился броситься к месту происшествия. Но как только рассвело, жители городка, собравшись небольшими группами, цепочкой потянулись в ту сторону. То, что они увидели,

заглянув через ограду, настолько всех поразило, что никто не решился войти в сад. К радости полиции, которая незамедлительно прибыла к месту убийства.

Дальше автор описывал, в каком положении был найден труп, глубокую рану на затылке, которая привела к смерти, и такую странную деталь: убитый зачем-то сжимал в руке подкову. Все говорило о том, что убийству предшествовала борьба. Неужели убитый защищался подковой? — удивленно спрашивал репортер. У самой стены, почти касаясь руки неизвестного, лежал отлично отточенный нож. Удивление вызывал и шуп с наушниками, найденный немного поодаль от убитого, а особенно то обстоятельство, что из каменной ограды был вынут большой плоский камень. «Что искали здесь убийцы и убитый?» — патетически вопрошал автор репортажа. «Чем жилище покойной любовницы расстрелянного дуче так привлекает иностранцев? Да, именно иностранцев. По свидетельству местных жителей, все «туристы», время от времени появляющиеся возле виллы, в большинстве своем англичане. Безусловно, иностранцем был и убитый. Никаких документов при нем не оказалось, но лицом, а особенно белокурой, даже не белокурой, а какими-то совершенно бесцветными волосами он никак не похож на итальянца. И хозяйка «Меблированных комнат», где остановился тот, кого вы теперь видите мертвым на фотографии, твердит, что он разговаривал по-итальянски с акцентом.

Подозрение в убийстве сразу пало на трех молодчиков, которые недавно поселились в маленьком пустовавшем домишке неподалеку от виллы. Они жили рядом и первые должны были услышать выстрел. Но почему-то никто из них даже носа не высунул, чтобы дать показания. А когда полиция заглянула к ним, все трое подозрительно громко храпели на брошенных на пол матрацах. Разбуженная тумачами троица не могла объяснить, откуда у одного из них, Пьетро Корви, огнестрельная рана на ноге и почему у другого, Паоло Петруччи, прокушен подбородок.

В конце репортажа автор высказывал несколько своих личных предположений о том, что, очевидно, снова всплыла на поверхность злополучная версия о припрятанных где-то документах Муссолини, и требовал от правительства недвусмысленно ответить общественности: куда делись эти архивы. Заканчивался репортаж сообщением о том, что следствие продолжается, и призывом ко всем, кто может опознать убитого, сообщить об этом в первое же полицейское отделение.

Ошеломленный не столько прочтанным, сколько фотографиями Вайса, Нунке — он больше не сомневался, что речь шла именно о радисте — метался по номеру, не находя выхода своему бешенству.

Оно лавиной обрушилось на Григория, как только тот переступил порог.

— Что вы наделали! Что вы наделали, черт подери! Вы думаете, вам это так пройдет? Вы думаете, вам простят? — Разъяренный Нунке чуть ли не с кулаками наседавал на своего подчиненного. — Как могло такое произойти, я вас спрашиваю?!

Чуть ли не десяток вариантов промелькнул в голове Григория: Нунке узнал об отправленном из Мадрида письме... настроил донос Вайс... успел пожаловаться Джузеппе... каким-то обра-

зом открылась деятельность Григория в школе... пленка, которую он передал по адресу, указанному полковником, попала в руки итальянской контрразведки... разговор с Хейендопфом был провокационным... Усилием воли Гончаренко остановил бег мыслей. Переждать. Не дать заметить свою растерянность. Нунке сейчас в таком состоянии, что скажет больше, чем хотел бы.

— Я вас не понимаю, герр Нунке,— как можно спокойнее заметил Григорий.

— А я вас, герр Шульц!

— Мне кажется, я вправе получить объяснение, касающееся вашего странного ко мне отношения.

— Нет, это вы должны мне все объяснить! Немедленно и исчерпывающе!

— Еще раз повторяю: я вас не понимаю. Чтобы что-то объяснить, надо знать, чего от тебя требуют, а я не ясновидец.

— Хорошо, поставим точку над «и». Куда вы девали Вайса?

Григорий почувствовал, как постепенно волнами спадает с него напряжение.

— Вайса? Именно о нем я и хотел поговорить с вами. Меня удивляет его поведение: то он ходил за мной буквально по пятам, не давал шагу ступить, то вдруг заявил, что напал на след падре Антонио и на день-два уезжает к югу от Рима. Задержать его я не решился: мне все время казалось, что у него есть какие-то особые полномочия от Думбрайт.

Услышав имя Думбрайт, Нунке скривился, словно хватил добрый глоток уксуса. Григорий на это и рассчитывал: он знал, какая скрытая, упорная борьба идет между начальником школы и боссом, и еще раз подчеркнул:

— Для меня не будет неожиданностью, если он доложит Думбрайту...

— Доложит Думбрайту? — в бешенстве крикнул Нунке. — Да вы в своем уме? Вы что, не читали сегодня газет? Мертвые не докладывают, хотя иногда и свидетельствуют против живых.

По той поспешности, с которой Шульц бросился к лежавшим на столе газетам, Нунке понял: Фред действительно ничего не знает.

Позабыв о начальнике, Григорий впился глазами в репортаж, потом схватил вторую газету, третью... В различных вариантах, но в каждой было написано одно и то же.

— Невероятно! — с искренним удивлением вырвалось у него. — Невероятно и непонятно!

Нунке, который уже стал приходить в себя, вдруг задним числом вспомнил фразу, брошенную Шульцем, на которой он вначале не зафиксировал внимание.

— Фред, вы сказали, — отчеканивая слова, заговорил Нунке, — «если он доложит Думбрайту...» Что вы имели в виду?

— Я уже рассказывал вам по дороге с аэродрома: на поиски гостиницы, в которой остановилась патронесса, я потратил почти полтора дня, а когда мы вместе с Рамони явились туда, выяснилось, что в Риме Агнесса была проездом и часа за два до нашего прихода уехала в Швейцарию. Вайс как-то очень подозрительно отнесся к этому и заявил буквально следующее: «Интересно, как воспримет это Думбрайт...» и при этом многозначительно поглядел на меня.

— Значит, у вас были причины побаиваться информации Вайса, — то ли спрашивая, то ли констатируя, заметил Нунке. — Скажите, а вы сами на протяжении последних дней отлучались куда-нибудь из Рима?

Брови Григория гневно сошлись на переносице.

— Легче на поворотах, Нунке! Вы имеете дело не с безвестным Шульцем, а с бароном фон Гольдрингом! А что, если я спрошу: не за тем ли вы послали со мной Вайса, чтобы шитокрыто убрать его с вашего пути? У вас были причины его бояться.

— Не говорите глупостей, Фред!

— А вы не задавайте мне обидных, оскорбляющих честь офицера вопросов.

— Не забывайте: я — начальник, а вы — мой подчиненный.

— Эти взаимоотношения легко разорвать. Считайте, что так оно и есть. Тем более, о патронессе более или менее подробно я вам доложил. Что же касается падре...

— А... не до них теперь! — Нунке вытер платком вспотевшее лицо и шею. — Мы оба взволнованы, Фред, — сказал он примирительно, — а в таком состоянии не выбираешь выражений... Может, мой вопрос и впрямь был бестактен. Но спрашивал я для проформы, чтобы установить ваше же алиби. Ведь мне придется отчитываться перед начальством.

— Тогда простите и мою горячность. Можете доложить начальству: из Рима я не отлучался ни на один час.

— Беда, настоящая беда свалилась на наши головы! Просто не знаю, что делать... Если полиция установит личность убитого... Интересно, куда делись его документы? Взяли их преступники, или при Вайсе ничего с собой не было? — Нунке отодвинул газеты и зажег сигару.

— Погодите, погодите, вы натолкнули меня на мысль. Кажется, вырисовывается верный ход... — Григорий тоже закурил и глубоко затянулся.

Не сводя нетерпеливого взгляда с лица Гончаренко, Нунке пыхнул сигарой и сразу положил ее в пепельницу. Табачный дым показался ему горьким и удушливым.

— С кем близко соприкасался Вайс? — вслух рассуждал Григорий, — с Рамони, с его секретарем... Эти нам не опасны. С хозяйкой пансионата, где он жил, и, конечно, со всем обслуживающим персоналом. Они, безусловно, читали газеты и видели фото. Схожесть убитого с Вайсом не могла не броситься им в глаза. Кто-либо из них может заявить в полицию и опознать исчезнувшего постояльца. Но если они будут знать, что он живехонек, тогда это будет только сходство, а не тождество. Таким образом...

— Так, так, дальше, — торопил Нунке.

— У Рамони, наверняка, сохранилась ваша телеграмма. На ней стоит место отправления, час, число. Что если изменить ее текст и поставить подпись Вайса... примерно так: «По служебным делам срочно пришлось выехать в Мадрид, прошу синьору — имя рек — все оставшиеся в номере вещи передать синьору — снова имя, — он же оплатит все счета. Простите за лишние заботы. Вайс» Что мы этим достигнем? Во-первых, в пансионате убедятся, что Вайс жив, во-вторых, можно будет проверить, оставил ли он документы в номере или взял с собой... Все это надо сделать немедленно и как можно скорее связаться с Рамони.

Нунке вскочил с места.

— Я сейчас оденусь. А вы пока позвоните на виллу. Предупредите, что дело очень срочное. На этот раз Нунке оделся молниеносно, как солдат, поднятый по сигналу тревоги.

— Витторио ждет вас, можете ехать.

— А вы?!

— Я должен выполнить одно поручение Рамони. Также не терпящее отлагательства. Передайте ему от моего имени, что я занят его делом. Уверяю вас, это только обяжет его как можно быстрее уладить все с телеграммой.

— Жаль! А кто пойдет в пансионат?

— Конечно, я. Через час жду вас в вестибюле гостиницы. Насядьте на Рамони, чтобы он не тянул с этим делом.

«Несомненно, Фред именно тот человек, который лучше всех сможет выполнить в Германии возложенные на него задачи, — размышлял Нунке, сидя уже в машине, — он инициативен, быстро ориентируется в ситуации, а то что чересчур самоуверен, даже к лучшему. Такие люди быстро завоевывают авторитет и доверие. Это именно то, что нам необходимо в новых условиях».

А Гончаренко тем временем совсем не думал ни о Нунке, ни о новых обязанностях, которые тот собирает на него возложить, ни даже о смерти Вайса.

Марианна встретила Григория настороженно,

и он боялся, что не сможет побороть ее молчаливого сопротивления, что его попытка вывести девушку из состояния протрации не увенчается успехом.

— Вот что, Марианна, — Григорий, сменив доброжелательный тон на холодно-вежливый, поднялся. — Я пришел к вам не только передать этот конверт от Рамони, но еще и попрощаться. Завтра я уезжаю из Рима. Не скрою, надеялся поговорить с вами откровенно, но теперь это желание исчезло. Я не люблю надуманных трагедий.

— Она стала бы настоящей, не вмешайся вы, — неожиданно резко бросила девушка.

— Наоборот, еще более фальшивой. Ибо жизнью оплачивают настоящие ценности. Большую любовь. Спасение другого человека. Высокие идеалы... А если ее швыряют под ноги ничтожеству, она и сама обесценивается. Какая же в этом трагедия?

Разговор с Марианной длился значительно дольше, чем предполагал Григорий. Когда он вошел в вестибюль гостиницы, Нунке ждал его и уже нервничал.

— Мы зря тратим время, Фред, — не удержался он от упрека. — С телеграммой все в порядке, хозяйке пансионата ее отнес специальный посыльный. Можно действовать. Когда я узнаю о результатах?

— Думаю, это потребует немного времени. Вы будете у себя?

— Да. Рамони приглашал к обеду, но я сослася на усталость, и мы условились встретиться вечером. Втроем. Так что соответственно планируйте свое время.

Хозяйку пансионата, где остановился Вайс, вероятно, вполне удовлетворила полученная телеграмма. По крайней мере, никаких лишних вопросов женщина не задавала, а просто провела Григория в конец коридора на первом этаже и отперла дверь крайней комнаты.

— Простите, в комнате, должно быть, душно. Мы не открывали окон, сами понимаете — первый этаж. Если вы разрешите...

— Нет, нет, не беспокойтесь. Я пробуду здесь недолго.

— Тогда я пойду, подготовлю счет.

В шкафу лежало несколько сорочек и смена белья. Под ними Григорий нашел ключ от ящика стола. Если ящик заперт, значит документы, по всей вероятности, там.

Они действительно были в ящике, аккуратно уложенные в старенький бумажник. Рядом валялась записная книжка. Григорий положил ее в один карман пиджака, бумажник с документами — в другой. Хотелось поскорей выйти из номера. Спровоцировав поездку Вайса в Донго, Григорий думал лишь развязать себе руки, но когда тот погиб, счел это закономерным концом всей его омерзительной жизни. Военный преступник получил по заслугам. И все же прикасаться к вещам покойного Гончаренко было неприятно.

Заперев номер, Григорий нашел хозяйку пансионата и вручил ей ключ. Та, в свою очередь, протянула счет.

— Если я прибавлю эту купюру, вы сможете отправить вещи синьора Вайса по такому адресу: «Мадрид «до востребования»? Без улицы и номера дома, просто «до востребования».

Григорий знал: посылка «до востребования» пролежит на почтамте не менее полугода. А за это время следствие закончится,

— Конечно. Услуги такого рода мы не раз оказывали своим постояльцам.

— Желаю вам всего лучшего, синьора, большое спасибо за любезность!

— О, это наша обязанность! Всего вам доброго, синьор!

Вся процедура заняла не более десяти минут. В гостиницу к Нунке можно было не спешить. Григорий, уже знавший город, свернул в боковую улочку и вошел в маленький скверик. Днем здесь было немного народа. Несколько матерей с ребятишками, старуха с незаконченным вязаньем в руках, два старика, гревшие на солнышке свои ревматические кости, и в самом дальнем уголке — парочка влюбленных.

«На этом маленьком пятачке как бы замыкается круговорот человеческой жизни, — с грустью подумал Гончаренко. — Все ступеньки: от младенчества — до глубокой старости...» Но тоску его миглом рассеял веселый шум, поднятый детворой. Словно стайка быстрых воробушков, рассыпались они по дорожкам сквера. «Нет, жизнь не замкнешь в круг, она взмывает вверх спирально, и вот им, этим детишкам, предстоит лететь вперед и выше. А нам случилось рассчитать путь для их полета...»

Вздыхнув, Григорий вынул записную книжку Вайса и стал листать ее. Ничего интересного. Книжка новая, очевидно купленная в Риме, потому что начинается со скрупулезной записи всех дорожных трат... Несколько пустых страничек... Расписание поездов на Милан. Все! Нет, не все: на предпоследней страничке, взятая в кавычки, немецкая поговорка. «Зарезать курицу, чтобы достать яйцо», — перевел Григорий. В конце — три вопросительных знака. Строчкой ниже — три больших буквы, тоже в кавычках: «Д», «Н», «Ф». После двух первых — опять вопросительные

знаки. Буква «Ф» стоит через интервал и после нее никаких знаков нет.

Что значит эта запись? Смысл поговорки ясен: в погоне за малым не теряют более значительного. Почему же тогда вопросительный знак, да еще поставленный трижды? Гм... курица... яйцо... Ни один разумный человек не зарежет курицу, чтобы вынуть из нее обыкновенное яйцо... Постой, постой, вспомни детскую сказку: «Курочка снесла яичко, да не простое, а золотое...» Если яйцо и впрямь золотое, может быть стоит пожертвовать курицей? Должно быть, именно в этом направлении работала мысль Вайса. Хорошо, на некоторое время забудем поговорку. Что могут обозначать три буквы? Скорее всего: Думбрайт, Нунке, Фред. Но какая же связь с поговоркой? Почему после первых двух букв вопросительные знаки? Возможно, Вайс колебался, на кого из этих двух ему ориентироваться. Итак, один из них должен стать «курицей», которую, образно выражаясь, Вайс собирается зарезать. Буква «Ф» — Фред, то есть я. Таким образом, золотое яичко... Неужели его подозрения простирались так далеко? Безусловно, раскрыв меня, он получил бы деньги, и это благоприятствовало бы его карьере. И все же он колеблется, ориентироваться ему на Думбрайта или Нунке. Располагая он фактами, которые могли бы меня раскрыть, Вайс, не колеблясь, сделал бы ставку на Думбрайта, потому что в школу привез меня Нунке... А если он уже сделал выбор?... Так это или не так, все равно надо как можно глубже забить кол между Думбрайтом и Нунке, и если к записной книжке добавить еще конверт, адресованный Думбрайту...

Быстро поднявшись, Григорий направляется к табачной лавочке, где обычно торгуют и письменными принадлежностями. Покупает несколь-

ко пачек сигарет и, уже разложив их по карманам, вспоминает:

— Чуть не забыл: дайте мне, пожалуйста, конверт и листок бумаги. Нет, вот этот, попроще. К сожалению, я пишу письмо не хорошенькой синьоре, а обычное деловое. Кстати, вы не знаете, где находится ближайшее машинописное бюро? Деловая корреспонденция всегда выглядит солиднее, когда текст напечатан...

— Синьор прав, всю свою переписку с поставщиками я предпочитаю печатать. Если вы хотите... правда, машинка у меня старенькая, шрифт не особенно четкий...

— Вы очень добры, синьора! Обещаю не злоупотреблять этим и долго не надоедать вам — всего две строчки: о моем согласии вступить в переговоры.

Хозяйка магазинчика провела клиента в маленькую комнатушку за прилавком.

— Синьору помочь, или вы справитесь сами?

— Нет, нет, я не стану обременять вас, две строчки я сумею отстучать сам.

Григорий напечатал на конверте адрес школы под Фигерасом, фамилию Думбрайт и задумался. Ограничиться конвертом? Нет, для того, чтобы произвести более сильное впечатление на Нунке, не мешает набросать еще несколько строк. Пальцы быстро забежали по клавишам: «Глубокоуважаемый мистер Думбрайт! Вы оказали мне высокое доверие, вопреки той неприязни, которую испытывает ко мне начальник школы, герр Нунке, поэтому, после долгих раздумий, я считаю своим долгом...»

Достаточно! Вместе с записной книжкой этого вполне хватит, чтобы отношения между Нунке и Думбрайтом еще больше обострились.

А когда двое дерутся, третий всегда в выигрыше.

...Приблизительно ту же мысль в ту же минуту, но на противоположном конце города, высказал и Чезаре:

— Острее! Их надо стукнуть лбами.

— А может быть, еще рано их настораживать?

— Наоборот. Я покажу тебе документы, попавшие к нам, и ты поймешь: мы теперь отлично вооружены для атаки. Хочет того или не хочет министерство, но ему придется спросить у руководства МСИ, как такое могло произойти? Это будет лишь первый пробный камень, а потом...

Чезаре возбужденно заходил по комнате, весь охваченный азартом журналиста, в руки которого попал сенсационный материал.

— Как ты предлагаешь построить статью?

— Как запрос общественности к полиции. Коротко, но вопрос оставить ребром: как такие-то и такие-то, привлеченные к уголовной ответственности по статье такой-то, о чем официально сообщалось в прессе, избежали суда, оказались на свободе и совершили новое злодеяние? Никаких комментариев, не распылять внимание на другое! Газеты сейчас заполнены сенсационными подробностями убийства, показаниями тех, кто сталкивался с убитым и преступниками. На нашу статью никто не обратит внимания. Но если запрос к полиции набрать жирным шрифтом, взять в рамку и вверстать в репортаж, который прислан из Донго...

— Хорошо! Сейчас я напишу текст. Ты прав. Тот, кто сидел у стола, отодвинул исписанные листочки и склонился над чистым. Чезаре,

глядя через плечо коллеги, читал слова, которые возникали из-под пера, и одобрительно кивал.

— То, что надо. Коротко и ясно. Давай я помечу шрифт и рамку. Звони, вызывай курьера! Нет, подожди. Еще успеем. Надо обеспечить материалом следующие номера газеты. Это должна быть серия коротких, но метких ударов, которые не дадут противнику передышки. Когда уляжется шум вокруг убийства, можно будет выступить с развернутым разоблачительным материалом. А сейчас каждый день — челюсть! Как на ринге.

— Я могу предложить...

— Подожди. Ознакомься вначале вот с этим.

Чезаре вынул из ящика стола стопку увеличенных фотокопий и веером раскинул перед товарищем по работе. Тот взял первую копию, и брови его высоко поднялись. Не дочитав первую, он лихорадочно схватился за вторую, потом стал бегло просматривать все.

— Ты не торопись, читай внимательно. Понимаешь, какой будет резонанс... Да что с тобой?

— Чезаре, откуда у тебя эти документы? — со стоном вырвалось из груди молодого человека в очках.

— Один друг через Лидию передал нам фотоленку. Лидия знает его как старого антифашиста... Скажешь ты, наконец, что с тобой?

— Взгляни сначала на то, что я принес тебе. — На фотокопии легла стопка исписанных на машинке страничек.

Теперь, в полной растерянности, их листал Чезаре.

— А у тебя откуда? — спросил он.

— Должно быть, оттуда же, откуда и твои фотокопии — из тайников Рамони. Боже, какой же я дурак, дважды дурак!

— Джузеппе, ты можешь разговаривать членораздельно и без загадок?

— Выходит, Фред Шульц, о котором я рассказывал тебе, как о последнем мерзавце, совсем не тот, за кого он себя выдает. Он с нами. А я его чуть ли не...

Упав грудью на стол, Джузеппе без удержу хохотал.

Глава одиннадцатая

ПОЗДНЕЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Утренние газеты были сегодня нарахват, и Григорий решил не утруждать себя поисками. Нунке, вероятно, догадается воспользоваться услугами киоска в вестибюле гостиницы.

Так оно и было. Начальника школы Гончаренко нашел почти в той же позе, что и вчера, с таким же ворохом неаккуратно сложенных после прочтения газет.

На вопросительный взгляд раннего посетителя Нунке ответил успокаивающим жестом, разведя в сторону ладони выхоленных рук.

— Ничего нового, Фред, — сказал он, когда Григорий сел. — Убитый снова фигурирует под именем «неизвестный». Некоторые газеты намекают, что это частный детектив очень влиятельной особы одного из иностранных государств. Нам это на руку.

— А показания свидетелей?

— В большинстве буйная фантазия. Да, история с уже несуществующими архивами Муссолини заморочила всем голову.

— Несуществующими? Вы думаете, их не было?

Нунке улыбнулся, прищурился, словно сытый кот, выдержал паузу и с превосходством человека, осведомленного о множестве тайн, многозначительно произнес:

— Были да сплыли. В свое время об этом позаботился Скорцени. Что-то, а переписку дуче с Черчиллем Отто припрятал надежно. Фред, учтите: я доверил вам государственную тайну! Эти письма у нас. И наступит время, когда мы сумеем ими воспользоваться. Надеюсь, вы поняли, что о нашем разговоре не должна знать ни одна живая душа.

— О таких вещах даже не предупреждают, настолько они понятны... Выходит, Вайс погнался за призраком!

— И причинил нам столько неприятных хлопот. Если бы не он, мы бы провели в Риме еще несколько дней, а теперь придется уезжать сегодня вечером. Береженого, как говорится, и бог бережет. Я уже позвонил Рамони, его секретарь закажет нам билеты. А поскольку он может позвонить с минуты на минуту, у меня есть такое предложение: давайте позавтракаем в номере, а потом побродим по магазинам, вы можете мне выбрать подарки жене и детям.

— Охотно. Вызвать официанта?

— Я уже заказал завтрак на две персоны. Прикажите подавать.

Григорий позвонил в ресторан и, пока Нунке одевался, пока сервировали стол, решил полистать газеты. Внимание Гончаренко привлек непечатанный жирным шрифтом в «Унита» и «Аванти» обращенный к полиции вопрос. Ага! Вот почему Рамони так нервничал вчера, прочитав фамилии задержанных по подозрению в убийстве! Даже приказал Джузеппе немедленно уточнить эти фамилии с каким-то Батисто. Джузеппе слушал, прикусив губу, словно сдерживая улыбку, но она светилась в его глазах, когда он взглянул на Григория. Вообще секретарь вчера вел себя очень странно. Григорию не раз казалось, что Джузеппе хочет остаться с ним наедине, и вид у него был не настороженный и злой, как прежде, а скорее приветливый. Рад, что избавится от гостей, или готовит какую-либо пакость и доволен этим?

По странному стечению обстоятельств, как будто его мысли передались на расстоянии, раздался телефонный звонок, и в трубке послышался голос Джузеппе.

— Синьор Нунке? А, это вы, синьор Шульц! Очень хорошо, я вам звонил в пансионат. Ровно в четыре я найду к вам и принесу билеты, поезд отходит в восемь. Очень прошу, устройте так, чтобы вы были один. У меня к вам дело важное и... приятное. Чтобы не вызвать подозрений хозяина номера, скажите одно слово: «да» или «нет».

— Да, Джузеппе! — На другом конце провода зуммер отключился. Григорий медленно опустил трубку, раздумывая над тем, какое дело, да еще приятное, может быть у секретаря Витторио Рамони к Фреду Шульцу.

— Поезд отходит в восемь! — крикнул Григорий начальнику, подойдя к дверям спальни.

Нунке придерживался правила: за едой никогда не вести деловых разговоров, поэтому во время завтрака оба касались лишь посторонних тем, хотя мысли их витали далеко от того, о чем они говорили. Но наконец Нунке не выдержал:

— Вот она, дальновидность нашей политики, Фред! Еще вчера мы с вами были изгнанниками, а сегодня возвращаемся в Германию со щитом, а не на щите. Поверьте мне, Гелен добьется своего: не только возродит немецкую разведку, но и сделает ее самой могущественной.

— А не кажется ли вам, что предупреждение о теснейшем контакте с оккупационными американскими властями, по сути, является завуалированным намеком на нашу зависимость от всяких там Думбрайтров?

— Только в начале нашей деятельности, Фред, только в начале. Из стратегических соображений это даже целесообразно. Но дайте нам набраться сил, и тогда... о, тогда коленкой под зад Думбрайта и таких, как он.

— Жаль, нельзя сделать это завтра же! Я так и не понял: избавимся мы от его опеки или нет?

— Если уж положено иметь босса, то я предпочел бы другого... Кстати, как вы думаете... это незаконченное письмо Вайса к Думбрайту было первым?

— Вы заметили, как скрупулезно Вайс подсчитывал свои расходы? Записано буквально все — вплоть до такой мелочи, как стоимость проезда в автобусе. Почтовых расходов в записях нет. Я проверил внимательно.

— Удивляет меня все-таки Вайс, — Нунке потер пальцами лоб над переносицей. — Из документов, которые имеются у нас в школе, видно: человек он неглупый, очень осторожный. Я ознакомился с одним делом, которое Вайс вел, став следователем гестапо. Следствие проведено с блеском, хотя дело и было очень запутанным. Как же мог он, человек безусловно разумный, связаться в такую авантюру?

— Такие Вайсы — наша ошибка, они типичный продукт среды, их породившей. Мозг таких людишек приспособлен лишь для выполнения определенных функций. Кто-то завел пружину, и она раскручивается с неуклонной последовательностью — виток за витком, в заданном темпе и направлении. Как хорошо налаженный механизм. Но стоит только попасть в этот механизм какой-нибудь пылинке, как он выходит из строя. У Вайса такая пылинка была...

— Интересно. Что же это за пылинка?

— Непомерная, прямо-таки болезненная жадность к деньгам.

— Но кто же в наше время не любит деньги? — разочарованно протянул Нунке, который надеялся услышать нечто пикантное.

— Это было уже не тяготение, не любовь, а патологическая страсть. Неутолимая жажда и голод Тантала, который стоял по горло в воде, видел перед собой сочные плоды, но не мог прикоснуться к ним губами. Вайс долго работал в Заксенхаузене, там по приказу известных вам людей была создана фабрика фальшивых денег. Доллары, фунты стерлингов проходили через его руки нескончаемым потоком, громоздились горами. Под его надзором сотни заключенных мяли эти деньги, слегка терли их, чтобы купюры выглядели побывавшими в употреблении. Вайс как-то рассказал мне об этом. Вы бы видели, как он прокинул себя за то, что не решился ничего почерпнуть из этого моря богатства. То, что он не решился, когда решались другие, породило в нем комплекс неполноценности. Кроме алчного стремления к деньгам ему еще надо было доказать самому себе, что он способен на решительный шаг... Вот вам пылинка.

— Вы очень убедительно все это описали. Вы психолог, Фред, вас надо остерегаться.

— Понемногу накапливаю опыт, герр Нунке! После урока, отлично преподаваемого вами в камере смертников...

— До сих пор не может простить? Не взирать на все, что я для вас сделал?

— Прежде всего я не могу простить себе. Что же касается вас, то моя святая обязанность отблагодарить вас. В меру своих сил я это и делаю.

— Я знаю, мы с вами всегда договоримся,— пожал Нунке локоть собеседника и вместе с Григорием направился к двери.

Самоуверенность и хорошее настроение снова вернулись к Нунке, а как только они вышли на шумную Виа Национале, все тревожные мысли вовсе развеялись. Да и трудно было не поддаться всеобщему беззаботному настроению, всегда царившему на главных улицах города.

Григорий не любил ходить по магазинам, но постепено они стали пробуждать в нем интерес. Поездка Де Гаспири за океан, которую итальянский народ оплатил столь дорогой ценой, принесла свои плоды. Полки универмагов и специализированных магазинов ломились от товаров американского происхождения,— эти заокеанские новинки гипнотизировали людей уже устаревшей элегантности полумодных вещей и доступными ценами по сравнению с неслыханно дорогими продуктами.

Нунке придирчиво, с немецкой педантичностью, стремясь совместить красивое с полезным, старательно выбирал подарок жене. Он не скупился, но за свои деньги хотел получить вещи только высшего качества, и продавцы, понимая, что имеют дело с опытным покупателем, почтительно и охотно показывали все лучшее, что имелось в ассортименте. У Григория перед глазами плыли круги,— столько он всего рассмотрелся.

— Майн готт, теперь я окончательно убедился в преимуществе холостяцкой жизни! После столь наглядной агитации я никогда не женюсь,— с шутливым отчаянием вырвалось у Гончаренко после того, как они обошли несколько десятков прилавков огромного универмага.

К счастью, все неприятности когда-нибудь заканчиваются. Подарки были выбраны, упакованы и даже оплачена их доставка в гостиницу. Довольный покупатель и уставший его консультант уже направились к лестнице, чтобы спуститься вниз, как вдруг дорогу им преградила чья-то фигура с раскинутыми руками. Хейендопф!

— Не заметить старого знакомого! Пройти почти рядом — и не заметить! Герр Нунке, я счастлив, что увидел вас. Фреда я случайно встретил в кабаре, но он, чертов парень, даже словечком не обмолвился, что вы тут. Ишь, хитрец!..

— Я только позавчера приехал, мистер Хейендопф, и тоже не знал, что вы здесь. Фред мне ничего не говорил! — пожимаемая протянутую Хейендопфом руку, Нунке покосился на своего спутника, и Григорий понял, что все сказанное адресовано ему.

«Вот еще не было печали! Теперь объясняй Нунке, почему не рассказал ему. Хотя... одна случайная встреча в кабаре, куда я заглянул якобы послушать певицу и не столько послушать, сколько поглядеть на красивую девушку...»

Перекинувшись несколькими словами с Хей-

ендопфом, условившись как-нибудь встретиться втроем в Берлине, они распрощались и ушли.

— Вот кого не думал встретить в Риме,— с деланным равнодушием бросил Нунке.

— И я тоже. Ну и разозлился же я, когда он пристал ко мне в кабаре. Испортил весь вечер...

К себе в пансионат Григорий вернулся около четырех. Настроение было препаршивое. Сделано в Риме очень мало. Усталость от напряженных событий всех последних дней давала себя знать. Хотелось пожить обычной, нормальной жизнью, не рассчитывая каждый шаг, не раздумывая над тем, как закончится нынешний день и чем встретит его будущий. Что до сегодняшнего, то все ясно: снова встреча с осточертевшим Рамони, а перед этим возня с Джузеппе. Верно, придет канючить пленку, предложит что-нибудь в обмен... станет угрожать. Опротивело! Впереди еще длинная ночь в одном купе с Нунке. А за нею уже полная неизвестность!..

Кое-как швырнув вещи в чемодан, Гончаренко в сердцах захлопнул крышку. Все! Даже с Римом, с любимыми местами и то не успел попрощаться. Если быстро удастся избавиться от Джузеппе, то до пяти останется свободный час, можно будет хоть проехать по улицам города.

Секретарь был точен, пришел ровно в четыре. И опять его поведение, на которое Гончаренко обратил внимание еще вчера вечером, казалось странным. Джузеппе долго и горячо пожимал руку Григорию — пришлось чуть ли не силой высвободить пальцы. Пригласив гостя сесть, Гончаренко устроился на ручке кресла и предупредил:

— У меня времени в обрез, я бы просил изложить ваше дело как можно короче.

— Хорошо. Но сначала прочтите вот это.— Джузеппе вынул из внутреннего кармана гранку и протянул ее Гончаренко.

Как и обращенный к полиции запрос, напечатанный в утренних газетах, материал был короткий и снова заключен в небольшую рамку.

«К сведению полиции», — оповещал заголовок. Ниже шел по-деловому сжатый текст: «По самым достоверным источникам, которыми располагает редакция, личность убитого в Донго очень легко мог бы опознать некий Фред Шульц, тоже иностранец, по происхождению немец, который прибыл в Рим под видом полномочного представителя фирмы «Испана суиса». Мы совершенно ответственно заявляем «под видом», потому что проверкой доказано, что ни к одному человеку, так или иначе связанному с нашей автомобильной промышленностью, этот полномочный представитель не обращался. Зато его можно было видеть в кругах, близких к руководству МСИ. Не их ли деятельности касались его полномочия? В следующих номерах газета надеется исчерпывающе ясно ответить на этот вопрос».

С полным хладнокровием прочитав напечатанное, Григорий с издевкой спросил:

— Автор этого опуса, конечно, вы?

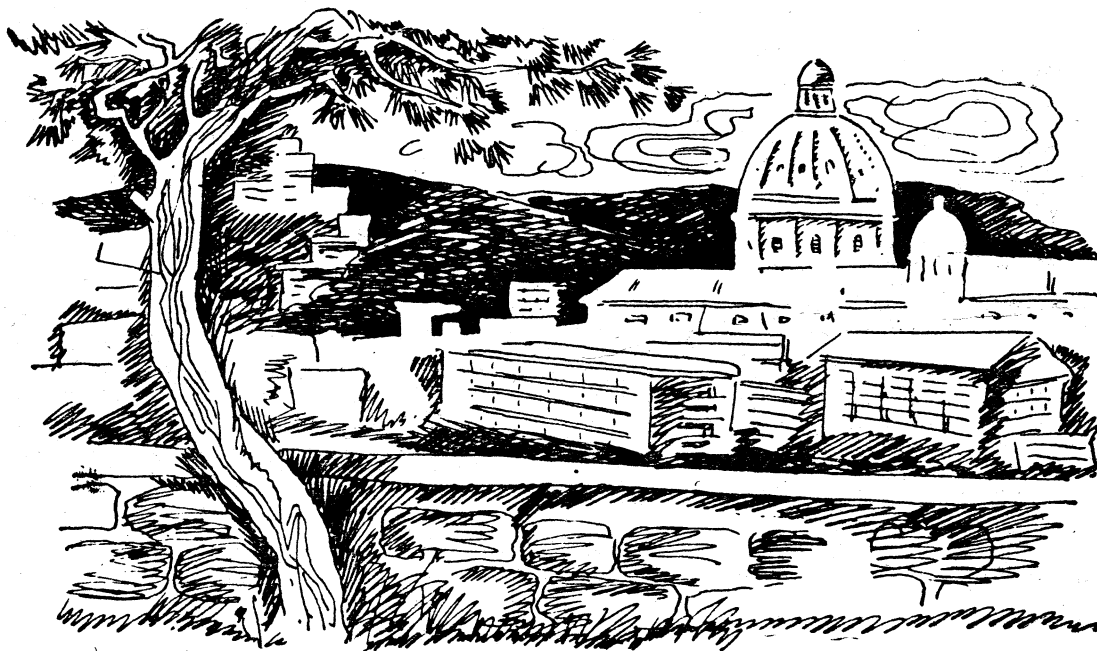
— Да. Материал должен был появиться в вечернем выпуске, к счастью, я успел разбросать набор.

— Попытка шантажировать?

— Опомнитесь! Мы же с вами единомышленники, Фред Шульц!

«Провокация... провокация... провокация».

— А разве вы сомневались в этом? Вы ве-

рой и правдой служите Рамони, я — Нунке, деятельность которого вам хорошо известна.

— Фред! Товарищи, в руки которых попала переданная вами пленка, просили передать вам искреннюю благодарность.

— Не пройдет, Джузеппе! Примитивно.

Покусывая губы, Джузеппе с минуту молчал, потом вскочил с кресла и, не спрашивая разрешения хозяина, подошел к телефону.

— Лидия? Да, я. От Шульца. Да, да, по этому делу. Объясни ему, что я не... Хорошо, передаю трубку.

Кровь, пульсируя в висках, мешала слушать. Но Григорий все же узнал голос Лидии. Не прерывая, он слушал то, что она говорила, и лицо его светлело, взгляд теплел.

— Спасибо, дорогая моя помощница! Еще раз желаю всего самого лучшего... Да, адрес матери Курта помню.

Положив трубку, Григорий обошел стол, медленно приблизился к Джузеппе, положил руки ему на плечи, крепко стиснул.

Они смотрели друг на друга смущенно, помужски стыдась выдать чувства, одолевавшие каждого из них, оба немного скованные необычностью новых взаимоотношений, которые рождались между ними.

— Как же вы, Джузеппе, оказались у Рамони? — спросил Григорий только для того, чтобы овладеть собой.

— По профессии я журналист, начинающий, правда. Но именно поэтому редакция и поручила мне, человеку в кругу газетчиков неизвестному, собрать как можно более подробный материал о деятельности МСИ. Став секретарем

Рамони, я уже кое-что сделал, теперь же, когда у нас в руках такие разоблачающие их документы...

— А Лидия? Она ведь боялась вас даже больше, чем Рамони.

— Тут мы, по всей вероятности, перемудрили. Видите ли, мы не хотели подвергать ее опасности и держали, как это говорится, в резерве, на крайний случай. Да, это была наша ошибка. Если бы мы договорились обо всем немного раньше, дело от этого только выиграло бы.

— И не было бы глупой сцены у тайника.

— Может быть, вы подарите мне на память один из тех снимков? Все-таки это кое-чему меня научило.

Григорий улыбнулся.

— А никаких снимков и не было! Я вынул последнюю кассету, которую и отдал Лидии, а новую вставить не успел. Пришлось щелкать незаряженным аппаратом...

Разговор затянулся до пяти. Но Григорий больше не торопил своего гостя. Наоборот, ему казалось, что время летит необычайно быстро.

...Ровно в восемь поезд тихо вздрогнул, фигуры Рамони и Джузеппе словно поплыли на эскалаторе... Промелькнули развалины храма Минервы Медичи.

Поезд набирал скорость, мягкие очертания холмов Лациума плавно расступались перед ним, а вершины, еще освещенные косыми лучами солнца, казалось, посылали свою прощальную улыбку путешественникам.

Григорий высунулся в окно. «Прощай, Рим! Щедрый город, так много подаривший мне на прощанье!»

На этом мы прерываем публикацию романа. Принимая во внимание интерес наших читателей к роману Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин», мы продолжим публикацию заключительных глав, как только они будут готовы и поступят в редакцию.

ВОСПО- МИНА- НИЯ БЫВ- ШЕГО РЕБЕНКА

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ¹

Михаил АНДРАША

5. Скарлатина и другие детские болезни

— Давайте поговорим о микробах и бациллах. Перестаньте бояться их. В этом все дело. Да, это основное, если вы раз и навсегда усвоите это, больше вам не о чем тревожиться. Увидев бациллу, подойдите к ней и посмотрите ей в глаза. Если она влетит к вам в комнату, бейте ее шляпой или полотенцем. Ударьте ее как следует в солнечное сплетение. Ей быстро надоеет все это.

Одна очень интересная книга.

О, если бы мне было позволено приврать, клянусь, я писал бы чистую правду, и мне было бы легче обращаться со словами.

Но мои друзья стоят надо мной с рулеткой в руках и следят за тем, чтобы я не отклонялся от истинных событий.

И я чувствую, что никак не вырвусь из нашего перьялка, с берегов великой реки. Вместо леса с голубикой, вместо речки с песком, вместо утренней росы и ключевой воды в нашей жизни был доктор Марк Соломонович, являющийся с чемоданчиком на телефонный звонок.

Диагноз?

— Каменный двор, сквозняки в переулке, вонючая река и никаким рыбьим жиром вы это не исправите, — говорил Марк Соломонович, выписывая рецепт.

Мы жили среди флоры и фауны.

Флора начиналась сразу за чугунными воротами Юсуповского садика, делала небольшой круг по берегу пруда и возвращалась к воротам. Фауна, запряженная в телегу с бочками пива, понуро проходила по переулку. Пернатые, с глосами охрипших милицейских свистков, скакали по ее теплым следам.

Я говорил, что Белоножка готова была поехать в Сибирь за Булочной.

Судьбе было угодно, чтобы она отправилась

за ним в детскую больницу, расположенную, как это может случиться лишь в Ленинграде, на самом Пулковском меридиане.

В очередной раз — это происходило дважды в неделю, — мы появились перед окнами Первой инфекционной.

Булочная показал нам записку, в которой было несколько просьб насчет книг и цветных карандашей, и, между прочим, сообщалось:

— В Африке скарлатиной не болеют.

То, что в Африке теплее, нам было известно давно.

Январь быстро переписал эту новость и показал Белоножке, стоящей в другом окне.

— Нам доктор сказал, что скарлатина почти не встречается на Аляске и в Гренландии, — написала в ответ Белоножка.

Я сидел на скамейке, одна ножка которой стояла на Пулковском меридиане, смотрел, прищурясь, на солнце и думал о том, что Белоножка все-таки любит Булочную.

Мне почти нечего добавить к тому, что уже написано о первой любви. Роясь в своих книгах, я недавно нашел одно очень правдивое описание первого чувства и не могу не привести его здесь полностью.

«Я терпеть не могу математику, рассказывает автор, тем более удивительно, что моей первой любовью оказалась дочь учителя математики. Мне было тогда двенадцать лет, а ей десять, и она училась в третьем классе начальной школы.

¹ Окончание. Начало см. в № 1—2. Печатается с сокращениями.

Как-то раз во время игры в прятки мы вместе залезли в пустую бочку, в которой моя мать квасила капусту на зиму. Здесь я признался ей в любви. До сих пор, проходя мимо пустых бочек, я вспоминаю этот случай и испытываю неизъяснимое волнение.

Однажды мы встретились после уроков и вместе пошли домой. Я дал ей крендель, который покупал каждую пятницу на деньги, выигранные в четверг в орлянку, и серьезно спросил: — Как ты думаешь, отдаст тебя отец за меня замуж, если я посватаюсь?

Она покраснела, опустила глаза и от волнения разломала крендель на три части.

— Не думаю, — ответила она вполголоса.

— А почему? — спросил я, и от огорчения у меня на глаза навернулись слезы.

— Потому что ты плохой ученик.

Тогда я поклялся ей, что день и ночь буду зубрить таблицу умножения, только бы исправить отметку. И я учил. Учил так, как только может учить таблицу умножения влюбленный и, разумеется, ничего не выучил. Двойка у меня стояла и раньше, и теперь после усиленной зубрежки я получил единицу.

В следующий четверг я ничего не выиграл в орлянку, но зато в пятницу утром забрался в платяной шкаф и срезал с отцовской одежды двадцать пуговиц, продал их и купил крендель, а в полдень уже ждал у школы, когда она выйдет. Я признался, что дела обстоят еще хуже, так как по арифметике я получил единицу. С болью в голосе она ответила:

— Значит, я никогда не буду твоей!

— Ты должна быть моей, если не на этом, так на том свете.

— Что же нам делать? — спросила она с любопытством.

— Давай, если хочешь, отравимся.

— Как же мы отравимся?

— Выпьем яд! — предложил я решительно.

— Ладно, я согласна, а когда?

— Завтра после полудня!

— Э, нет, завтра после полудня у нас уроки, — сказала она.

— Да, — вспомнил и я. — Я тоже не могу завтра, потому что мне запишут прогул, а у меня их и так двадцать четыре. Давай лучше в четверг после полудня, когда нет уроков.

Она согласилась.

В следующий четверг после полудня я утащил из дома коробку спичек и пошел на свидание, чтобы вместе с ней отправиться на тот свет. Мы сели у них в саду на траву, и я вытащил спичечный коробок.

— Что мы будем делать? — спрашивает она.

— Будем есть спички!

— Как есть спички?

— Да вот так, — сказал я, отломал головку, бросил ее на землю и принялся жевать палочку.

— А зачем ты бросил это?

— Да это противно.

Она решила, и мы стали есть палочки. Съев три штуки, она заплакала.

— Я больше не могу, я никогда в жизни не ела спичек, больше не могу.

— Ты, наверное, уже отравилась.

— Может быть, — ответила она.

А я съел еще девять палочек и потерял аппетит.

— Что же теперь будем делать? — спросила она.

— Теперь разойдемся по домам и умрем.

Сама понимаешь, стыдно, если мы умрем в саду. Ведь мы из хороших семей, и нам нельзя умирать, как каким-то бродягам.

— Да! — согласилась она.

И мы разошлись».

Если вычтешь из этой взаимной любви пустую бочку для капусты, пуговицы, двадцать четыре прогула и коробку спичек, останется то, что я испытывал к Белоножке, никогда не сказав ей об этом ни слова.

Я жил на первом этаже, она — на шестом. Ее мама носила шубу за 20 тысяч, моя ходила в пальто за 2000. Даже в стародавнем масштабе цен наше имущественное неравенство было очевидно. Но я пробовал сократить разделявшую нас дистанцию, развивая бешеную скорость на самокате. Она возвращалась из школы, помахивала кожаным портфелем с двумя замками и не замечала меня. В это время мы еще ходили в первый класс. Я старался привлечь ее внимание, околачиваясь возле парадного, где она играла с подружками в «классики», стоял у своего окна, ожидая, когда появится знакомый профиль с бантиками. У меня не было необходимой храбрости, чтобы заговорить с ней. Спустя три года, нас познакомил Булочная. Он привел меня к ним домой, показал на большой письменный стол и с гордостью сказал:

— Вот тут мы делаем наши уроки.

Потом появились Суббота и Январь. Я увидел, что она совершенно не отличает меня от Января, а нас с Январем от Субботы.

Но судьбе было угодно, чтобы именно Булочная, а не я, разделил с Белоножкой скарлатину.

«Что ж, — думал я в припадке великодушия, — если она его любит, пусть болеют вместе».

На Булочной не осталось живого места. Его первый этаж превратился в мелкое сито, сквозь которое то уходило, то возвращалось мужество. Массивный подбородок Булочной, изредка заменявший нам грушу для отработки точности удара, осунулся, похудел. Тошная серая нога выгладывала из-под завернувшейся штанины. Суетливые руки показывали нам крестики и нолики, пальцы крутились у виска, а мы пожимали плечами: двойное стекло мешало нам.

Зайдя в справочную погреться, мы тихонько вскрывали чужие письма, сложенные треугольником, и читали их из чистого любопытства.

«Папа, принеси мне конфеты пососать. Писать больше нечего».

«Мама, мне очень хочется домой. Мама, мне тут скучно».

«Бабушка, когда меня будут резать, постойте под окном операционной комнаты».

Переписка же с Первой инфекционной не разрешалась. Болели без права переписки. Письма принимали только туда, а оттуда — листок, прижатый лбом к стеклу.

Без Булочной было тоскливо, не доставало осуждающих взглядов и презрительных высокомерных замечаний Белоножки.

А время шло, на больничном дворе появлялись родители с узлами одежды, увозили своих детей. На исходе месяца Белоножка написала нам, что ее не отпускают, может быть пройдет еще долгая неделя в больнице.

— А Булочная выписывается! — добавляла она.

«Ребя, меня хотят выбросить отсюда через два дня, — читали мы в записке, которую Булочная приклеил слюнями к стеклу. — Мне здесь

здорово понравилось, и я хочу здесь полежать еще недельку. Сходите ко мне домой, скажите батю, что ищите в моих тетрадках контрольные задачи, а сами найдите в батиних книгах в шкафу симптомы какой-нибудь новой болезни и срочно принесите мне в больницу. Век вам этого не забуду».

— Вот еще заботка, — буркнул Суббота, — мы шли к выходу из больницы. — Понравилось! Знаем!

Январь хранил молчание, обдумывая наши дальнейшие действия. Не так-то это просто проникнуть в чужой дом под лживым предлогом и копаться в чужом шкафу. Ясно, что причина, предложенная Булочной, никуда не годилась.

— Андраша, ты мог бы сделать в классе доклад про скарлатину? — спросил Январь, когда мы поднялись на шестой этаж и остановились перед дверями квартиры Булочной.

Я немного подумал.

— Для Петра Ефимовича?

Январь кивнул.

— Запросто сделаю, — подмигнул я.

Отец Булочной встретил нас, не скрывая своей радости: Булочная послезавтра будет дома, поехали, ребята, за ним на машине.

Мы сказали, что не может быть разговоров, конечно, мы поедем, если Булочную там не держат...

— Петр Ефимович, — обратился я. — Вы не дадите мне какую-нибудь книгу про скарлатину и другие болезни? Мне нужно в классе доклад сделать.

— А тема?

— Ну, как уберечь себя от инфекционных заболеваний.

— Доклад на тему «Ну как уберечь себя от инфекционных заболеваний», — повторил Петр Ефимович.

— Ага.

— Миша, — сказал Петр Ефимович и сделал паузу. — Миша, я всегда высоко ценил твои способности, я не знаю в нашем доме никого, кроме тебя и Субботы и Января, кто был бы более сообразительным человеком. Мой сын уступает тебе по многим своим качествам. Я всегда восхищаюсь мастерством, с которым сделана табуретка, которую ты подарил нам на день рождения. Такую табуретку надо было сообразить. Я знаю, что ты не огличник, но твои «четверки» — это отметки человека, который знает, что он хочет от жизни, не так ли, Миша?

— Да, — сказал я.

— Что говорить! У меня нет и сомнений, что ты великолепно сделаешь доклад в своем классе.

— У-у-у! — поддержал Суббота это убеждение Петра Ефимовича.

— Я уверен, что доклады твои проходят на «ура!»

Мне вовсе не становилось стыдно за вранье.

— Но, дорогой коллега, я несколько удивлен, почему такую тему поручили тебе? Согласись, что еще остались в науке некоторые вещи, до конца не познанные тобой? «Ну, как уберечь себя от инфекционных заболеваний». Гм-гм-м... Разберешься ли ты?

— Он разборчивый, — махнул рукой Суббота, — Доклад надо делать — вот беда.

Для Субботы бедой были доклады, выступления на собраниях, заметки в стенгазету и домашние сочинения.

— Нет, Суббота, я не вижу в этом беды, — сказал Петр Ефимович, снимая очки, — это даже хорошо, Миша, что тебе поручили доклад. Любой доклад развивает воображение, причащает говорить, мыслить логическими категориями. Может быть, мне сделать доклад в вашем классе? Я немного учился на врача...

— А вас не будут слушать, — сказал Суббота.

— Правда, Петр Ефимович, у нас такие змеи в классе...

В ответ на такой довод отец Булочной открыл книжный шкаф. Вручая мне огромный том «Курса острых инфекционных болезней», он сказал:

— Миша, я с удовольствием тебе даю книгу, но с одним легким для тебя условием: если ты встретишь затруднение, знаешь, тут много латинских слов, если ты почему-либо не поймешь латынь или медицинский термин, ты подынешься ко мне, чтобы спросить. Хорошо?

— Он все поймет! — вскрикнули мои друзья, выхватив у меня книгу.

Впервые за несколько лет нашего знакомства Петр Ефимович пожал мне руку.

Ну, действительно, что могло быть непонятного в книге, которую мы не собирались читать?

Тиф начинался сильным ознобом, головной болью, рвотой, болями в боку. Малярия начиналась тоже с озноба. Корь высыпала пятнами на лице. Сибирская язва Булочной не подходила, потому что ею болеет в основном крупный рогатый скот.

Мы уступили настояниям Января и выбрали вполне детскую болезнь.

Вот что мы советовали:

«Булочная, набей высокую температуру на градуснике. Все время жалуйся на голову, у тебя болит живот и горло. Тебе должно быть трудно глотать. Запомни: у тебя начинается дифтерия».

Дифтерия ему понравилась, он показал большой палец, присыпав его сверху солью. Мы

распрощались. И Булочная сразу захромал от окна в глубь коридора.

В тот день, которым закончится воспоминание о скарлатине и других детских болезнях, над Пулковским меридианом небо было голубым и чистым.

На Пулковском слышно было, как хлопают где-то двери приемного покоя и скрипит под ногами явившихся родителей снежный покров земли. Беспощадное солнце, ударившись о снег, застревало осколками в моих глазах и я, прищурясь, смотрел в сторону, откуда должны были появиться родители Белоножки с узлом в руках.

Накануне я позвонил в справочное и неожиданно для себя узнал, что врачи решили отпустить Белоногову Соню.

Я сидел на цоколе здания, положив под себя портфель замком вниз, и ждал.

Булочную к окну не подзывали. Большеротый стриженный мальчик объяснил мне знаками, что Булочная лежит пластом.

Так вот, я сидел и ждал.

Около двенадцати во дворе послышалось знакомое тархтение мотора, из-за сугроба выскочило желтенькое такси и затихло возле дверей Первой инфекционной.

Из машины вылезла высокая красивая женщина в каракулевой шубе, скользнула по мне безразличным взглядом и наклонилась к шоферу.

— Я забираю из больницы девочку. Это продлится не очень долго. Вам нужно оставить залог?

Шофер усмехнулся, посмотрел на дорогую шубу и отказался от залога.

— Но вы все же не уезжайте,— настаивала женщина.

— Куда я денусь?

Белоножкина мать не узнала меня. Я не собрался узнавать ее. Когда она вытащила из машины узлы с одеждой и пошла к дверям, я не пошевелился, чтобы открыть ей дверь. Наконец они появились.

Я обошел машину кругом, постучал портфель по кузову.

Белоножка сразу заметила меня.

— Мама, Андраша здесь!

— Приветик, Белоножка! — сказал я, а матери: — Здравствуйте. Анна Федоровна!

— Очень мило, Миша,— сказала мать, узнав меня.— Как поживаешь?

— Хорошо,— ответил я, потому что день был солнечный, небо высокое, а кое-кого выписали из больницы.

— А как ты приехал? — спросила Белоножка.

Я хлопнул портфелем по своим ногам.

— На одиннадцатом номере.

— Знаешь, знаешь, так жалко Булочную,— сказала она трагическим голосом, сдвинув брови.— Его хотели выписать и вдруг поднялась температура...

— Интересно, сколько?

— Сорок у Булочной. Его держат в кровати, врачи не знают, что у него. Так его жалко!

— У Булочной дифтерия,— сказал я.

— Да? Откуда ты знаешь? — прищурила она свои глаза, став прежней надменной Белоножкой.

— Я все знаю.

— Все-все? — иронически спросила она.

— Все и даже чуточку больше,— ответил я.

Я смотрел на кончик ее носа и думал о том, что он, наверняка, касался носа Булочной.

— Соня, тебе нельзя долго на свежем воздухе быть,— сказала мать, уже сидевшая в такси.

— Садись, а то опять заболеешь,— сказал я, подтолкнув ее к машине.

— Соня! — строго произнесла Анна Федоровна.

Белоножка устроилась на переднем сиденье, подобрала полы ярко-красного пальто с серым воротником.

Я крепче захлопнул дверцу машины.

Прошло много лет, прежде чем я заметил, что меня не пригласили сесть в машину.

Я подумал об этом сейчас, припоминая заснеженный скрипевший под нашими ногами Пулковский меридиан и пронзительно чистое небо над ним. Над моей головой.

6. Обещание Баобаба

Всякая уважающая себя книга завершается благополучным концом.

Измученные автором герои с потрепанными нервами и язвой желудка получают заслуженные, выстраданные награды.

Несчастные любящие сердца, которых автор из корыстных побуждений сюжета держал на значительном расстоянии, соединяются в одной комнате с веселенькими обоями.

И вот уже в последнем абзаце за круглым столом сидит некогда гордый, независимый Идеал, примирившийся с неверной Действительностью и согласовывает с ней свой компромисс...

Зло покоится в свежей могиле, быстро вырытой автоматическим пером. На уютном холмике со скамеечкой уже позванивают лиловые колокольчики непобедимого Добра.

Последние несколько страниц о мелком зле по имени Баобаба.

Он жил на солнечной стороне нашего обычного дома, в начале века сделавшего шаг на чопорную дворянскую Фонтанку, над булочной, где мы учились самостоятельно покупать хлеб.

Школьным утром Баобаба волок свой портфель мимо моих окон, задевая углами мостовую, выкорчевывая некрупные булыжники. Он учился во втором классе, в школе Субботы.

Нелюбопытный нос, очки на нем в железной оправе заляпанная чернилами шахматная доска под мышкой, еще видик его одежды, лишенной то пуговицы в ответственном месте, то крючка — все, все указывало пальцем на то, что перед вами не обыкновенное зло, выбивающее стекла в парадных и вздергивающее на веревку зазевавшихся котов, но зло, которое играет в шахматы. В голове у него, наверное, еще крутились всякие такие вопросы, вроде «чем чешутся рыбки», «как попали пятна на луну» и «где в фотоаппарате птичка».

И, представьте себе, что этот Баобаба, посаженный на первую парту из-за незначительных размеров и близорукости, размазня, у которого в судный день списать нечего, играет в шахматы на живой интерес: в школе проигрывает красивых учительниц, а дома — знаменитых жильцов.

Рассказывая о Баобабе, я попутно пересмотрел несколько книг, ища в них исторические примеры игры на интерес.

Некий словак по имени Голуб, долго странствуя по свету, попал к маврам. А так как он славился не только своими рыцарскими подвигами, но и прекрасно играл в шахматы, его пригласили к королю. Дочь короля мавров, уверенная в своем умении играть в шахматы, вызвала Голуба на поединок. Будучи в таком мнении и не сомневаясь в своей победе, она предложила, чтобы тот, кто победит, ударил побежденного шахматной доской по голове. Видя размеры шахматных досок у мавров и оценивая их вес, словак долго не соглашался на такие условия. Но когда на него стали все больше и больше напирать, вступил в шахматный бой и выиграл. Выигравши, приневоленный условиями, он ударил по голове той, что проиграла, ударил шахматной доской, не очень сильно, так для видимости. А король мавров, хваля игру словака, наградил его тем, что в память об этой партии велел поместить в герб рыцаря изображение шахматной доски и негритянской девушки, увенчанной короной и... повязкой на лбу.

Во времена Карла инквизиторы проигрывали за шахматной доской обреченных писателей и ученых. Каждому школьнику известно, чем заканчивались шахматные партии во времена Карла: виселицами, осиновыми колами, сухим хвостом для костров.

Цивилизация пахнет жирной гарью и хозяйственным мылом для веревки.

Но я слишком углубился в историю.

Ведь я пишу о других временах.

Баобаб начинал шахматную партию со знаменитого e2 — e4, когда ему доставались белые. В середине игры, долго думая над очередным ходом, он усыплял партнера. Сделав свой любимый ход «слон 7», получал заслуженный мат.

К концу четвертой четверти Баобаб проиграл целую учительскую молодых женщин: анатомичку, 33 года; преподавательницу физкультуры, 25 лет; алгебраичку, 28 лет; историчку,

31 год и любимую всеми учительницу пения — школьного соловья.

Скажите, какой смысл играть с партнером, плохо владеющим фигурами, с шахматистом тупым и бездарным? Из жалости к нему? От нечего делать?

Баобаб знал, что порядочный шахматист с ним за одну доску не сядет. Поэтому он выбирал себе партнеров среди подонков, затаивших злобу и зависть — в школе против учителей, дома против жильцов. Он действовал на самые примитивные чувства:

— Давай прижмем ту историчку, которая тебе пару влепила. Выиграешь — она твоя вассалка...

— Играем на того, в шляпе, из семнадцатой квартиры. Помнишь,

он доклад делал о международном положении в красном уголке? Такого вассала иметь — пальчики оближешь!

Я пишу это, не скрывая ненависти!

Образованный человек, потративший лучшие годы жизни на книги, почетный житель нашего дома и не подозревал, что судьба его поставлена на доску где-то на задворках, на черной лестнице, при туманном свете дня, с трудом пробивающемся через немытое окно.

Ребята во дворе поговаривали, что Баобаб проиграл музыкального критика из 144 квартиры, театрального режиссера из квартиры 9, отдал после мата в три хода старого, уважаемого журналиста из тридцать пятой...

— Меня проиграли в шахматы!

О, если бы кто-то один мог бы так крикнуть на ходу, спускаясь вниз по лестнице во втором часу ночи...

К счастью, никто из проигранных ничем пока не рисковал. Баобаб еще только входил во вкус и пока лишь умозрительно, так сказать, забавы ради, ставил еле знакомых ему людей в зависимость от собственной тщедушной бездарности. Но ведь, повзрослев, Баобаб вполне мог стать каким-либо облеченным правами начальником и распорядиться сотнями, а то и тысячами людей...

Что тогда?

— Скажи, Баобабочка, сколько человек ты еще продул? — весело спрашивал Январь, встретив во дворе зловещего шахматиста.

— Баобабушка, как насчет водички дров поджарить? — подмигивал Булочная.

— Эй, эй, Баобаб! — останавливал его Суббота.

И все же, дорогой друг-читатель, все же в один из весенних дней Баобаб спустился в Фонтанку, уступая суровой необходимости игры.

— Смотрите, смотрите, ему Фонтанка по колено! — закричал Суббота.

* * *

Злу надо противиться.

Эту выстраданную людьми истину мы поняли

куда раньше, чем начали проходить в школе сочинения Льва Николаевича Толстого, но не ранее, чем зло коснулось одного из нашей компании.

Как умели, мы противились злу, боролись с ним домашними средствами.

Я по старой привычке продолжаю верить в слово, которое сначала было «честным октябрятским», выросло в «честное пионерское», а теперь — взрослое честное слово.

Старые клятвы, наверное, звучали бы сегодня так.

Честное слово, пока пишет перо Января, пока держит хирургический скальпель доктор Булочная, пока Субботе приходят в голову новые радиосхемы, под чьим бы именем ни выступало зло, в какие бы одежды ни рядилось, возле нас оно будет чувствовать себя неуютно.

Кутаясь в черный плащ, с кинжалом, оно пойдет подалее — искать теплое местечко возле равнодушных и тех, которые помалкивают.

* * *

Зло, ходившее в образе Баобаба, было повержено в последних числах апреля, когда до переулка уже долетал майский праздничный шум, а там улавливался и свободный дух летних каникул — без переэкзаменовок.

В один из таких дней, когда предчувствия разливаются ленью по всему телу, заходя в самые далекие уголки, Суббота сидел на солнышке возле парадного, и, как можно шире раскрыв рот, прогрелся в ультрафиолетовых лучах вспухшие гланды. Я высовывался рядом из своего окна, лежа на подоконнике лицом к небу.

Суббота не захлопнул рта, когда к нам подгреб разваленной походкой второгодник Четухка из флигеля.

Общение с Четухкой было крайне редким, завязавшиеся с ним разговоры через минуту накалялись докрасна от междометий и непередаваемых жестов.

— Где ваш Январь? — выставил вперед свой узкий подбородок Четухка.

— А-а-а, — ответил Суббота гландами.

— Передайте ему, что мне охота прокатиться на нем, — сказал Четухка с видом наездника, только что сошедшего с жеребца горячих кровей.

Не сговариваясь, мы с Субботой показали Четухке две простейшие геометрические фигуры из пальцев.

— Передайте вашему Январю, пускай седло почистит. Он теперь мой вассал.

— А! — воскликнул я, догадавшись: — Баобаб тебе проиграл Января!

Суббота захлопнул рот.

— Поллитровка, — сказал он Четухке. — Ты заплатишься.

— Январю вашему капец. Январь проигран. Я еще все ваше кодро выиграю! Все будете подомной ходить!

— Ноги пошире расставляй, — сказал я.

— И до пупка не разорвись, — добавил Суббота.

— Весь двор моим будет! — в припадке мании величия обещал нам Четухка.

— Этого не хочешь, Адольф? — и Суббота сделал один из тех жестов, что заменяют крепкие слова.

— Посмотрим, посмотрим, кто кого! — снова пообещал Четухка и пошел через наш черный ход во двор.

Спустя полчаса Суббота грел свои гланды, прислоняя спиной к чугунной ограде Фонтанки. Чуть ниже, на ступеньках гранитного спуска, ведущего в мутные воды великой реки, сидели Январь и Булочная, прихватившие для приманки шахматную доску. Я прохаживался по набережной, поглядывая на окна Баобаба.

Что там за густыми занавесками? Может быть, мы напрасно сидим тут, напротив парадного Баобаба? Может он в этот момент где-то в укромном уголке нашего двора превращает нас в слуг Четухки?

— У меня предчувствия, — сказал Суббота.

— Предчувствия?

— Я, ребята, предчувствую вот этим местом, — Суббота показал на свою грудь. — Что в этот миг Баобаб отдает меня Четухке за слона.

— А меня обменял на пешку, — сказал Булочная. — Его утопить мало будет.

— Факт мало! Его надо сначала поджарить.

— Да, он дома. По времени он дома, — сказал Январь, расставляя на шахматной доске призрачные фигуры.

Зеленый фургон с надписью «Сосиски» привез в наш дом свежий хлеб.

Я подошел ближе, чтобы ощутить лицом горячее дыхание круглого хлеба, влетающего в окно нашей булочной. Как он вязнет на зубах, как скользит по языку липкой разжеванной массой или царапает небо теплой корочкой! Сразу захотелось барбарисок, пастилы и бубликов с маком. И, честное слово, не хочется думать о Баобабе, которого ждет великая река Фонтанка.

«Что здесь происходит, почему никто не спасает этого мальчика?»

«Он превращал человечество в вассалов!»

Суббота огласил набережную свистом, как ножом полоснувшим по сизому воздуху над рекой. Я помог ему двумя пальцами. Густые занавески на окнах Баобаба не дрогнули, не скрипнула тяжелая дверь парадного.

На наш свист в проходе Обуховского моста, выбеленного солнцем, показалась шевелящаяся тень.

— Смотрите, землечерпалка!

Да, это Генка Комлев из сороковой квартиры возвращался из Африки, куда я отправил его на первых страницах своих воспоминаний.

Надо думать, он повидал мир, пока я здесь возился со словами, переставляя с места на место тяжелые предложения с соединительными союзами.

Все же массивная парадная дверь еще до вечера выпихнула на панель озирающегося Баобаба. Он посмотрел налево, направо, протер пальцами очки.

Я быстро подошел к нему.

— Здравствуй, Баобаб!

— Здравствуй, Андраша!

— Как хорошо, Баобаб, что ты вышел!

— А я уроки сделал и вышел.

— Как хорошо, что ты сделал уроки!

— Нам, Андраша, мало задали.

— Как замечательно, когда мало задают, а еще приятней, если ничего не задают.

Я обнял Баобаба за жидкие плечики (с такими плечиками проигрывать людям!)

— Баобаб, ты обожаешь горячий хлеб?

— Обожаю, Андраша!

— А барбариски, обожаешь?

— Обожаю.

— Наверное, и пастилу и тянучки?

— Очень обожаю!
 — А бублики с маком?
 — С маком?
 — Ага, поджаристые и сверху мак.
 — Очень люблю.
 — Как жалко, Баобаб, что у меня в кармане блока на аркане, а то бы я зашел с тобой в булочную.
 — Я пообедал, Андраша.
 — Значит, ты любил свежий хлеб, конфеты, пастилу, бублики с маком? — посмотрел я на Баобаба сверху вниз.
 В школе и дома родители учат нас уважать наших младших братьев, они слабее нас и не такие еще умные, как мы. Нечестно топить в Фонтанке слабого...
 — Я и сейчас люблю конфеты и бублики...
 — Да, Баобаб, — сказал я рассеянно, — ты любил...
 — У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил. Убил и закопал, и надпись написал, — дальше я негромко запел, что у попа была собака.
 — Баобабочка, привет! — залебезил Суббота, когда мы неторопясь подошли к спуску.
 Увидев Января, Баобаб остановился, предчувствуя возмездие. Лицо его скривилось.
 — Знает собака, чье мясо съела! — сказал я. — На каком ходу ты проиграл Четухе этого парня?
 — Я не проигрывал.
 — А ты вспомни, вспомни, Баобаб, — сказал язвительно Булочная. — Перед смертью все всегда вспоминают.
 — Что вы хотите со мной сделать? — на глазах Баобаба появились слезы.
 — Он еще спрашивает! — воскликнул Суббота. — Ясное дело — утопим тебя в великой реке.
 Января поднялся с корточек.
 — Не слушай. Сыграешь со мной партию и все, — сказал он.
 — Слово даешь? — спросил Баобаб, дрожа от страха.
 — Еще слово тебе! — вскричал Суббота. — Скажи лучше, на каком ходу ты проиграл Января?
 — Мы ходы не считали.
 — Ну, долго играли? Сколько ты ходов сделал?
 — Ходов двадцать...
 — Я проигран после упорного сопротивления, — сказал Января.
 — Что вы мне сделаете? Я матери крикну, вон наши окна.
 — Подожди кричать. Садись на ту ступеньку. Твои белые. Мои — черные. Как младшему я даю тебе два хода форы, — сказал Января.
 Такому выбору может позавидовать любой из подонков: шахматы или смерть.
 — Маленькое условие, — диктовал свою волю Января, опираясь на справедливость и наше присутствие. Если партия твоя — пойдешь домой. Если проиграешь — пойдешь в Фонтанку.
 — Как в Фонтанку? — спросил совершенно испуганный Баобаб.
 — Вот так! — и Суббота прошел мелкими шажками два метра, сел на камень и спустил ноги в воду.

— Я буду кричать! — пригрозил Баобаб.
 — Да, ты же выиграешь, — сказал Января. — Смотри: твои белые, еще два хода твои, могу еще форы дать.

Для шахматиста, проигравшего столько замечательных, красивых людей, не могло быть более прощающих условий.

Баобаб оглянулся на свои окна и передвинул пешку e2 — e4. Он был расстроен, подавлен нашей жестокостью и, в частности, моим вероломством: — начал с горячего хлеба, а довел до Фонтанки. Он зевал выгодные ходы. Играть с ним было противно.

— Да-а, — говорил Января. — Да-а, Баобаб...

Мы сидели на ступеньках в ожидании исхода. Я видел, что конь черных давно объявил мат Баобабу, и Января это видел, прекрасно понимал свою позицию наш Января.

— Мне мат от коня! — вдруг с ужасом заметил Баобаб: — Он давно здесь стоит?

Все молча поднялись со ступенек.

Баобаб сморщился, повернулся к дому, ища поддержки у окон.

— Иди, иди, ты проигрался, — сказал Января, легонько подталкивая его к воде.

— Я закричу.

— Хуже будет, — сказал Булочная. — Иди добровольно.

— Будешь повторять за мной клятву, — приказал Суббота, веривший так же, как и мы, в честное слово. — Повторяй: клянусь всеми своими потрохами...

— Клянусь всеми своими потрохами, — поспешил повторить Баобаб.

— И всеми потрохами своих любимых родителей, и всеми потрохами своих любимых родственников, и всеми потрохами своих соседей по квартире...

Баобаб повторял за Субботой:

— ...всеми потрохами своих соседей по квартире, что никогда в своей жизни, ни маленьким, ни большим, ни здоровым, ни больным, не приотрону к шахматам, чтобы играть, — звучали слова надежнейшей из клятв.

Суббота иссяк и смотрел на нас, ища поддержки. Нашелся Булочная:

— Пусть меня утопят в великой реке Фонтанке...

— ...Пусть меня утопят в великой реке Фонтанке, — охотно повторял Баобаб, — если я когда-нибудь в минуту забывчивости нарушу эту клятву, пусть переедет меня фургон с хлебом, пусть меня пырнут финкой в Юсуповке, и я умру в детской больнице имени Семашко, пусть я упаду в лестничный пролет с седьмого этажа, пусть меня придавит лифтом, пусть выгонят меня из школы, если моя рука подыметься на шахматы...

Наступила пауза.

— Все? — спросил Баобаб.

Мы хмуро кивнули ему.

Баобаб выкарабкался из реки, потопал ногами, выжимая Фонтанку из ботинок, отжал брюки и, грустно улыбувшись, произнес:

— Большое спасибо!

— Будь здоров, не кашляй! — ответили мы сквозь зубы.

Мы — это Булочная, Суббота, Января и я — последняя буква алфавита.

О ЖЕЛЕЗЕ И КУЗНЕЦАХ

● В Грузии существовало поверье: если посешь из железной посуды, черви не заведутся потом в семенах урожая.

● Японские ученые во многих публикациях утверждают, что ношение на руке небольших магнитных браслетов из железа благотворно сказывается на кровяном давлении людей.

● Английский мореплаватель XVIII века Джемс Кук отмечал, что на всех островах Полинезии, известных ему, жители до прибытия европейцев совершенно не знали железа. Рассказывая о первых встречах с туземцами, он утверждал, что железо было любимым для них подарком. Спутники

Кука рассказывали, что за один крупный гвоздь туземцы охотно давали несколько ярдов местной ткани, а за десяток железных костылей моряки получали десять свиней.

● Несколько лет назад швейцарец Рене Гарди обнаружил в Северном Камеруне небольшое племя маткам, до сих пор не известное европейцам. Господствующее положение в племени занимает кузнец. Кузнецы образуют особую касту и стоят выше остальных соплеменников. Они не только кузнецы, но и врачеватели, заклинатели дождя, а при совершении похоронных обрядов выполняют роль распорядителей танцев. Но их главная задача — сохранение тайны изготовления железа. Это тщательно оберегаемый секрет, недоступный для непосвященных.

● У многих других народов кузнец также пользовался особым уважением. В Киевской Руси, например, кузнец считался одновременно знахарем, колдуном — и вообще человеком, который будто бы может определять судьбу, «выковать счастье» и т. п.

● Средневековые цехи Германии требовали от желавшего стать мастером-кузнецом присяги, что он не будет иметь дела с дьяволом.

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

Курганская область Юные краеведы Куртамышской восьмилетней школы и школы-интерната установили обелиск на том месте, где в 1906 году проводилась первая в Куртамыше маевка.

□ □ □

Следопыты Китайского дома пионеров к пятидесятилетию Советской власти изготовили карту-плакат по истории родного края. Много интересных материалов собрали они. Вот, например, как описывает приказчик Полозов основание города Катайска в 1659 году

«Катайский острог на горе подле Исети на правой стороне пониже речки Катайки построен рубленный в длину 63 сажени с аршином, поперек 41 сажень, четыре башни с воротами, около острогу надолбы, рогатки для осторожности от приходов воинских людей и от башкирской шалости».

Есть в истории района и странички о декаб-

ристах. Возле села Ипатово стоят три старые березы. По преданию, посадил их высокий хромой декабрист, когда его везли в Сибирь. Известно, что из тринадцати декабристов, живших в нашей области, хромым был только лицейский друг Пушкина Вильгельм Кюхельбекер. Вероятно, он и посадил эти березы.

Большое место в краеведческом музее занимает стенд, посвященный героическому полку Красных орлов, сформированному в 1918 году в Катайске.

□ □ □

Следопыты Далматовской школы собирали материалы о земляке, героически погибшем в 1942 году в битве на Волге, — Алексее Охулкове. Ребята собрали его фотографии, документы, письма с фронта, разыскали родных и друзей Алексея. Сейчас отряду пятого класса присвоено имя Алексея Охулкова.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Леонид ФОМИН

1. КОСУЛЯ

Я шел по редкому лесу. Осень только-только «наклюнулась», ее можно было подглядеть лишь по самым незначительным переменам — по светлой, как бы нарочно подвешанной прядке в густой зелени березы, по розоватым верхушкам осин, по оленкам, которые веселыми ватагами осаждали высокие пеньки-гнилушки.

Тихо кругом. Нет ни мошек, ни комаров. Воздух чист и прозрачен. Иногда он взблескивает едва уловимыми светящимися нитями — это путешествуют на своих паутинках паучки. Уже не трезвонят безудержно и разноголосно птицы и нет той слепящей яркости в цветах. Старым птицам теперь не до песен — надо кормить да учить уму-разуму несмышленных птенцов, а цветы будто поистратили за лето лучшие краски и одеваются сейчас кто во что: в серое, бурое, желтое.

В лесу пахло подопревшим сеном, спелой малиной и грибами. Эти запахи настолько различны, что я пытаюсь представить их даже на цвет. И они кажутся мне то голубыми, то палевными, то красными. Я привык к таким сравнениям и, когда иду по лесу, про себя отмечаю: «Вон там, в низине, «голубое» место, значит, грибное, а вон там — «красное», значит, ягодное.

Дышалось легко и свободно, и я шел без всякой цели, не снимая с плеча ружья, наслаждаясь запахами наступающей осени.

Когда я выходил на лесные еланки с подсохшей, звонко шуршащей травой, из-под ног трескуче сыпались кузнечики, с пней юрко шмыгали пригретые солнцем ящерицы, над ромашками и шалфеем порхали мелкие пестрые бабочки-пяденицы.

74 Опять запахло «красным», я вспомнил про брусничник на каменной горке и направился к нему. Миновал знакомый бочаг, наглухо зарос-

ший по берегам цепкими кустами волчьей ягоды, редкий молодой березняк, недавно поднявшийся на место старой лесосеки, и вдруг заметил переди за деревьями какое-то животное. Наполонину скрытое зеленью, оно неторопливо двигалось мне навстречу.

Кто это? Теленок — не теленок, собака — не собака. Вроде и теленка поменьше, и собаки побольше. Шерсть изжелта-рыжая, ножки тоненькие. Склонился пониже, убрал от глаз мешавшую ветку — и узнал: косуля! Не подозревая опасности, она шла прямо на меня.

«Вот бы подошла поближе, вот бы посмотреть получше». И косуля будто поняла, что от нее захотел человек, шла и шла вперед, все приближалась ко мне.

Вскоре я увидел не только ее всю, но и услышал осторожный хруст стебельков под копытцами. А затем и самые копытца разглядел, когда она, делая новый шаг, красиво поднимала и как бы задерживала на весу согнутую в суставе ногу. Копытца черные, блестящие, заостренные — ну, туфельки да и только! И ветвистые рожки на голове у косули черные, поблескивающие.

Плавню ступая, прислушиваясь к каждому своему шагу, косуля подходила все ближе и ближе. Теперь я видел не только копыта и рожки, но и различал, как поднимаются от вздохов ее подтянутые бока, как подергивается усатая мордочка и даже слышал вздохи — спокойно-глубокие, чуть-чуть сопящие.

Когда между нами осталось шагов пять, косуля остановилась. Вскинув шею и вытянув трепетно вздрагивающие тонкие губы, сорвала с макушки высокой саранки цветок, быстро двигая нижней челюстью вправо-влево, разжевала его и дважды глотнула. Я видел, как катились по горлу комочки этих глотков. А потом что-то случилось: косуля так замотала и затрясла головой, точно отбивалась от наседавшего овода. Опустила длинное ухо, сгорбилась вся и задним копытцем почесала за этим ухом. Что случилось? Ах, вон что! — репейник где-то подцепила.

Так стояли мы несколько минут. От напряжения у меня начало сводить судорогой ноги, и я — даже не заметил как — переступил. И этого оказалось достаточно, чтобы выдать себя. Косуля вздрогнула, враз устремила на меня, будто выстрелила, взор, слух, обоняние. Она стояла рядом, и два черных, широко раскрытых глаза пронизывали меня насквозь, влажные ноздри шумно втягивали воздух. Глаза были полны и ужаса, и растерянности. Она напряглась, готовая сорваться с места в любой момент подобно стреле, исчезнуть среди берез. Но я не шевелился, и косуля стояла. Она — «узнавала», пыталась понять, кто все-таки перед ней: пень или живое существо, а если живое существо, то враг оно или нет? Однако осторожность взяла свое, и я заметил, как косуля медленно подтягивает задние и передние ноги, как горбится при этом ее спина

и как торчмя поднимается на выгнутом хребте рыжая шерсть.

«Чего напыжилась? Иди, куда хочешь», — одними губами, мысленно сказал я косуле. Но теперь, кажется, и этот мой мысленный голос она услышала. Под ней словно что-то взорвалось — такая невероятная сила взметнула ее и отбросила далеко в сторону. И до чего же красива была она в прыжке-полете! Рога — на спине, шея — саблей, задние ноги прижаты к животу, а передние стремительно выброшены вперед. «Приземлилась» она за березками, уже скрытая от глаз, да еще и еще прыгнула! Только и слышно, как стучат копыта по земле: тук! тук! тук! В несколько секунд ускакала на безопасное расстояние и тогда начала гневно топтать по камням да хрипло взлаивать — пугать меня вздувала.

— Не топай, не больно-то я тебя испугался, — сказал я и пошел своей дорогой.

2. КРОНШНЕП И ВОРОНЫ

Как-то в августе я шел по овсяному полю. Овес уже скосили, на жнивье там и тут поднимались горбатые стога соломы.

В это время начинают табуниться птицы, держатся выводками, стайками, а то и целыми скопищами. Все дни жируют на кормовых местах.

Над полем с шумным граем летали грачи. На фоне желтой стерни они были так черны, что казалось, будто их брали за клюв и обмакивали в смолу. Поэтому белым остался один клюв. Тут же летали вороны, но держались они отдельно, своими компаниями.

Из-под ног то и дело вспархивали жаворонки, разбегались трясогузки, семена ножками, вполношнно взлетали и тут же садились молчаливые сытые овсянки.

Обособленно, вдали от грачей, ворон и пернатой мелкоты, по полю степенно расхаживали на длинных голенастых ногах кроншнепы. Эти большие кулики с саблевидными клювами любят поля. Но не признают никакого соседства. Особенно с воронами. Вороны для кроншнепов,

как и для некоторых других птиц, — кровные враги. Они нападают на плохо замаскированные на земле гнезда кроншнепов, выклевают яйца, убивают птенцов. Поэтому кроншнепы всегда начеку и чуть завидят ворону, протяжным криком «у-у-лить, у-у-лить» предупреждают об опасности. В одиночку вороны не нападают. Боятся. А вот когда соберутся вместе, начинают разбой. Один раз я видел, как три вороны осаждали гнездо кроншнепа. Кроншнепица сидела на яйцах и стойко отражала атаки. Когда какая-нибудь из ворон пролетала особенно низко, она мгновенно выпрямлялась на длинных ногах и без промаха разила врага клювом-саблей. Ворона с трудом выравнивала полет, но выравнивая, опять заходила на гнездо. Настырные эти вороны!

Зато как сражался отец-кроншнеп! Он все старался залететь сверху, а залетев, вытягивал назад острые тонкие крылья и пикировал на противника. Вороне редко удавалось увернуться, кроншнеп ударял ее лапами, да еще успевал долбануть клювом. Ворона долго не могла оправиться от удара, падала и низом уматывала восвояси, забыв о подругах.

Не поддаются кроншнепы воронам, и наверно из-за этого между ними никогда не бывает мира.

Так вот, шел я, шел этим полем и увидел низко летящих кроншнепов. В это время из-за ближнего стога раздался выстрел. Передний кроншнеп качнулся — мне показалось даже, что он ойкнул — и, теряя высоту, потянул в дальний угол поля. И сел там за межей в зарослях бурьяна.

Из-за стога вышел охотник и направился к кроншнепу. Я тоже побежал, и, когда бежал, видел, как по какому-то сигналу со всех сторон к подбитой птице с радостным гвалтом заспешило воронье. В их жадном, нетерпеливом карканье так и слышалось: «Пока-ажем, пока-ажем...»

Я злился на охотника за то, что он выстрелил в кроншнепа, и когда поравнялся с ним, с досадой крикнул:

— Не видишь, по кому стреляешь?!

Охотник наверно и сам уже покаялся, что выстрелил по редкой птице. Он все замедлял, замедлял шаги, а потом и вовсе остановился. «Ну и оставайся, — с неприязнью подумал я. — Сам подстрелил и даже подобрать не хочет!»

Я еще пуще разозлился на охотника, когда подбежал к меже и увидел птицу: раненый кроншнеп, полуприсев, опираясь на раскинутые крылья, отбивался от наседавших ворон. Сквозь бурьян мне было видно, как он метко долбил длинным клювом то одну, то другую вещунью, и как они с шипеньем и карканьем отскакивали от него.

Прошло минут пять. Вороны смелели все больше, и кроншнепу теперь приходилось отбиваться как заведенному — бить и вправо, и влево, и впереди, и сзади себя. Но он уже обессилел, движения его стали вялыми, удары неточными, и некоторым воронам сейчас нет-нет да и удавалось стукнуть кроншнепа своим клювищем-долотом. Так ведь и заключают!

Тут я не выдержал, поднялся в рост, и вороны, испугавшись, разлетелись. Подскочил, замазал крыльями и кроншнеп. Он тяжело полетел на другое поле, где не было ворон.

Рисунки Л. Полстоваловой

ГЛАВНЫЙ ИСТОРИК РАЙОНА

В исторических хрониках А. С. Пушкина и Вяч. Шишкова о восстании Пугачева не однажды упоминается старинное село Бакалы — нынешний районный центр в Башкирии. В частности, в романе В. Шишкова: «Отдохнув в Акташе, генерал Ларионов не спеша двинулся к Нагайбаку и занял его. Мятежники тем временем отступили к Стерлитамаку и Бакалам. Ларионов выступил было на выручку Бакалов, но, испугавшись глубоких снегов и пугачевских партизан, вернулся обратно».

Нагайбак тоже старинное село в Бакалинском районе. Но при чем тут упоминаемый Шишковым Стерлитамак? Такой город есть в Башкирии, но он совсем в другой стороне, более чем за полтора верста по прямой линии от Бакалов и Нагайбака. Как могли мятежники отступить по одной фронтальной линии одновременно к двум населенным пунктам, расположенным географически совсем в разных местах? Эта «несообразность» прослеживается, кстати, и в архивных материалах.

Учитель истории Бакалинской средней школы Анатолий Васильевич Коновалов установил, что ошибки ни в романе Шишкова, ни в архивных записях нет. Не мог же напутать даже ближний сподвижник Пугачева казак Торнов, который в своих показаниях на допросе в Казанской секретной комиссии называл Стерлитамак соседним с Бакалами и Нагайбаком поселением.

Размышляя над этой загадкой, Коновалов вдруг вспомнил: по границе Бакалинского района с соседней Татарией течет известная река Ик, а в нее со стороны Татарии, километров на сорок южнее Нагайбака, впадает крохотная речушка Стерля. О ней мало кто знает, кроме разве что жителей ближних сел. Город Стерлитамак в Башкирии называется по имени реки Стерля, в устье («тамак») которой он расположен. Но деревни под названием Стерлитамак в устье тески-речуш-

ки сейчас нет. Коновалов выяснил, однако, из распросов старожителей сел Куштиряк и Урманяево, что такое селение когда-то существовало.

Так проведал Анатолий Васильевич об истинке одной неточности в современных описаниях крестьянского восстания Пугачева, где упоминаемый в архивных материалах Стерлитамак принимается за нынешний город.

Ряд крупных событий Пугачевского восстания происходил на территории нынешнего Бакалинского района. До настоящего времени живы в бакалинских селах рассказы о сражениях пугачевцев. Что в этих преданиях сохранилось за два столетия от действительных фактов? Анатолию Васильевичу показалось интересным установить картину пугачевского движения на территории района. Он изучил труды исследователей этого крестьянского восстания, выписал из Центрального государственного архива древних актов фотокопии протоколов допроса сподвижников Пугачева, действовавших с отрядами повстанцев в Бакалинской и Нагайбакской волостях.

Вместе со школьниками Коновалов побывал в Нагайбаке, тогдашней крепости пугачевцев. В романе Шишкова сказано: «На защиту Нагайбака пугачевец Зарубин-Чика отправил из своей Чесноковки большой отряд в четыре тысячи человек при тринадцати пушках». По одному из местных преданий, отряд встретил на своем пути глубокий овраг с ручьем на дне и с крутыми склонами. У повстанцев не было ничего, чем можно было бы спешно замостить овраг и протащить через него пушки. Тогда они шапками и в полах одежды натаскали земли, сделали насыпь, переправили пушки и вовремя подошли на помощь Нагайбаку. Так ли это происходило на самом деле, как сказывается в легенде, неизвестно и даже очень сомнительно — ведь четыре тысячи человек могли бы легко вытянуть пушки из оврага своей силой. Но

РАСКОПКИ

**АЗЪ
БУКИ
ВЪДИ**

В СТРАНЕ

СЛОВ

Каждое слово — это маленькая тайна. Разгадкой ее занимается наука этимология¹. Работа ученого, исследующего происхождение слов, тонка и сложна. Она требует больших знаний и настойчивости.

Дело в том, что от длительного употребления многие слова снашиваются, истираются, их связи блекнут, выветриваются, забываются.словно археолог, снимающий слой за слоем земли, чтобы раскопать остатки занесенного пылью веков человеческого поселения,

¹ См. «Уральский следопыт» №№ 1, 2.

старая насыпь через овраг и по сей день существует.

А в самом Нагайбаке все еще цела церковь, «простреленная» пугачевцами. За то, что церковь получила святотатственное «ранение» от «бунтовщиков», Екатерина II назначила ей, опять же по местному, бакалинскому сказанию, пенсию и выделила несколько сот десятин земли. В школьном краеведческом музее, кроме ядра, стрелы и сабли пугачевских времен, хранится полученная от одного из жителей Нагайбака большая деревянная «памятная медаль», принадлежавшая когда-то нагайбакской церкви, с надписью: «Сия церковь прострелена Пугачем в 1774 году»...

В деревне Шерашлы бытует легенда о том, будто бы в пещере у ключа Холодного долгое время прятались пугачевцы после подавления крестьянского восстания и что в глубине пещеры можно и сейчас обнаружить остатки боевого снаряжения повстанцев. Со школьниками — членами краеведческого кружка — Коновалов совершил поход к ручью Холодному. Обследовали пещеру и убедились, что это заброшенный старинный медный рудник. Такая же «пещера» возле деревни Орловка тоже оказалась рудником. По архивным источникам Коновалов установил, что когда-то один из сановников Екатерины II, князь Татищев, решил разбогатеть на «медном деле» — открыл возле села Шаран медеплавильный завод, а в качестве сырья доставлялся из окрестных рудников медистый песчаник.

А то был такой случай в Бакалах, всполошивший работников райкомхоза и даже привлечший внимание местной милиции. Во дворе райкомхоза рабочие копали котлован под пилораму и на глубине около метра обнаружили скелет человека. Скелет располагался странным образом — в скорченном виде и на боку. «Не иначе, как связали человека, убили и закопали», — решили рабочие и заявили в милицию. Узнавшие о скелете члены школьного краеведческого кружка рассказали о находке Анатолию Васильевичу. По характеру захоронения, по особенностям орнамента на глиняных черепках, найденных возле скелета, Коно-

валов определил, что могильник этот древний и относится он к срубной культуре эпохи бронзы (около 3 тысяч лет назад).

Девять лет назад, во время строительства клуба в Камышлах, колхозники обнаружили множество «странных предметов» и позвонили в Бакалы Коновалову. Анатолий Васильевич определил приблизительно, что предметы относятся к раннему железному веку, и дал знать в республиканский краеведческий музей. Спустя два года большая экспедиция Московского университета и Башкирского филиала Академии наук СССР вскрыла в Камышлах около ста погребений древнего человека. Часть предметов из этих погребений хранится в школьном музее.

В позапрошлом году Коновалов со своими юными помощниками обнаружил новую мезолитическую стоянку на речке Сюнь, у ручья Холодного, а в июне прошлого года — такую же стоянку древнего человека тоже на реке Сюнь, у поселка Верхне-Троицкого. После этих находок, как отмечено в книге московского археолога Г. Матюшина, область распространения мезолита на Урале значительно расширена.

Работая по заданию Института археологии Академии наук СССР, школьный краеведческий кружок, руководимый А. Коноваловым, собрал богатый материал, многие из найденных им предметов и изделий древнего человека имеют большую научную ценность.

Старательно и любовно собраны в школьном музее экспонаты и по другим разделам истории района: о стихийных выступлениях крестьян в годы первой русской революции, о местных событиях в дни Октябрьской революции, в годы становления Советской власти и гражданской войны.

Есть в каждом райцентре должности: главный врач, главный зоотехник, главный агроном района... Анатолия Васильевича Коновалова называют в Бакалах главным историком района на общественных началах. Неплохо иметь в каждом районе таких «главных историков» — знатоков и энтузиастов изучения местного края.

И. КОЖЕВНИКОВ

языковед поднимает слой за слоем в словах, вскрывает их былые связи и приходит к выводам, имеющим ничуть не меньшее значение, чем выводы археолога. Языковед вооружен не лопатой, а пером, но «копает» он порой и поглубже, потому что язык хранит в себе древностей не меньше, чем «мать — сыра земля».

Язык — громадный заповедник истории человечества. Чтобы не заблудиться в нем, имеется прочная путеводная нить — соответствия между звуками отдельных языков. Звук — это маленький кирпичик языка. Звуковой строй — фундамент, на котором строится все здание. И если в «фун-

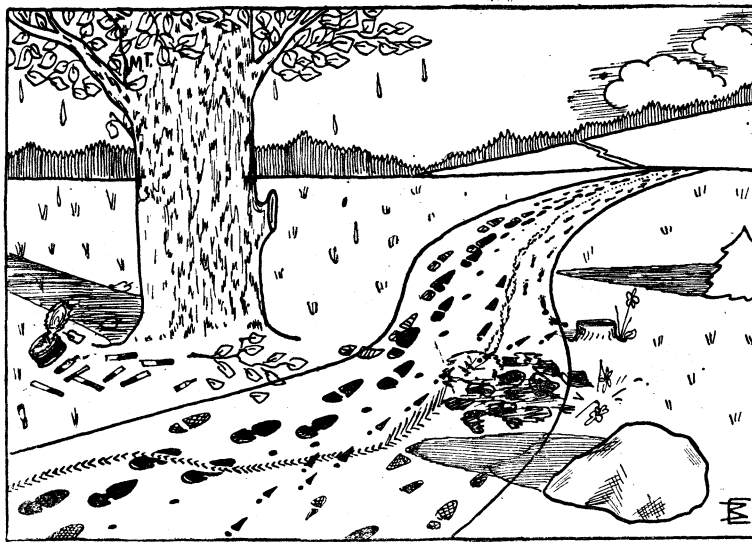
даменте» двух языков (или трех, четырех, десяти, двадцати) наметанный и точный глаз ученого заметит сходство, да если еще, к тому же, оно подкрепляется сходством в значениях слов и в их грамматическом устройстве — эти языки объявляются родственными, происходящими от одного языка — «отца».

У языков-детей могут быть разные судьбы. Они с течением времени настолько изменяются, что перестают походить как на своего предка, так и друг на друга. У «детей» может быть многочисленное и разнообразное потомство, и разница между «внуками» увеличивается еще больше. Ну то

бы мог подумать, что, например, русский, армянский, индийский, норвежский, испанский, немецкий, французский, иранский, ирландский, греческий, латинский, старославянский, афганский, осетинский и болгарский языки одного корня? Тем не менее это так. Их общий предок давным-давно уже не существует, он исчез несколько тысячелетий назад, оставив в наследство нынешним языкам свои звуки, свою грамматику и свой словарь. И каждый язык по-своему изменил, обработал это наследство.

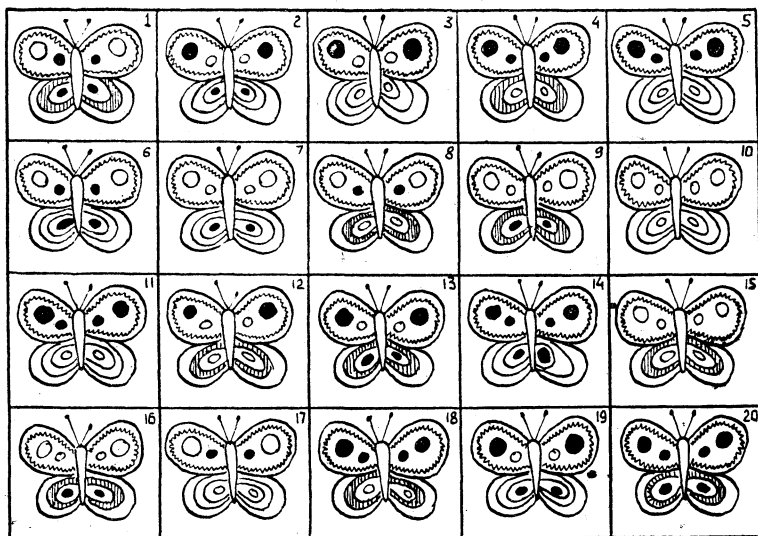
Возьмем звук **б** в нескольких русских словах и посмотрим, какие звуки ему соответ-

С М Е К А И — Ж А !

Представьте себя на минуту Шерлоком Холмсом. О чем может рассказать следопыту этот рисунок! Какая погода! Кто здесь был, что делал! Что можно сказать об этих людях!

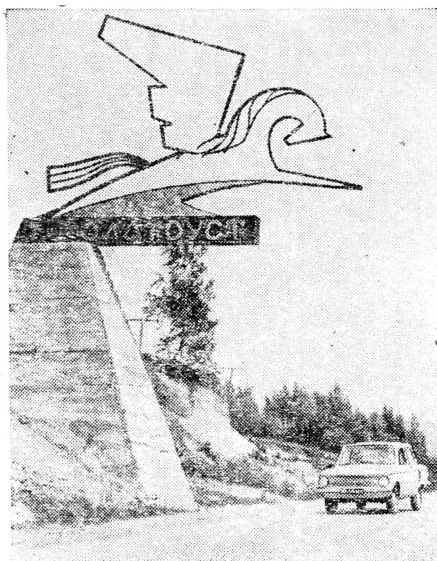
Натуралист собрал в одну коллекцию двадцать, как он уверяет, разных бабочек. Так ли это!

Ответы на задачи № 2.

На рисунке (слева направо и сверху вниз) изображены веточки кедра, сосны, пихты, лиственницы, ели и можжевельника. Срезы иголок (слева направо) принадлежат сосне, ели, лиственнице, кедру и пихте.

Порядок, в каком финишировали спортсмены, можно определить, проследив, как пересекаются их лыжни. Например, лыжня пришедшего последним пересекает следы всех остальных слаломистов. Таким образом, спортсмены финишировали в следующем порядке (слева направо): 3, 1, 4, 2, 5.

Постоянные читатели «Следопыта» помнят, вероятно, заметку «Рождение герба» (№ 5, 1966 год). В ней рассказывалось о том, как крылатый конек — излюбленный мотив на золоточеканных стальных гравюрах галантливого мастера Ивана Бушуева (Иванки-Крылатки) — стал как бы эмблемой старого города уральских умельцев. Он конек, летел и на афише городского театра, и на рекламном щите краеведческого музея, и на фирменной марке местной фабрики, и на памятной медали новорожденного златоустовца. И люди, видя знакомую эмблему на афише ли спектакля, на этикетке ли фабричного изделия, знали: это из Златоуста, это златоустовская работа.

Так сам собой создавался герб города. Но официально его тогда еще не было. И вот он появился. 15 июня 1967 года исполком горсовета утвердил герб города, созданный в итоге длительных творческих поисков местным скульптором В. Жариковым.

Традиционному геральдическому щиту, на котором распластался в полете крылатый конек — символ крылатой, неуязвимой славы златоустовских умельцев, здесь приданы очертания сталелитейного ковша — символа металлургии, основной отрасли промышленности города. Надпись внизу, стилизованная под древнерусскую вязь, напоминает о солидном возрасте этого южноуральского города.

Герб получился лаконичным, красивым и ясным. К 50-й годовщине Октября и въезд в город со стороны Миасса оформили в виде фрагмента из герба.

ГРАЖДАНИН ДЕВЯТИ ГОРОДОВ <i>В. Кашиц. Очерк</i>	1
РАЗГОВОР О ВИСИМЕ	16
СТИХИ <i>В. Машковцев</i>	18
ЖЕЛЕЗНЫЙ САМСОН <i>А. Драбкин, Ю. Шапошников. Документальная повесть</i>	21
ИДЕМ В ГОД ВОСЕМНАДЦАТЫЙ <i>На приз нашего журнала</i>	35
ГОРЬКИЙ И МАМИН В «ДЕЛЕ 4-го МАРТА» <i>И. Дергачев</i>	36
В БУДУЩЕЙ АФРИКЕ <i>М. Фомина. Рассказ</i>	41
СЕКРЕТЫ ДРЕВНИХ МАСТЕРОВ <i>Н. Мезенин. Заметки</i>	45
БРИГАНТИНА — НАША! <i>В. Осипов. Дневник</i>	49
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН <i>Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман</i>	57
ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО РЕБЕНКА <i>М. Андраша. Юмористическая повесть</i>	66
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ <i>Л. Фомин</i>	74
ГЛАВНЫЙ ИСТОРИК РАЙОНА. <i>И. Кожевников. Краеведческая копилка</i>	76
РАСКОПКИ В СТРАНЕ СЛОВ <i>В. Житников</i>	76
СМЕКАЙ-КА!	79

Обложка В. Воловича и С. Киприна

Технический редактор
Э. Максимова

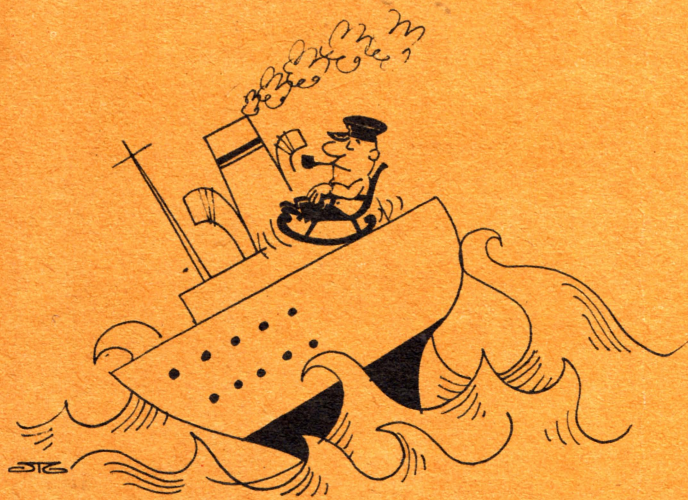
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д 1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Корректор

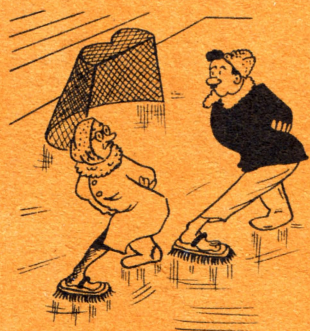
В. Бурангулова

Подписано к печати 15/II 1968 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л. — 3,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,82
НС 13031. Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 11.

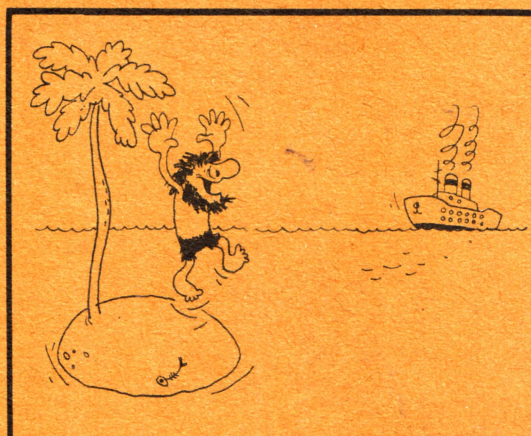
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

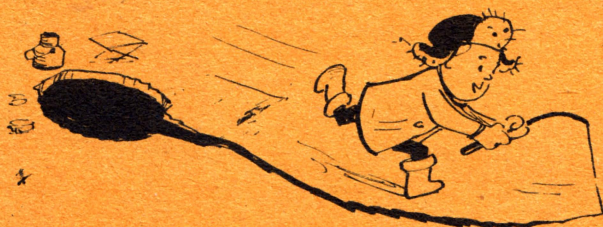
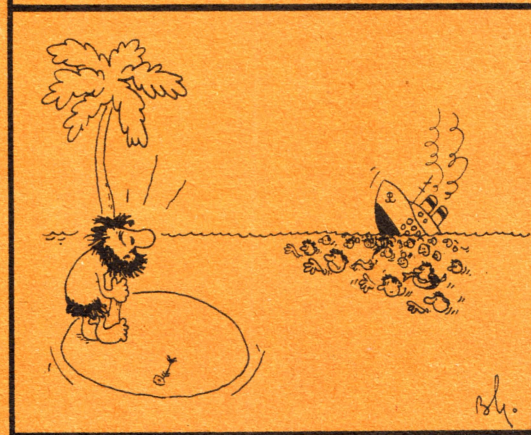
.....

— Сегодня здесь играет сын.

— Долго он еще будет играть с нами в жмурки?

Повела . . .

.....

Рисунки
В. Разника, А. Грунина,
В. Милейко, О. Теслера
и Е. Шабельника.

Д. БОРОВСКИЙ (Ленинград).

ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ.

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ